

Международная Академия Наук
Армавирский государственный педагогический
университет

Е.И. Нарожный

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Армавир 2005

УДК 9(с)16
ББК 63.3(2р37)
М-34

Е.И. Нарожный Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды) Армавир. АГПУ. 2005. 210 с.

В монографии вводятся в научный оборот раскопочные материалы с территории могильника "Сухая Балка" (Северная Осетия) и соотносятся с синхронными захоронениями, в свое время раскопанными на могильнике городища Верхний Джулат. А также – отдельные позднекочевнические захоронения с территории Чечни, Ставропольского и Краснодарского краев. Приводимые материалы атрибутируются как "монгольские", так и половецкие захоронения XIV века. Рассматриваются вопросы, связанные с традиционной погребальной обрядностью кочевых сообществ и причины их изменений в рамках XIV столетия.

Работа адресована специалистам по археологии и средневековой истории Северного Кавказа золотоордынского периода. А также – широкому кругу читателей, интересующихся далеким прошлым региона.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор
С.А. Дударев,
кандидат исторических наук
С.А. Голованова

ISBN 5-93750-127-6

На обложке – Средневековые кочевники по рисунку Г. Юла.

© Центр археологических исследований АГПУ, 2005.
© Е.И. Нарожный, 2005.

ВВЕДЕНИЕ

Так уж сложилось в отечественном кавказоведении, что проблематика, связанная с пребыванием поздних кочевников на Северном Кавказе, осталась как бы в стороне от исследовательского внимания. Несмотря на то, что в литературе существуют специальные издания, на страницах которых приводятся отдельные публикации позднекочевнических комплексов, вместе они практически никогда не рассматривались и причин тому можно назвать много.

Одна из них – отсутствие стойкого и перманентного интереса к этому периоду истории и археологии региона. Отсюда встречающиеся ранее в раскопах кочевнические погребальные комплексы остаются до сих пор и большей частью не опубликованными. С другой стороны, и на этом не принято заострять внимание, отдельных исследователей в большей степени интересовала и продолжает привлекать только проблема участия поздних кочевников в процессе этногенеза некоторых северокавказских народов, например, тюркоязычных предков современных карачаевцев и балкарцев, ногайцев, кумыков [Материалы... 1960; Федоров Я.А., Федоров Г.С. 1978; Батчаев В.М. 1980; Батчаев В.М. 1986; Алексеева Е.П. 1993, с.39-41 и др.; Федоров-Гусейнов Г.С. 2001 и др.]. Либо же то, как кочевники создавали бесконечные прецеденты для активизации героической борьбы местных народов против захватчиков, особенно в суровые годы испытаний, связанных с вторжением Чингизидов на Северный Кавказ. Между тем, роль и место поздних кочевников в истории Северного Кавказа продолжает оставаться одним из "белых пятен" на историко-культурной карте региона.

Погребальные памятники, оставленные поздними кочевниками эпохи Золотой Орды на территории Северного Кавказа, немногочисленны. Объяснять это можно слабой археологической изученностью региона.

Как известно, изучение курганов, позволивших выявить первые позднекочевнические захоронения на Северном Кавказе, началось еще в XIX – начале XX столетий. Эти работы производились В.И. Бернштамом, В.Б. Антоновичем, В.И. Долбежевым, Н.И. Веселовским, В.А. Городцовым и другими авторами. Однако выявленные тогда позднекочевнические захоронения были недостаточно полно документированы и в дошедших до наших дней отчетах (за редким исключением)

интересующие погребальные комплексы лишь угадываются [Городцов В.А. 1911; Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.267-268; Нарожный Е.И. 1988, с.157-189; Даутова Р.А. 1989, с.74]. Раскопки курганов, осуществлявшиеся в советское и последующее время, привели к появлению новых археологических материалов. [Пиотровский Б.Б. 1941; Крупнов Е.И. 1969; Минаева Т.М. 1964; Алексеева Е.П. 1993; Чеченов И.М. 1969; Виноградов В.Б. 1973; Мамаев Х.М. 1980; Чахкиев Д.Ю. 1984; Коренько В.А., Атавин А.Г. 1986; Бабенко В.А. 1996; Биджиев Х.Х. Топоркулов И. Х., Байрамкулов С.Д. 1996; Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. 1995; Доде З.В. 2001; Доде З.В. 2001а; Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А. 2001; Армарчук Е.А., Сорокина И.А. 2001; Анфимов И.Н. 1986; Козменко Е.В., Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А. 2001; Бабенко В.А. 2001 и др.]. Но, большая часть из них по-прежнему остается неизданной. В то же время были предприняты и отдельные попытки осмысления старых раскопочных комплексов и ввода в научный оборот новых погребальных памятников, случайных находок [Федоров Я.А., Федоров Г.С. 1979; Нарожный Е.И. 1990, с.16-17; Еремин Н.М., Мьялковский В.А., Нарожный Е.И. 1991, с.40-44; Биджиев Х.Х. 1993; Зеленский Ю.В. 1997-2003; Нарожный Е.И. 2003]. В научный оборот вводились и целые могильники [Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997; Кузнецов В.А. 2003; Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.Л. 2003]. Вместе с тем, подавляющая часть уже исследованных объектов, несмотря на прошедшее с тех пор время, до сих пор в научный оборот так и не введена.

Многое из того, что уже давно было опубликовано, рассматривалось только в контексте созданных к настоящему времени классификационных схем погребальных памятников Восточной Европы и, как правило, без должного и критического их анализа.

Сложившаяся таким образом система оценки и восприятия поздних кочевников, в свою очередь, привела к впечатлению о том, что Чингизидские вторжения 1222 года, а затем и конца 30-х годов XIII века способствовали лишь кратковременному появлению кочевого населения в регионе, после чего они, якобы, покидают Северный Кавказ. Эта точка зрения, сформулированная известным кавказоведом Л.И. Лавровым еще в конце 1950-х годов [Лавров Л.И. 1956, с.10-28], на длительное время стала одной из определяющих отношение к интересующей нас проблеме, так и к восприятию специфики эт-

нокультурной ситуации золотоордынской эпохи в регионе, хотя и подверглась некоторой модификации. И здесь мы можем сослаться на мнение другого, не менее известного кавказоведа В.А. Кузнецова, который, рассматривая события конца 30-х годов XIII века только как "катастрофу" для обитателей средневековой Алании, как впрочем и всего региона [Кузнецов В.А. 1971], создал прецедент для повторения этой идеи многими современными исследователями. В конечном итоге, даже сегодня можно встретить вывод о том, что в результате подобной "катастрофы" с конца 30-х годов XIII века в равнинной части Северного Кавказа происходит почти полное "замирание" жизни, и уже в XIII веке северокавказский регион становится зоной активного "обретения родины" предками современных кабардинцев [Лавров Л.И. 1956, с.10-28 Нагоев А.Х. 1981, с.41-43 и сл.]. Другие же авторы заявляют даже о том, что подобный "уход" Чингизидов вместе с иными кочевыми ордами, разгром половцев и северокавказских аланов, якобы, приводят к новым явлениям и, прежде всего, к постепенному оживлению здесь жизни, в конечном итоге завершившемся оформлением на Северном Кавказе неких местных "этнополитических образований". Вполне естественно то, что границы подобных "образований" удивительным образом совпали с границами современных национально – административных территорий региона [Хизриев Х.А. 2004, с.3-18].

Встречаются ныне и точки зрения, которые признают факт достаточно длительного и активного присутствия поздних кочевников на Северном Кавказе на всем протяжении золотоордынского периода. Однако этнокультурный их состав они ограничивают лишь "половецким" представительством на достаточно длительном отрезке времени [Зеленский Ю.В. 2000, с.40-41]. Признавая же возможность частных инфильтраций других кочевых орд на территорию Северного Кавказа, эти авторы склоняются к мысли о том, что такие "выплески" совсем не обязательно могли быть массовыми, а должны были представлять собой только некие ограниченные "воинские контингенты" [Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В. 2002, с.144-147]. Такой подход к интересующей нас теме представляется не совсем верным. Достаточно обратиться к истории оформления границ Золотой Орды [Федоров-Давыдов Г.А. 1973] и перипетиям ее политической истории [Мыськов Е.П. 2003], чтобы убедиться в этом. Причинами все новых инфильтраций номадов в регион могли становиться и перманентные измене-

ния географии владений золотоордынских ханов [Егоров В.А. 1985], что вызывало к жизни не только смену самих правителей, но и массовые перемещения в пространстве подвластных им кочевых подразделений. Были и другие факторы, вызывавшие заметные перераспределения кочевого населения, оказывавшегося на Северном Кавказе [Нарожный Е.И. 2004, с.114-117] не только в виде "ограниченных контингентов" [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.156, рис.23 и сл. Нарожный Е.И. 2003а, с.212-223; Нарожный Е.И. 2003, с.243-274].

Однако в предлагаемой ниже работе речь пойдет даже не об этом. Имея представление о подавляющем большинстве известных к настоящему времени археологических материалах – погребальных комплексах поздних кочевников, включая и те, которые по каким-то причинам до сих пор еще не введены в научный оборот, мы стремились к другому.

Общеизвестно, что при работе с археологическим материалом, любой исследователь, изучая их, определяет для себя как минимум две задачи. Это – выработка хронологии погребальных комплексов или же определение их датировки и – этнокультурная атрибуция. От решения этих задач зависит многое другое, т.к. в совокупности все такие погребальные комплексы становятся определяющими уже в реконструкции содержания той или иной исторической эпохи, к которой были отнесены используемые археологические комплексы. В данном случае мы не будем приводить уже многочисленные имеющиеся примеры того, как неверно отнесенные, например, к "домонгольской" эпохе позднекочевнические материалы до сих пор "работают" именно на эту эпоху. Но всегда ли такая датировка и этнокультурное определение оправданы и достаточно реальны? Этот вопрос ныне возникает довольно-таки часто, особенно когда в литературе встречаются археологические комплексы, относимые к слишком широкому временному отрезку, например, к "XII-XIV вв.". Вполне понятно, что подобная датировка базируется на имеющихся в распоряжении исследователей археологических материалах и зависит от целого ряда субъективных причин, когда "зачастую одни и те же типы предметов у различных исследователей маркируются существенно отличающимися хронологическими отрезками" [Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.197]. В итоге тот или иной комплекс с этнокультурной точки зрения определяется так, как это видится исследователю. Хотя нередко бывает и наоборот, когда этнокультурное определение

позднекочевнических захоронений напрямую вытекает из их датировки. Сегодня несомненным становится одно: чем бы ни объяснялась широкая датировка позднекочевнических древностей, она нуждается в более детальном разграничении. И здесь традиционные, сложившиеся к настоящему времени, подходы к атрибуции кочевнических памятников уже не всегда могут быть исчерпывающими и достаточными. Особенно, если подходить к интересующим нас памятникам с позиций давно сложившихся в науке "схем" и стереотипов, какими бы совершенными они ранее не казались. Тем более это кажется актуальным, если отдавать себе отчет в том, что датировка кочевнических комплексов в рамках "XII-XIV вв." предполагает отнесение того или иного археологического объекта к временной шкале протяженностью чуть ли не в пять столетий т.е. предполагает возможность их отнесение к разным отрезкам времени на протяжении XII, XII-XIII, XIII, XIII-XIV и XIV веков. А каждый из этих отрезков времени может характеризоваться, с исторической точки зрения, совершенно различным содержанием. Ведь на этом диапазоне хорошо укладываются как завершающий этап "домонгольской" эпохи, так и "раннедзучидский," и золотоордынский этапы истории региона [Науменко В.Е., Нарожный Е.И. 1999, с.92-94; Нарожный Е.И. 2000а, с.18-19 Нарожный Е.И. 2003а, с.214-215 и сл.]. Каждый такой период характеризуется свойственными только ему специфическими политическими и этнокультурными особенностями. И эта проблема ныне понимается многими специалистами [Евглевский А.В. Потемкина Т.М. 1997, с.64-65; Армарчук Е.А., Сорокина И.А. 2001, с.198; Нарожный Е.И. 2003а, с.212-213; Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.197].

Учитывая все эти обстоятельства, определяющие актуальность выбранной нами темы, в качестве еще одного направления в осмыслении кочевнических материалов мы видим целесообразным необходимость нового обращения к позднекочевнической проблематике в рамках Северного Кавказа. Для анализа привлекаются всего несколько десятков кочевнических захоронений, ныне известных с разной степенью информативности. Прежде всего, это 9 захоронений могильника "Сухая Балка" из-под г. Владикавказа в Северной Осетии. Могильник, перекрывающий поселение скифского времени, отчасти уже представлен в специальной литературе [Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.А. 2003, с.238-240, с.245, рис.2, с.244,

рис.3, с.245, рис.4, с.253-257, рис.14-18]. Раскопанный В.А. Ростуновым, этот объект ныне вводится в научный оборот полностью.

Наряду с погребальными комплексами "Сухой Балки", представленными захоронениями, перекрытыми каменными вымостками, в работе используется и суммарная характеристика еще одного средневекового некрополя, в свое время исследованного на территории городища Верхний Джулат (Северная Осетия) В.А. Кузнецовым. Кавказовед приводит, к сожалению, лишь обобщающее описание всех исследованных им 28 захоронений этого памятника [Кузнецов В.А. 2003, с.158-162]. Этот объект также относится к золотоордынской эпохе и представляется нам тождественным могильнику "Сухая Балка". Сравнивая их между собой, мы столкнулись с тем, что оба некрополя имеют многочисленные аналогии, территориально известные далеко от нашего региона, например, в Забайкалье. Однако прямому их отождествлению и этнокультурной атрибуции сильно мешает различная ориентировка. Если в Забайкалье погребальные комплексы характеризуются устойчивой северной ориентировкой захороненных, то на Северном Кавказе такие же комплексы имеют ориентировку погребенных головой на запад. Пытаясь объяснить причины отмеченной разницы, мы привлекаем еще несколько впускных кочевнических захоронений с территории Северного Кавказа – с территории Ставрополя [Коренько В.А., Атавин А.Г. 1986, с.87-88, рис.2], Краснодарского края [Зеленский Ю.В. 1997, с.89-91; Зеленский Ю.В. 1998, с.16-22; Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.190-191, с.208, рис.9] и нынешней Чечни [Хашегульгов Б.М. 1989; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1990]. При этом, археологические материалы с территории Чечни в научный оборот вводятся впервые.

Обращение к этим захоронениям становится необходимым по многим причинам. Прежде всего, часть из них датировалась различно, и именно эти захоронения имеют как западную, восточную, так и северную ориентировку, хотя, на наш взгляд, хронологически эти комплексы разделяет совсем небольшой промежуток времени. Вместе с тем, именно эта выборка погребений, вероятно, даст некоторые основания для того, чтобы ставить вопрос о времени и причинах изменения традиционных ориентировок в погребальных комплексах поздних кочевников и распространения у них преимущественно западной ориентировки.

Естественно, что автор отдает себе отчет в том, что привлекаемая им источниковая база (подборка погребений) ограничена, однако именно она наиболее репрезентативна. Понимаем мы и то, что далеко не все интересующие нас аспекты в той или иной мере могут исчерпывающе удовлетворить заинтересованного читателя. Однако проблемы, рассматриваемые в данной работе, назрели давно и требуют осмысления, в том числе и путем коллективного обсуждения многими специалистами, с привлечением массового материала. Однако, это дело будущего, которое, наверняка, сможет скорректировать наши наблюдения или, наоборот, расширить их.

Предлагая эту небольшую книгу, прежде всего, заинтересованному читателю, мы считаем своим долгом выразить искреннюю признательность ее научному редактору – проф. В.Б. Виноградову, вот уже четверть века (с 1979 г.) являющегося моим Учителем и Наставником. Под его руководством автор делал свои первые шаги в разработке интересующей нас темы, и под впечатлением от длительного общения с которым, мы приняли и разделили его понимание проблемы *межэтнического синтеза и взаимовоздействия*, как явлений, характерных для всех стадий многотысячелетнего "диалога культур", изучающегося и в археологии. Значительный толчок в направлении к этой работе автору дали и поныне вспоминающиеся, яркие и содержательные лекции спецкурса "Кочевники Восточной Европы в событиях зарубежной истории" [Кочевники. 1982], разработанного и читавшегося В.Б. Виноградовым и С.А. Дударевым еще в стенах Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л.Н. Толстого. Именно тогда зародился и обозначился наш интерес к проблеме определения места и роли кочевников средневековья в историческом процессе эпохи.

С особой теплотой хочется отметить и то воздействующее влияние, которое было оказано на нас проф. МГУ им. М.В. Ломоносова – Г.А. Федоровым-Давыдовым. С Германом Алексеевичем мне посчастливилось познакомиться на одной из последних Всесоюзных археологических студенческих конференций (ВАСКе), проходившей в г. Москве. Позднее, будучи на практике с удовольствием посещал его спецкурс, читавшийся в МГУ (1983 г.) по истории ислама. Встречались мы позднее и на уже "взрослых" конференциях. Приезжал он и к нам в ЧИГУ (1984 г.) со своим спецкурсом. И всегда Герман Алексеевич находил время и возможность высказать свои впечатления или оценку доклада, не говоря уже о том, что будучи чрезвы-

чайно занятым человеком, он всегда находил время для консультации и определения нумизматических материалов. В 2006 году исполнится 40 лет с момента выхода капитального труда Г.А. Федорова-Давыдова "Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов", до сих пор являющегося настольной книгой всех тех, кто обращается к теме поздних кочевников. Вспоминая этого незаурядного Ученого мы и решили посвятить свой скромный труд памяти Германа Алексеевича.

Искренне признательны мы и нашим уважаемым рецензентам проф. С.А. Дудареву и доценту С.А. Головановой, что называется, "по жизни" знакомым с нашими научными интересами. Именно по этой причине они, взяв на себя труд первой апробации этой работы и высказав свои не только впечатления, но и определенные сомнения, замечания и пожелания, в конечном итоге дали "зеленый свет" этой книге. Признателен автор и сотрудникам Центра археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета, в меру своих возможностей оказывавших автору помощь и всемерную поддержку при работе над книгой.

Остается надеяться, что данная работа окажется не только интересной, но и полезной как для специалистов, так и для всех тех, кто стремится познать далекое прошлое своего родного края – Северного Кавказа и его давних обитателей, значительное время определявших специфику и своеобразие этнокультурного облика региона.

Литература

- Анфимов И.Н. 1996.** Новые находки погребений кочевников XII-XIII вв. в восточном Приазовье // Проблемы археологии и истории Боспора: Тез. докл. – Керчь.
- Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В. 2002.** К вопросу о датировке предметов из разрушенного позднекочевнического погребения у станицы Староминской // МИАК. Вып.2. – Краснодар.
- Алексеева Е.П. 1993.** Карачаевцы и балкарцы - древний народ Кавказа. – М.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997.** Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып.3. – Армавир-М.
- Армарчук Е.А., Сорокина И.А. 2001.** Богатое средневековое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.15. Средневековые древности Евразийской степи. – Воронеж.

- Бабенко В.А. 1996.** Вклад Т.М. Минаевой в изучение средневекового г. Маджара и перспективы его изучения // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой (26-27.01.96 г. г. Ставрополь). – Ставрополь.
- Бабенко В.А. 2001.** Памятники золотоордынского времени на территории Ставропольской возвышенности // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.2: Археология, антропология, палеоклиматология. – М.
- Батчаев В.М. 1980.** Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып.1. – Нальчик.
- Батчаев В.М. 1986.** Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик.
- Белинский А.В., Березин Я.Б., Калмыков А.А. 2001.** Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края // XXI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (Кисловодск. 2001 г.). – Кисловодск.
- Биджиев Х.Х. 1993.** Тюрки Северного Кавказа. – Черкесск.
- Биджиев Х.Х., Топоркулов И.Х., Байрамкулов С.Д. 1996.** Раскопки Кардоникского могильника в Карачаево-Черкессии // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой (26-27.01.96 г. г. Ставрополь). – Ставрополь.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003.** Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып.3. – Краснодар.
- Виноградов В.Б. 1974.** Отчет о результатах археологических работ в 1973 году. – Грозный // Архив ЦАИ АГПУ.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1990.** Отчет о проведении охранно-спасательных археологических работ в Наурском районе ЧИАССР летом 1989 года (Раскопки курганов в зоне реконструкции оросительной системы на полях колхоза им. В.И. Ленина). – Грозный // Архив ЦАИ АГПУ.
- Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.А. 2003.** Поселение скифского времени и могильник XIV-XV вв. "Сухая Балка" // МИАК. Вып.3. – Армавир.
- Городцов В.А. 1911.** Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 году // Труды XIV АС. – М.
- Даутова Р.А. 1989.** Позднесредневековые курганные могильники и курганы на территории Чечено-Ингушской АССР (Материалы к "Археологической карте Чечено-Ингушетии") // АКВШ. (Третья региональная научно-практическая конференция). – Грозный.
- Доде З.В. 2001.** Средневековый костюм народов Северного Кавказа. – М.
- Доде З.В. 2001а.** Кочевнический комплекс золотоордынского времени в курганном могильнике Джухта-2 // XXI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (Кисловодск. 2001 г.). – Кисловодск.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. 1997.** О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских кочевников развитого средневековья // Донецкий археологический сборник. Вып.7. – Донецк.

- Егоров В.А. 1985.** Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV в. – М.
- Еремин Н.М., Мялковский В.А., Нарожный Е.И. 1991.** Новые средневековые комплексы с территории левобережья р. Терек // Археология на новостройках Северного Кавказа. – Грозный.
- Зеленский Ю.В. 1997.** Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // ИАА. Вып.3. – Армавир-М.
- Зеленский Ю.В. 1997а.** Половцы в Прикубанье и в Закубанье // ДК Материалы, посвященные памяти В.Н. Каминского. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 1997б.** Погребение воина-всадника из степного Прикубанья // ДК Материалы, семинара посвященного 85-летию Н.В. Анфимова. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 1998.** Половецкие погребения из Прикубанья и Закубанья // ДК. Вып.6. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 1998а.** Шлемы из половецких погребений Прикубанья // ДК. Вып.9. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 1998б.** Половцы на Кубани // ДК. Вып.10. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 1998в.** К вопросу о времени появления половцев в Предкавказье // ДК. Вып.11. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 1998г.** Предметы упряжи из половецких погребений Прикубанья и восточного Закубанья // ДК. Вып.12. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 1998д.** Типология сопроводительного инвентаря из половецких погребений степного Прикубанья и восточного Закубанья // ДК. Вып.13. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 1999.** К вопросу об этнической принадлежности погребений XII-XIII вв. степного Прикубанья и восточного Закубанья // ДК. Вып.14. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 1999а.** Хронология половецких погребений из степного Прикубанья и восточного Закубанья // ДК. Вып.15. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 2000.** Погребальный обряд у половцев степного Прикубанья и Восточного Закубанья // ДК. Вып.16. – Краснодар.
- Зеленский Ю.В. 2003.** К хронологии половецких погребений степного Прикубанья и восточного Закубанья // ДК. Вып.19. – Краснодар.
- Крупнов Е.И. 1960.** Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году // УЗ КБНИИИ. Т.V. – Нальчик.
- Козюменко Е.В. Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А. 2001.** Раскопки курганного могильника "Кавказский-2" // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып.1. – Краснодар.
- Кореняко В.А., Атавин А.Г. 1986.** Позднекочевнические погребения в курганах у с. Новоселицкое (Ставропольский край) // КСИА. Вып.183: Средневековая археология Восточной Европы. – М.
- Кочевники... 1981.** Кочевники Восточной Европы в событиях зарубежной истории: Программа спецкурса. Составители: В.Б. Виноградов и С.А. Дударев. – Грозный.
- Кузнецов В.А. 1971.** Алания в X-XIII вв. – Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А. 2003.** Эльхотовские ворота в X-XV веках. – Владикавказ.
- Лавров Л.И. 1956.** Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. №1. – М.

- Мамаев Х.М. 1980.** Поздние кочевники в бассейне среднего течения р. Терек // X "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. – М.
- Материалы. 1960.** Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.) – Нальчик.
- Минаева Т.М. 1964.** К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. II. – Ставрополь.
- Мыськов Е.В. 2003.** Политическая история Золотой Орды. – Волгоград.
- Нагоев А.Х. 1981.** Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV-XVII вв.). – Нальчик.
- Науменко В.Е., Нарожный Е.И. 1999.** Основы регионоведения (Северный Кавказ). Ч. 1. – Краснодар.
- Нарожный Е.И. 1988.** К этно-социальной атрибуции населения Терско-Кумского междуречья (По материалам городских некрополей эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе.
- Нарожный Е.И. 1990.** Об этнокарте плоскостных районов Среднего Притеречья в золотоордынское время // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. – Грозный.
- Нарожный Е.И. 2000.** Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. – Воронеж.
- Нарожный Е.И. 2000а.** Северный Кавказ: этапы исторического развития. – Армавир.
- Нарожный Е.И. 2003а.** Половцы или черные клобуки? (По поводу полемических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИАСК. Вып. 2. – Армавир.
- Нарожный Е.И. 2003.** О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецкое и золотоордынское время. – Донецк.
- Нарожный Е.И. 2004.** О "городской площади" Верхнего Джулата // Проблемы всеобщей истории. Вып. 9. – Армавир.
- Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. 1995.** Погребение половчанки из степного Прикубанья // ИАА. Вып. 1. – Армавир-М.
- Пиотровский Б.Б. 1941.** [Раскопки у] ст. Моздок // Археологические исследования на территории РСФСР. – М.
- Федоров-Гусейнов Г.С. 2001.** Кумыки из рода дагестанского. – Махачкала
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1973.** Общественный строй Золотой Орды. – М.
- Федоров Я.А., Федоров Г.С. 1978.** Ранние турки на Северном Кавказе. – М.
- Хашегульгов Б.М. 1989.** Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследованиях курганов в Наурском районе ЧИАССР. – Грозный. // Архив ЦАИ АГПУ.

Глава 1. Описание могильников и погребений.

1. О расположении могильника "Сухая Балка"

Один из публикуемых ниже погребальных памятников - могильник "Сухая Балка" расположен на юго-западной окраине столицы Северной Осетии г. Владикавказа (рис.1). Здесь, в местечке под названием "Сухая Балка", в 1992 году по информации, поступившей от местных жителей А. и В. Коноваловых, было встречено большое количество фрагментов керамики, обнаруженной в свежих грабительских ямах, вырытых в поисках оружия периода Великой Отечественной войны. Информация эта поступила к старшему научному сотруднику Северо-Осетинского НИИ, начальнику Заманкульской археологической экспедиции В.А. Ростунову. Экспедиция работала при содействии Северо-Осетинского Государственного Объединенного музея истории, архитектуры и литературы и в 1997 году на месте грабительских ям заложила два небольших раскопа [Ростунов В.А. 1997]. Тем самым было установлено наличие поселения скифского времени, сверху перекрытого могильником золотоордынского времени [Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.А. 2003, с.229-257].

Поселение занимало участок на правом берегу оврага на высоте 8 м над поймой высохшей речки (рис.1).

Местность "Сухая Балка" находится у северной границы геоморфологической зоны. Абсолютная высота этой территории над уровнем моря: - 690-695 м. В настоящее время вся территория "Сухой Балки" покрыта луговыми травами, а по краю оврага - кустарником и редкими деревьями.

Вдоль восточного берега на узкой полосе оврага, шириной с юго-запада на северо-восток в 75 м и длиной с юго-востока на северо-запад в 425 м были визуальны зафиксированы каменные вымостки, сложенные из крупных речных булыжников и, как оказалось впоследствии, обозначавшие на поверхности места расположения грунтовых ям захоронений под ними. В двух разведочных раскопах В.А. Ростуновым было исследовано 9 захоронений, три из которых уже введены в научный оборот [Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.А. 2003]. В данной работе публикуются все девять захоронений.

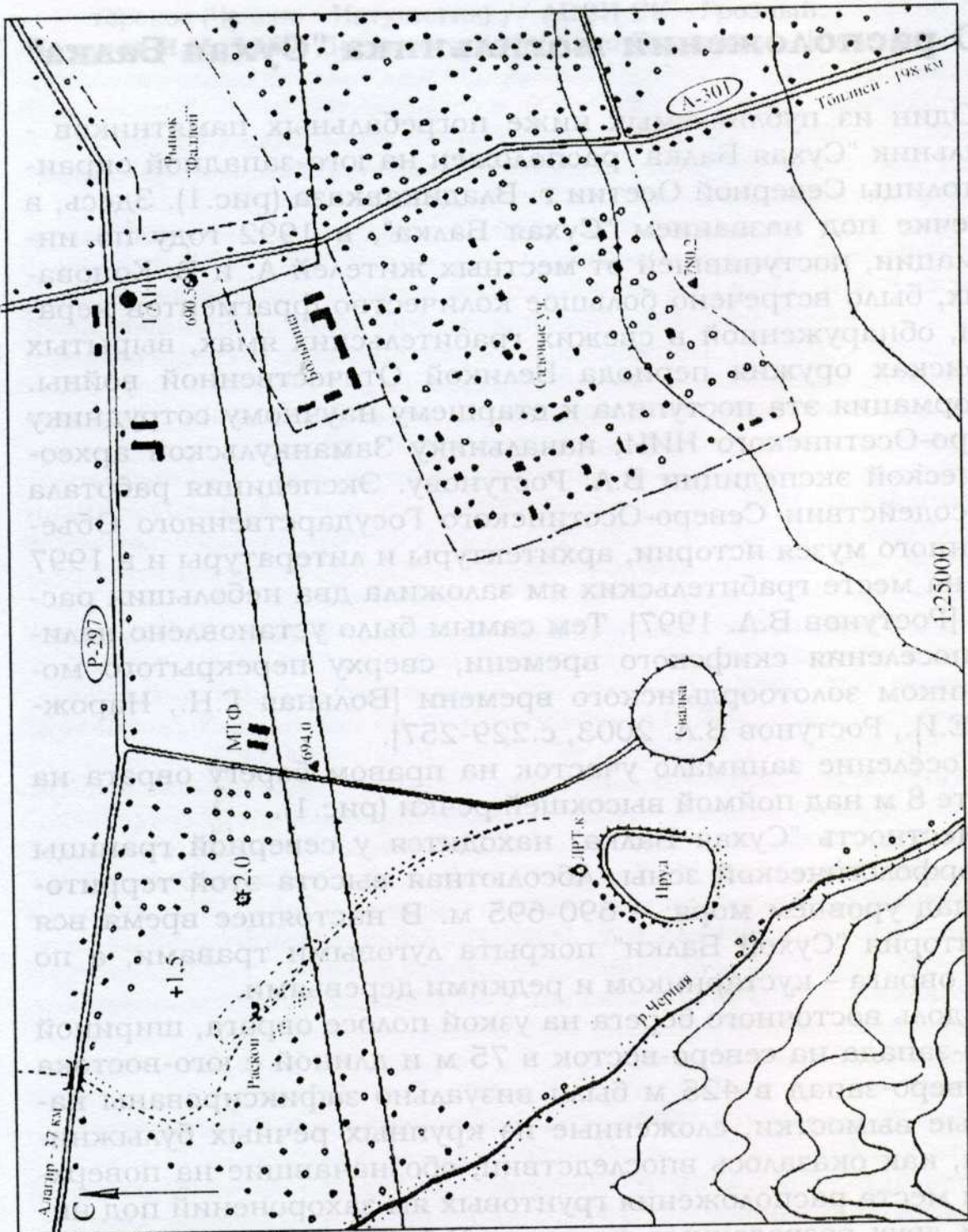

Рис. 1. Поселение "Сухая балка". Ситуационный план.

2. Могильник Верхнего Джулата.

Могильник Верхнего Джулата был открыт и частично исследован В.А. Кузнецовым еще в 1962 году и описан в самых общих чертах. Располагался он, по словам исследователя, "в 160 м от известного Татартупского минарета" (точнее не указывается) [Кузнецов В.А. 2003, с.159].

Сразу следует оговорить и тот факт, что к настоящему времени на территории этого городища известно несколько средневековых кладбищ, исследовавшихся частично, и во избежание путаницы в их обозначении и восприятии укажем их.

В свое время, краткую историю археологического изучения округа Верхнего Джулата составил Л.П. Семенов [Семенов Л.П. 1947, с.11-17]. Отмечая первые археологические раскопки в округе Верхнего Джулата в конце XIX века, Л.П.Семенов приводит разнообразные свидетельства (вплоть до конца 1940-х годов), в которых упоминались те или иные археологические памятники этой округи. В основном изучению подвергались т.н. "кабардинские" курганы. Однако следует обратить внимание и на свидетельства П.Н. Надеждина, упомянувшего об исследовании курганов у "ст. Прохладной Владикавказской железной дороги", в инвентаре которых оказались монеты XIV и XV веков [Надеждин П.Н. 1901, с.425; Семенов Л.П. 1947, с.13]. По нашему мнению, эти захоронения, скорее всего, позднекочевнические и относились к эпохе Золотой Орды [Нарожный Е.И. 1996, с.93-95]. Правда, А.Х. Нагоев воспринимал эти же погребения только как "кабардинские", тем самым обосновывая дату (в пределах XIV-XV вв.) появления здесь самых ранних курганов предков современных кабардинцев [Нагоев А.Х. 2000, с.72]. Однако, несмотря на суммарную характеристику указанных захоронений, упоминание в их инвентаре некоторых вещевых наборов дает нам определенные сомнения для идентификации этих курганов с погребальными памятниками кабардинцев. С большей степенью уверенности их можно воспринимать как позднекочевнические и золотоордынские, тем более, что "кабардинские" ("черкесские", адыгские) курганы здесь появляются гораздо позже – не ранее конца XV – начала XVI веков [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2001; Виноградов В.Б., Шаова С.Д. 2003; Березин Я.Б., Нарожный Е.И. 2004].

Подобного рода неопределенность в восприятии одних и тех же погребальных памятников нередко порождает откры-

венную путаницу или же тенденции к необоснованному удревнению местных северокавказских памятников. С другой же стороны, такие ситуации даже сегодня делают актуальными давние высказывания известного краеведа Ф. С. Гребенца (Панкратова). Описывая многочисленные "памятники старины" округа "станции Змейской и у "Минарета", Ф.С. Гребенец еще в начале XX столетия писал: эти памятники "до сих пор не тронуты рукой хищника" и "при отпуске необходимых денежных средств", без сомнения, должны были бы "многое открыть наблюдению современного человека, который и не подозревает, что скрывают в себе все эти раскинувшиеся... могильники" [Гребенец Ф.С. 1916, с.1].

Помимо курганных древностей в округе Верхнего Джулата – Татартупа были открыты и другие могильники.

Так, Е.И. Крупнов и О.В. Милорадович, исследуя Большую мечеть на территории Верхнего Джулата в конце 1950-х годов, вскрыли там 9 грунтовых мусульманских захоронений золотоордынского времени, предположив о существовании здесь (рядом с мечетью) мусульманского кладбища [Милорадович О.В. 1963, с.82]. В 1985 году, близ той же самой мечети было "разрушено около двадцати грунтовых захоронений и повреждены два подземных погребальных сооружения, сложенных из кирпича" [Фидаров Р.Ф. 2004, с.25-26]. Помимо указанных погребальных комплексов на территории того же объекта и в непосредственной близости от него ныне известны и другие.

Совсем недавно Р.Ф. Фидаров, публикуя новые мусульманские захоронения с Верхнего Джулата, привел сведения и о ранее неизвестных погребальных комплексах округа Верхнего Джулата. В частности, он ведет речь об аланских катакомбах золотоордынского времени, а также и о "Змейском поздне-средневековом мусульманском могильнике" [Фидаров Р.Ф. 2004, с.22-24].

Во время работ Северо-Кавказской археологической экспедиции, трудившейся под руководством Е.И. Крупнова, а затем и его преемников, на Верхнем Джулате были открыты и иные могильники. Прежде всего, это могильник у христианской церкви №1 [Милорадович О.В. 1963а, с.87-106]. Еще несколько могильников были частично изучены В.А. Кузнецовым близ церкви №2 [Кузнецов В.А. 2003, с.138-139, с.138, рис.39], церкви №3 [Кузнецов В.А. 2003, с.141-143] и №4 [Кузнецов В.А. 2003, с.145]. Кроме того, тот же исследователь описывает и некрополь под "городской площадью" Верхнего Джулата

[Кузнецов В.А. 2003, с.160-161]. Таким образом, на интересующем нас городище ныне известно уже несколько некрополей, атрибуция которых, несмотря на предварительные выводы В.А. Кузнецова, все же требует отдельного и самостоятельного рассмотрения. В этой работе мы остановимся лишь на грунтовом могильнике, обнаруженном близ Татартупского минарета, под т.н. "городской площадью".

3. Прочие захоронения.

В этом разделе приводятся сведения лишь об отдельных погребальных памятниках (выборке) с территории Северного Кавказа (Чечня, Ставрополье, Краснодарский край), которые мы используем для сравнения между собой, и которые, как нам кажется, могут дать ключ к пониманию специфики этнокультурной атрибуции позднекочевнических могильников "Сухая Балка" и на городище Верхний Джулат. Часть этих погребений (Ставропольский и Краснодарский края), уже публиковалась. Археологические материалы с территории Чечни только вводятся в научный оборот.

1. Новоселицкое – село Новоселицкого района Ставропольского края (рис.20). В 1974 году экспедицией ИА АН СССР раскопаны три кургана, в насыпях которых были выявлены и средневековые впускные кочевнические захоронения. Из них мы опираемся лишь на погребение 3 кургана 1. Захоронение опубликовано [Коренько В.А., Атавин А.Г. 1986, с.87-88, с.88, рис.1].

2. Пролетарский-хутор в Кореновском районе Краснодарского края (рис.21). В 1986 году раскопками Н.Ф. Шевченко было исследовано несколько курганов эпохи бронзы. В них оказались и впускные захоронения поздних кочевников. Одно из них впоследствии было опубликовано Ю.В. Зеленским [Зеленский Ю.В. 1997, с.89-91; Зеленский Ю.В. 2000].

3. Еримизино-Борисковский – поселок в Тихорецком районе Краснодарского края. В составе курганной группы "Кривуша-84" (рис.22) был исследован курган №1 эпохи бронзы. Находился в 8 км к северо-западу от указанного населенного пункта. В кургане исследовано впускное позднекочевническое захоронение. Опубликовано [Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.190-191, с.208, рис.9].

4. Калиновская станица – Наурский район Чечено-Ингушетии (рис.23). 1988 г. При раскопках курганов Калиновского могильника в окрестностях станицы Калиновской Б.М. Хашегульговым был исследован невысокий распаханый курган №1 группы 2 эпохи раннего железа (?). Основное погребение его было разрушено впускным кочевническим захоронением (погребение №2). Не опубликовано. Благодаря любезности автора раскопок комплекс ныне вводится в научный оборот.

5-7. Калиновская станица в Наурском районе бывшей Чечено-Ингушетии (рис.24-30). 1989 год. При раскопках курганов в зоне реконструкции оросительной системы в окрестностях станицы Калиновской Е.И. Нарожным, в кургане №1 курганной группы 4 было встречено сразу три впускных позднекочевнических захоронения [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1990, с.50-54, с.55, с.58]. Погребения ныне вводятся в научный оборот.

Помимо указанных позднекочевнических комплексов, мы учитываем и другие объекты, исследовавшиеся на Северном Кавказе в разное время и на которые мы будем опираться далее. Это – три подкурганных захоронения, исследовавшиеся В.Б. Антоновичем близ Назрани (Ингушетия) еще в XIX веке [Антонович Б.Б. 1892, с.218-219]; захоронения, исследовавшиеся Б.Б. Пиотровским близ станции Моздок в Северной Осетии 1930-х годах [Пиотровский Б.Б. 1941, с.42-49]; одиночные захоронения, пока еще не введенные в научный оборот с территории Алхан-Калинского городища в Чечне (раскопки Д.Ю. Чахкиева); из разрушенного кургана близ станицы Старощедринской в Шелковском районе нынешней Чечни (раскопки В.Б. Виноградова) и в кургане близ сел. Комарово в Моздокском районе Северной Осетии, материалы которого нам любезного были предоставлены д-ром А.О. Наглером (ФРГ). Опираемся мы и на 15 захоронений XIV века Новопавловского курганного могильника (Ставропольский край), материалы которых ныне находится в печати [Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005] и другие [Басов В.И., Нарожный Е.И. 2005]. Эти погребения не рассматриваются отдельно, а используются как своеобразный фон. Несомненно, что среди них есть захоронения с ярко выраженными этническими признаками и надежными критериями для их датировки. Однако, нас интересовало дру-

гое

4. Описание погребений.

1. Могильник "Сухая балка".

Всего на сегодняшний день на могильнике "Сухая Балка" исследовано 9 захоронений. Ниже приводятся их описания.

Погребение №1

Выявлено по каменной вымостке, слегка возвышавшейся над современной дневной поверхностью на отметке: -8 см от R. Вымостка в плане овальной формы. Длинной осью была вытянута с юго-запада на северо-восток. Сложена из речного булыжника (рис.2-4). Размеры вымостки: длина - 2,4 м, ширина - 1,4 м. Частично выходила за южные пределы раскопа №1. Глубина залегания вымостки прослежена на протяжении 2-х штыков. На уровне третьего штыка было отмечено пятно погребальной ямы.

Простая грунтовая яма подпрямоугольных очертаний с заоваленными углами, вытянута по длине булыжной вымостки, т. е., с юго-запада на северо-восток. Длина ямы (по длинной оси) - 1,86 м. Ширина - 0,7 м. Северо-западная и юго-восточные стенки ямы - вертикальные. Северо-восточная и юго-восточная стенки ямы с наклоном под тупым углом ко дну. Дно ямы неровное и повышается на северо-восток. Заполнение ямы серо-желтого цвета (рис.5).

На дне ямы, в центральной ее части был отмечен тлен черного цвета от деревянной гробовины. Длина сохранившейся части тлена гробовины - 1,5 м. Ширина - 0,43 м (рис.5).

У северо-западного и юго-восточного краев погребения были обнаружены две железные скобы, скреплявшие гробовище. Скобы (рис.7,9-10) железные, кованые, с приостренными краями. Корпус скоб в сечении прямоугольной формы. Длина скобы - 67 мм, длина приостренного края - 36 мм.

Погребенный (возраст не определен) лежал на дне деревянной гробовины (рис.5). Костяк почти полностью истлел, сохранились только фрагменты черепа. Судя по его положению, погребенный лежал на спине по длинной оси ямы, т.е. с юго-запада на северо-восток.

Инвентарь (рис.6-7): вместе со скелетом был встречен инвентарь. Он представлен следующими предметами. В области шеи, ниже черепа располагалось скопление бус (рис.6). Там же находился серебряный перстень (рис.7,3) и крупная керамическая бусина (рис.6,1). Рядом обнаружен

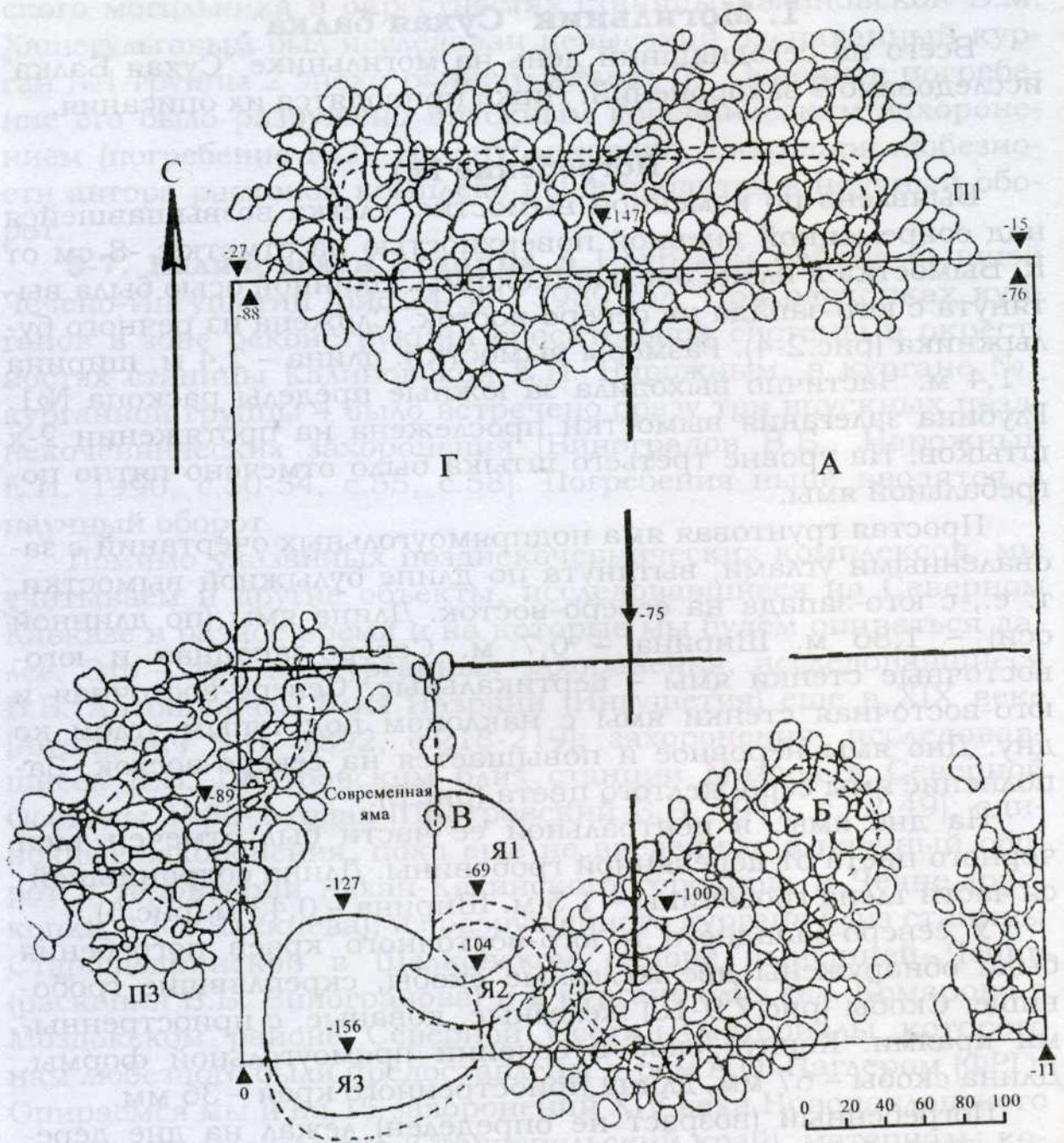

Рис.2. Поселение и могильник "Сухая балка". Общий план раскопа.

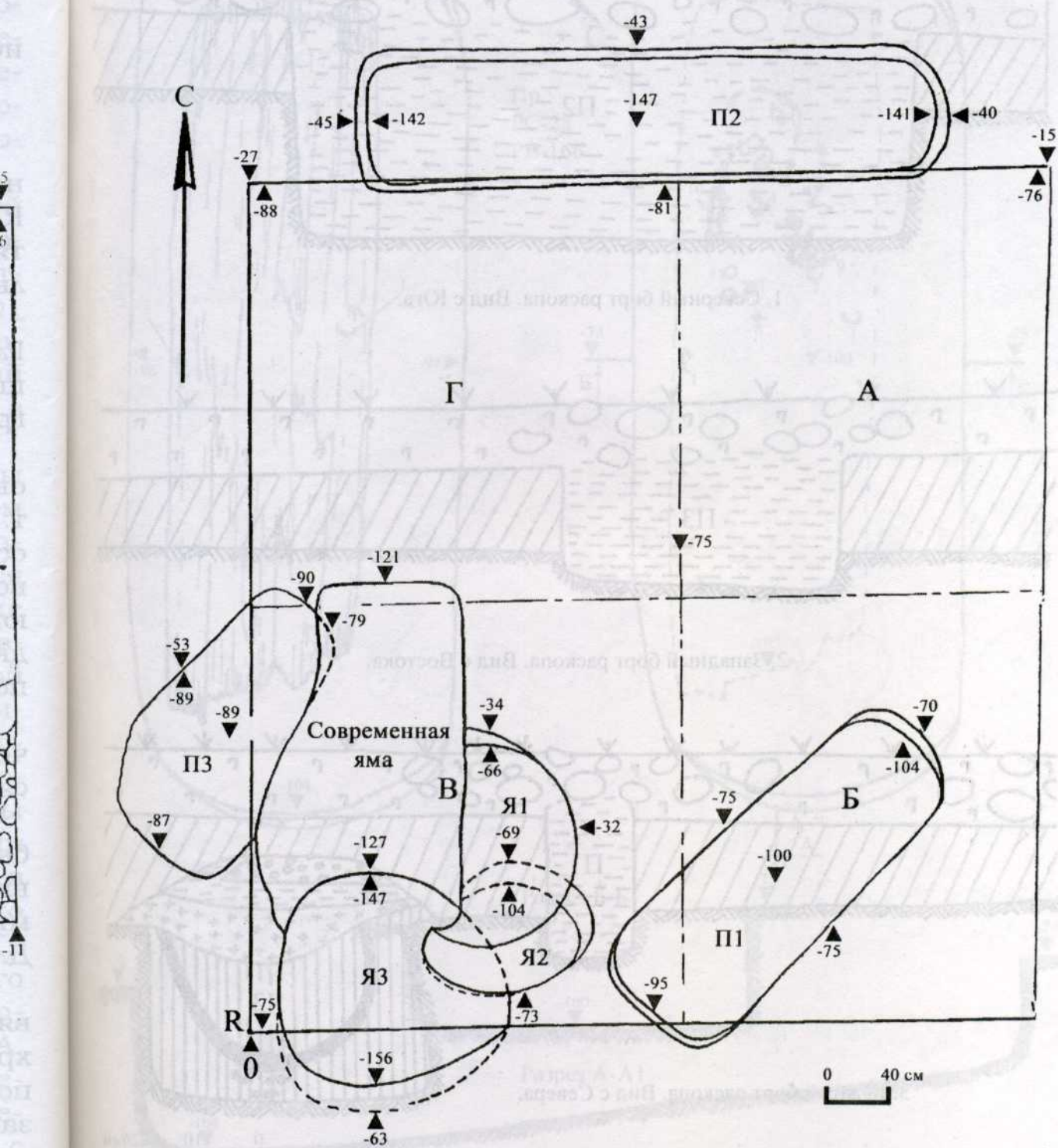
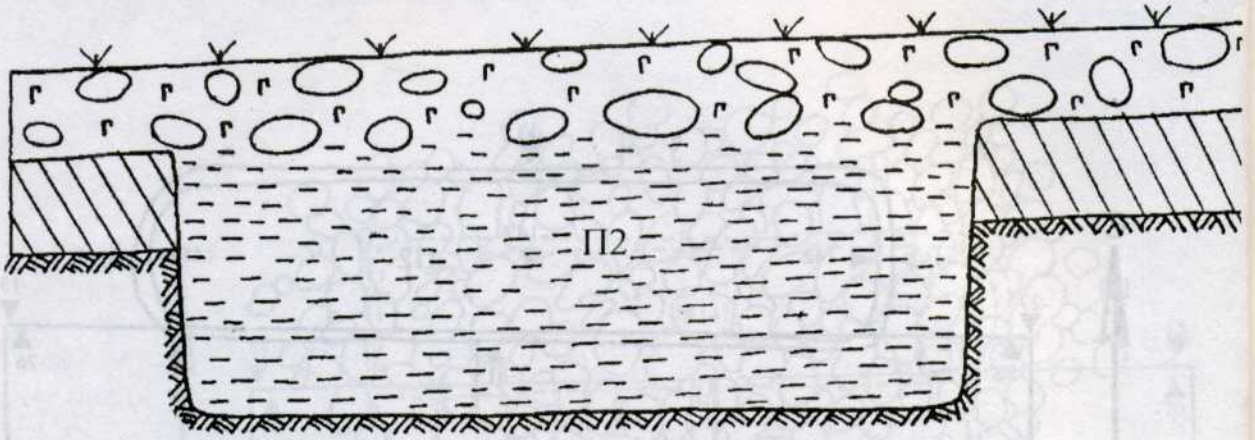
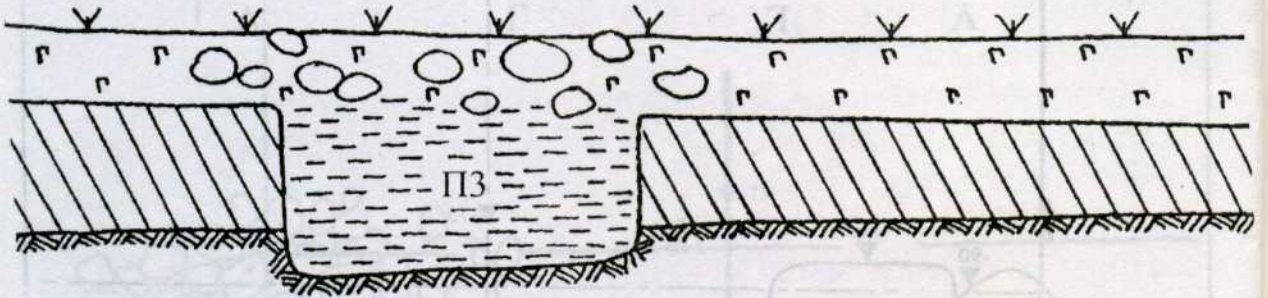

Рис.3. План раскопа на поселении и могильнике "Сухая Балка".

1. Северный борт раскопа. Вид с Юга.

2. Западный борт раскопа. Вид с Востока.

3. Южный борт раскопа. Вид с Севера.

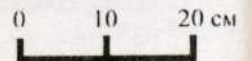

Рис.4. Профили раскопа.

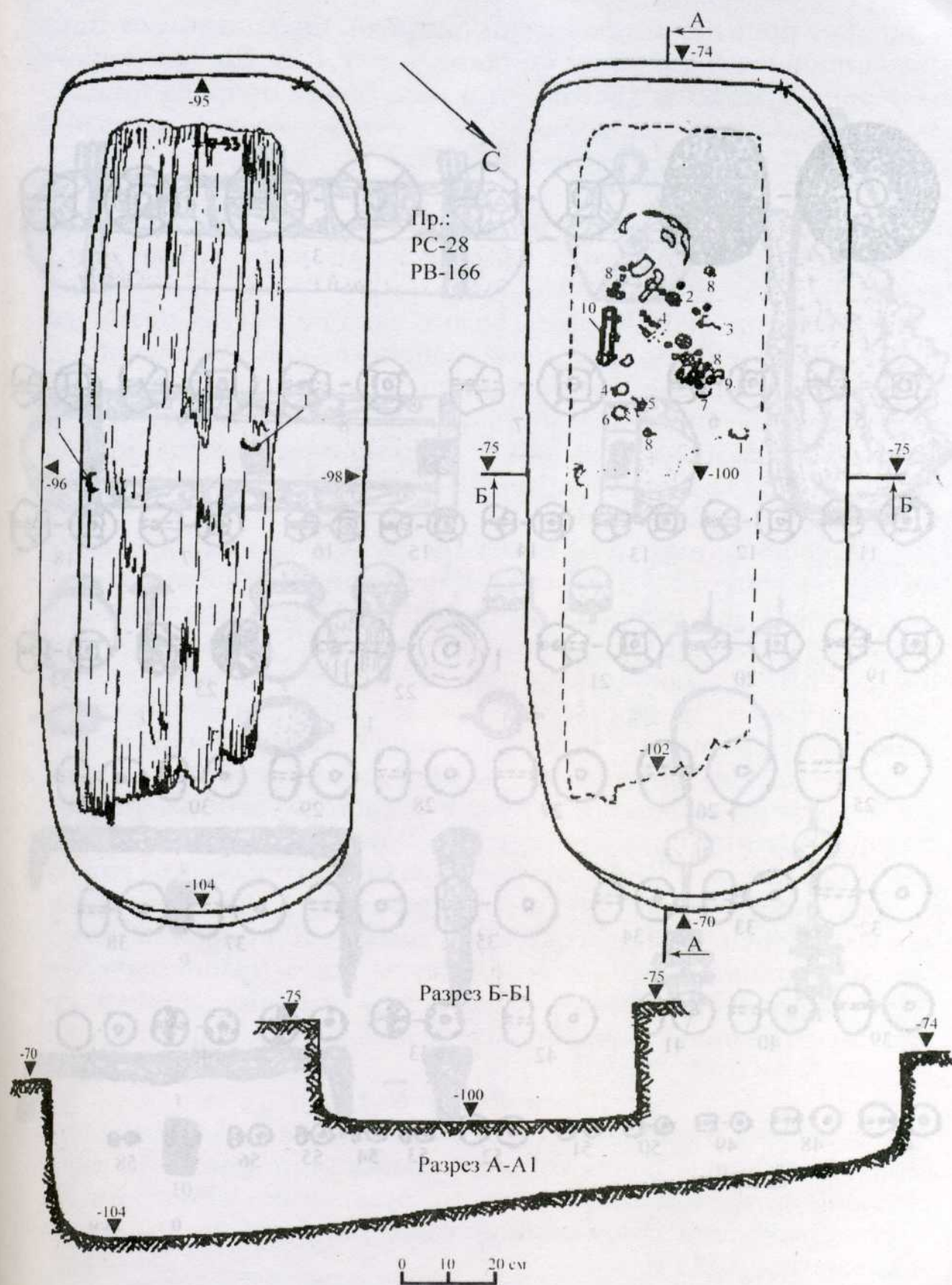

Рис. 5. Могильник "Сухая Балка". Планы и разрезы по ребеня №1.

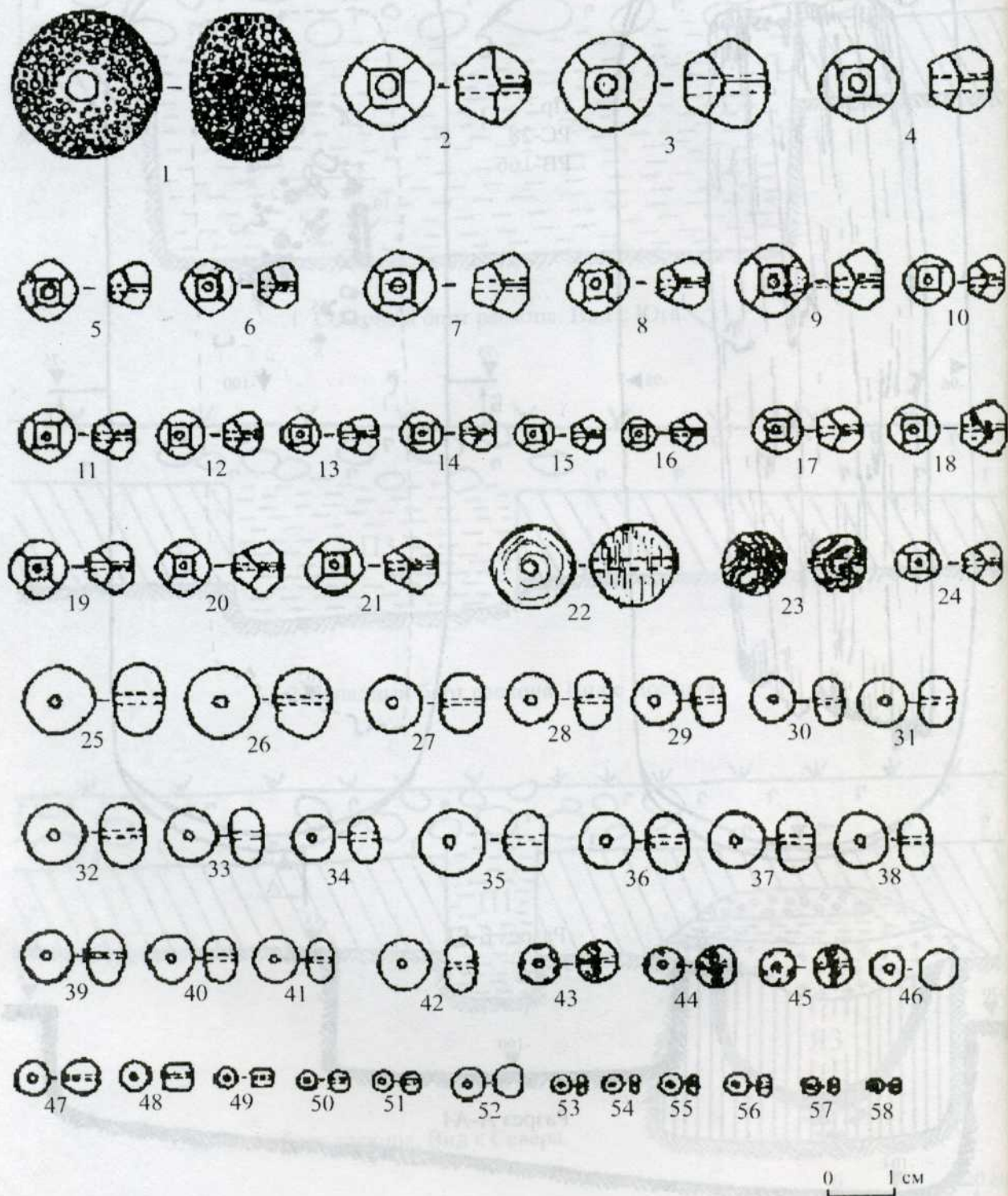

Рис. 6. Бусы из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

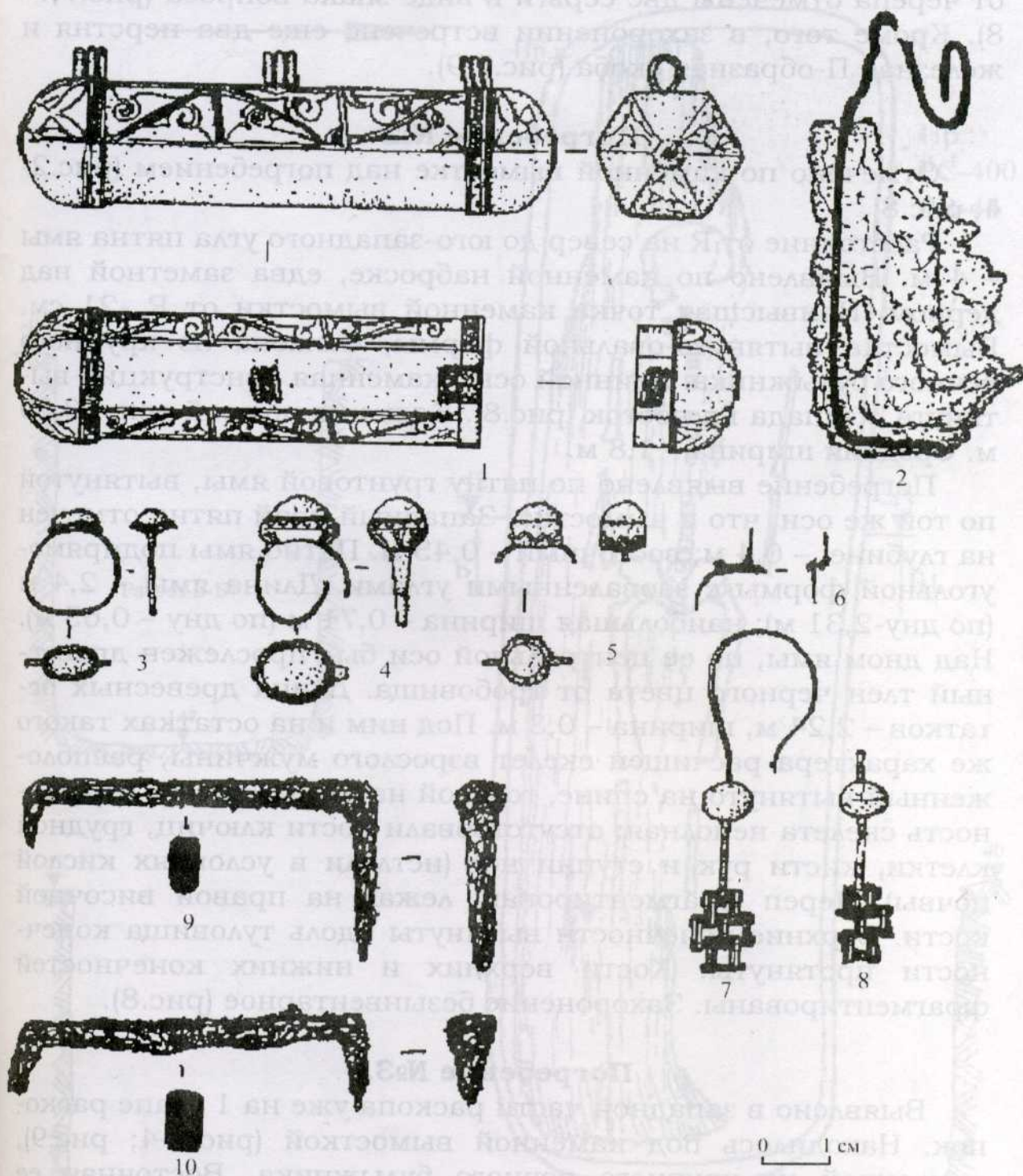

Рис. 7. Инвентарь погребения №1 могильника "Сухая Балка".

фрагмент бронзовой проволоки (рис.7,6), бисер и амулетница, находившаяся в кожаном футляре (рис.7,1,2). По обе стороны от черепа отмечены две серьги в виде знака вопроса (рис.7,7-8). Кроме того, в захоронении встречено еще два перстня и железная П-образная скоба (рис.7,9).

Погребение №2

Отмечено по каменной вымостке над погребением (рис.2-4; рис.8).

Расстояние от R на север до юго-западного угла пятна ямы – 4 м. Выявлено по каменной наброске, едва заметной над дерном. Наивысшая точка каменной вымостки от R – 21 см. Вымостка вытянуто-овальной формы, сложена из крупного речного булыжника. Длинной осью каменная конструкция вытянута с запада на восток (рис.8). Ее длина по этой оси – 3,80 м. Средняя ширина – 1,8 м.

Погребение выявлено по пятну грунтовой ямы, вытянутой по той же оси, что и вымостка. Западный край пятна отмечен на глубине: – 0,4 м; восточный – 0,45 м. Пятно ямы подпрямоугольной формы с заovalенными углами. Длина ямы – 2,4 м (по дну – 2,31 м); наибольшая ширина – 0,71 м (по дну – 0,65 м). Над дном ямы, по ее центральной оси был прослежен древесный тлен черного цвета от гробовища. Длина древесных остатков – 2,24 м, ширина – 0,3 м. Под ним и на остатках такого же характера расчищен скелет взрослого мужчины, расположенный вытянуто на спине, головой на запад (рис.8). Сохранность скелета неполная: отсутствовали кости ключиц, грудной клетки, кисти рук и ступни ног (истлели в условиях кислой почвы). Череп фрагментирован, лежал на правой височной кости. Верхние конечности вытянуты вдоль туловища конечности протянуты. Кости верхних и нижних конечностей фрагментированы. Захоронение безынвентарное (рис.8).

Погребение №3.

Выявлено в западной части раскопа уже на 1 этапе раскопок. Находилось под каменной вымосткой (рис.2-4; рис.9), сложенной из крупного речного булыжника. Восточная ее часть разрушена современной ямой. Глубина залегания вымостки от R – 0,13 м.

Вымостка имела вытянуто-овальную форму (рис.2-4). По длинной оси она вытянута с северо-востока на юго-запад. Длина по этой оси – 2,24 м. Ширина – 9,75 м. Под ней зафик-

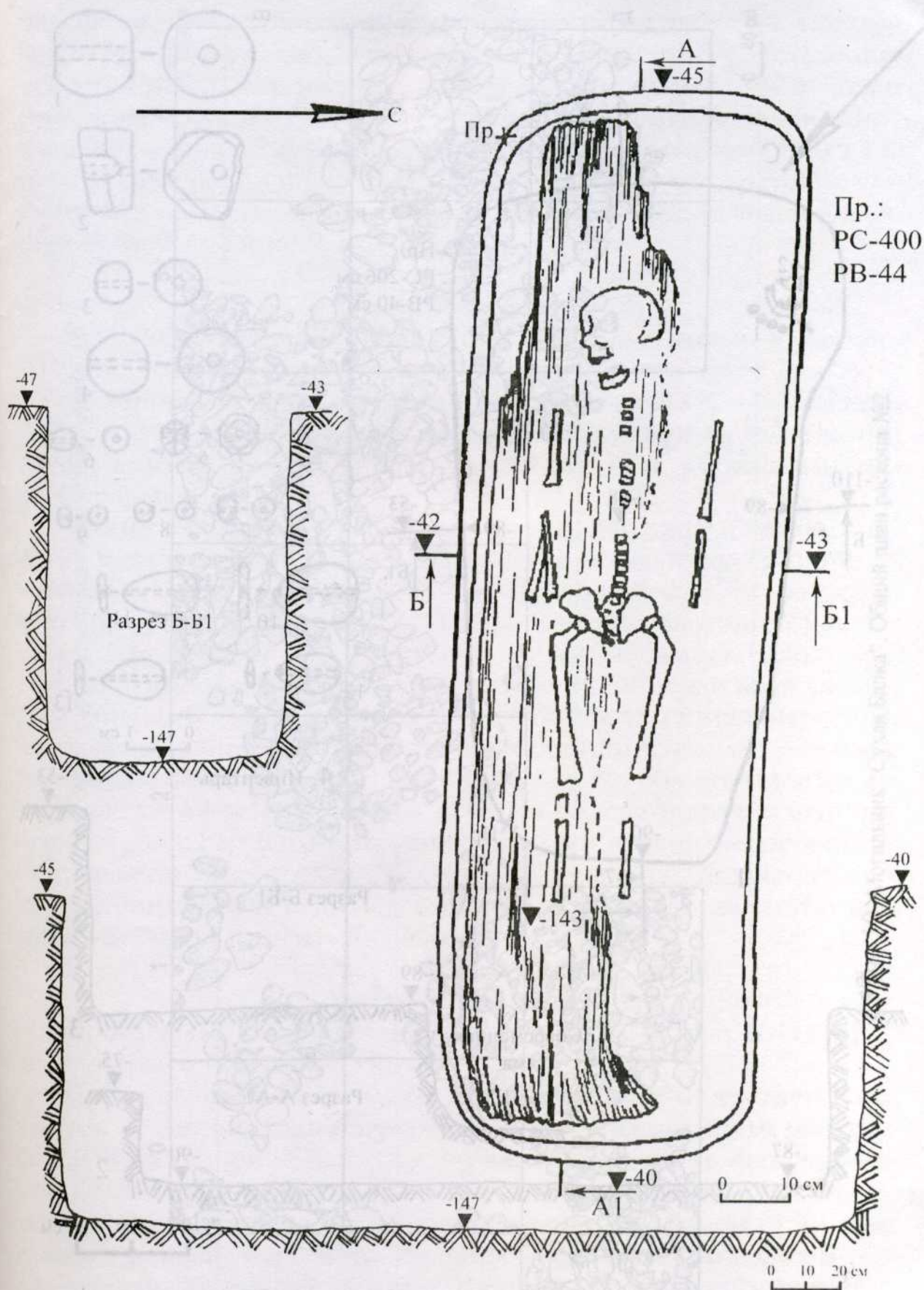

Рис. 8. Могильник "Сухая Балка". Погребение №2: план и разрезы.

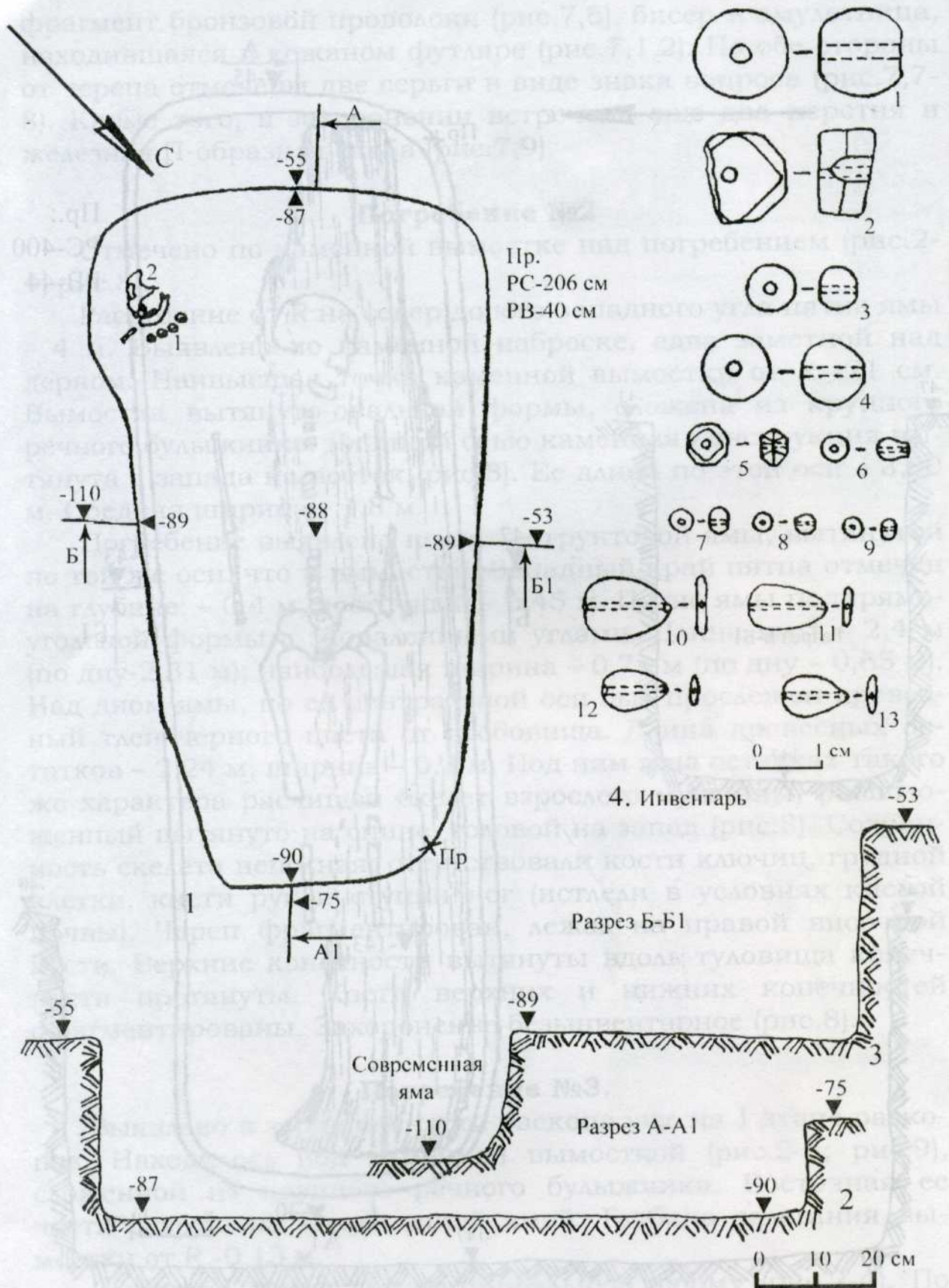

Рис. 9. План, разрезы и инвентарь погребения №3 могильника "Сухая Балка".

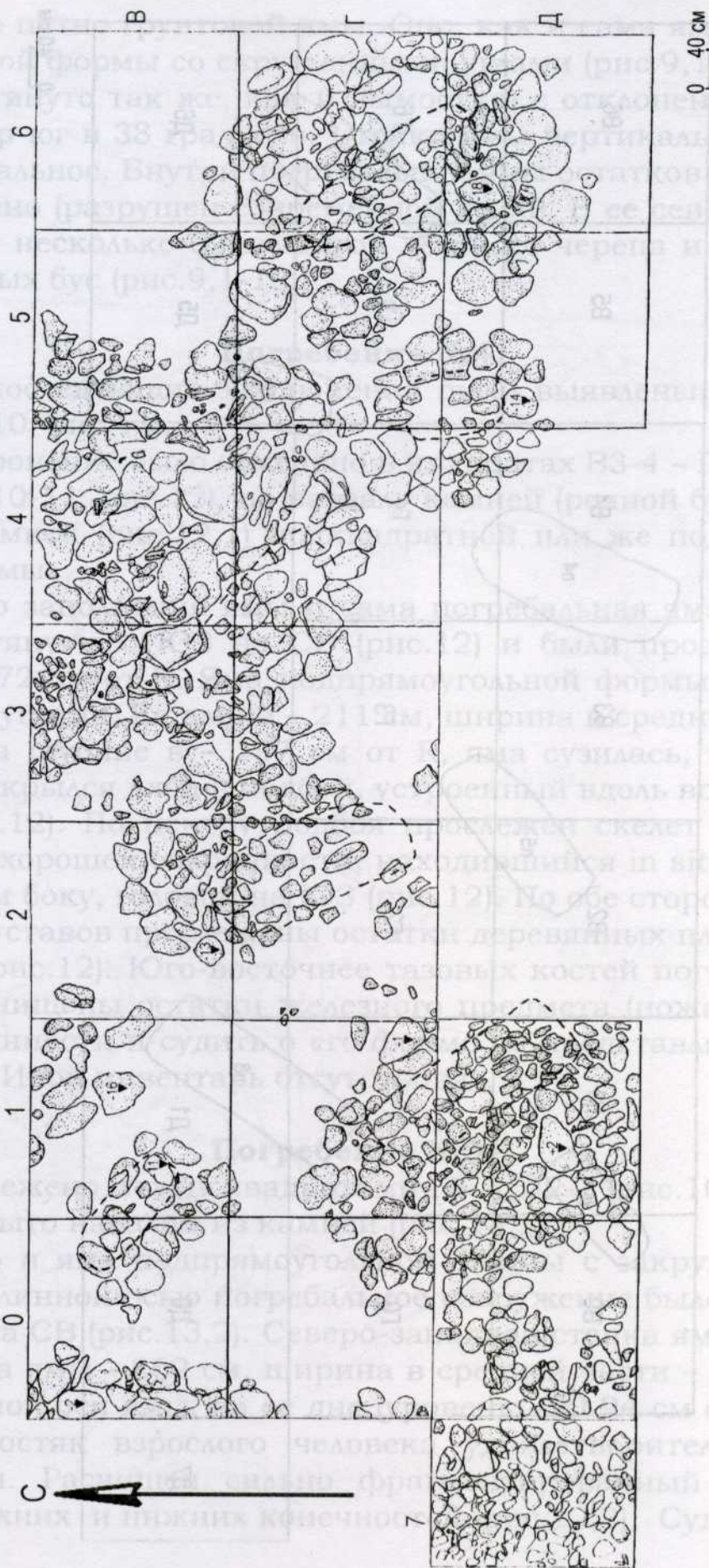

Рис.10. Могильник "Сухая Балка". Общий план раскопа №2.

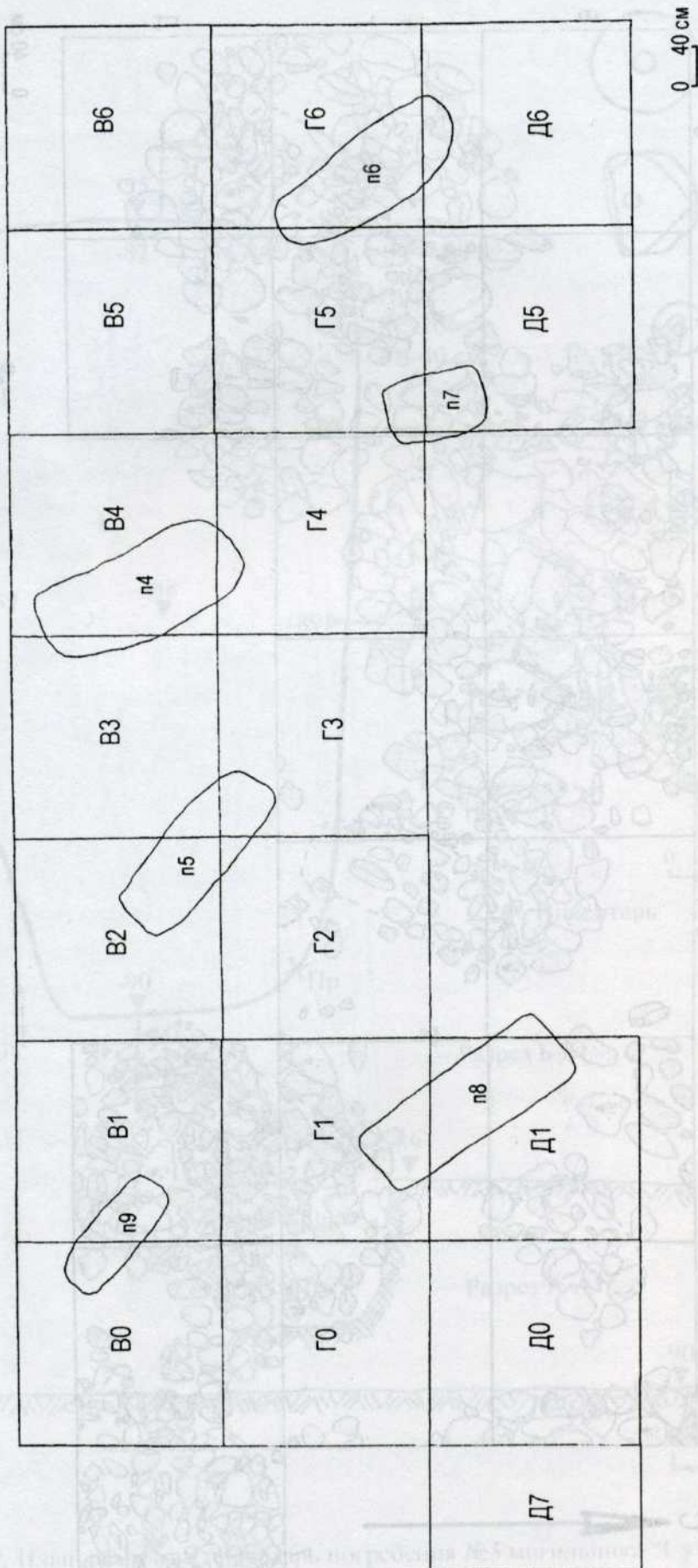

Рис. 11. План раскопа №2 после снятия каменных набросок.

сировано пятно грунтовой ямы. Оно, как и сама яма, подпрямоугольной формы со скругленными углами (рис.9,1). Длинной осью вытянуто так же, как и вымостка, с отклонением от линии север-юг в 38 градусов. Стенки ямы вертикальные, дно – горизонтальное. Внутри погребальной ямы остатков скелета не прослежено (разрушен современной ямой). В ее северном углу отмечено несколько фрагментов детского черепа и несколько стеклянных бус (рис.9,1-13).

Погребение №4.

Все последующие захоронения были выявлены в раскопе №2 (рис.10; рис.11).

Захоронение было отмечено в квадратах В3-4 – Г4 раскопа №2 (рис.10-11; рис.12), по развалу камней (речной булыжник). Навал камней (рис.12,1) подквадратной или же подромбической формы.

Пятно заполнения ямы и сама погребальная яма длинной осью вытянуты с ЮЗ на СВ (рис.12) и были прослежены с уровня: -72 см от R. Яма подпрямоугольной формы со скругленными углами. Ее длина – 211 см, ширина в средней части – 55 см. На глубине в – 137 см от R, яма сузилась, вдоль ЮВ стенки открылся вход в подбой, устроенный вдоль всей стенки ямы (рис.12). По центру подбоя прослежен скелет взрослого человека хорошей сохранности, находившийся *in situ*. Уложен на правом боку, головой на ЮЗ (рис.12). По обе стороны от коленных суставов прослежены остатки деревянных плах от гробовища (рис.12). Юго-восточнее тазовых костей погребенного были расчищены остатки железного предмета (ножа - ?) плохой сохранности и судить о его форме не представляется возможным. Иной инвентарь отсутствовал.

Погребение №5.

Прослежено между квадратами Г2-3, Д2-3 (рис.10-11). Было перекрыто навалом из камней (рис.13,1).

Пятно и яма подпрямоугольной формы с закругленными углами. Длинной осью погребальное сооружение было вытянуто с ЮЗ на СВ (рис.13,2). Северо-западная стенка ямы выпуклая. Длина ямы – 262 см, ширина в средней части – 70 см. По центральной оси ямы, на ее дне (уровень: -90-94 см от R) прослежен костяк взрослого человека удовлетворительной сохранности. Расчищен сильно фрагментированный череп и кости верхних и нижних конечностей (рис.13,2). Судя по рас-

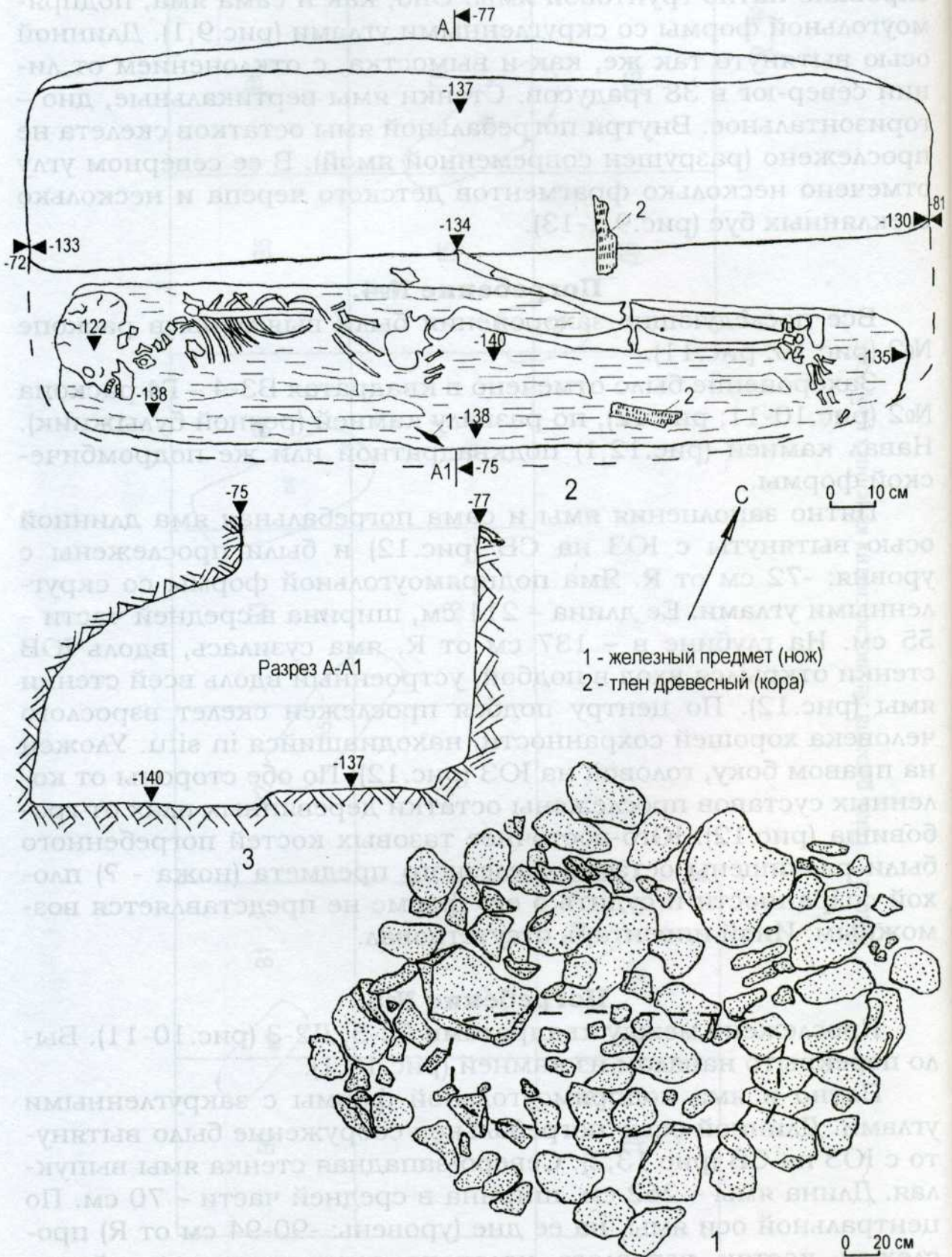

Рис. 12. Могильник "Сухая Балка", погребение №4.
1. Навал камней, 2. План погребения, 3. Разрез А-А1.

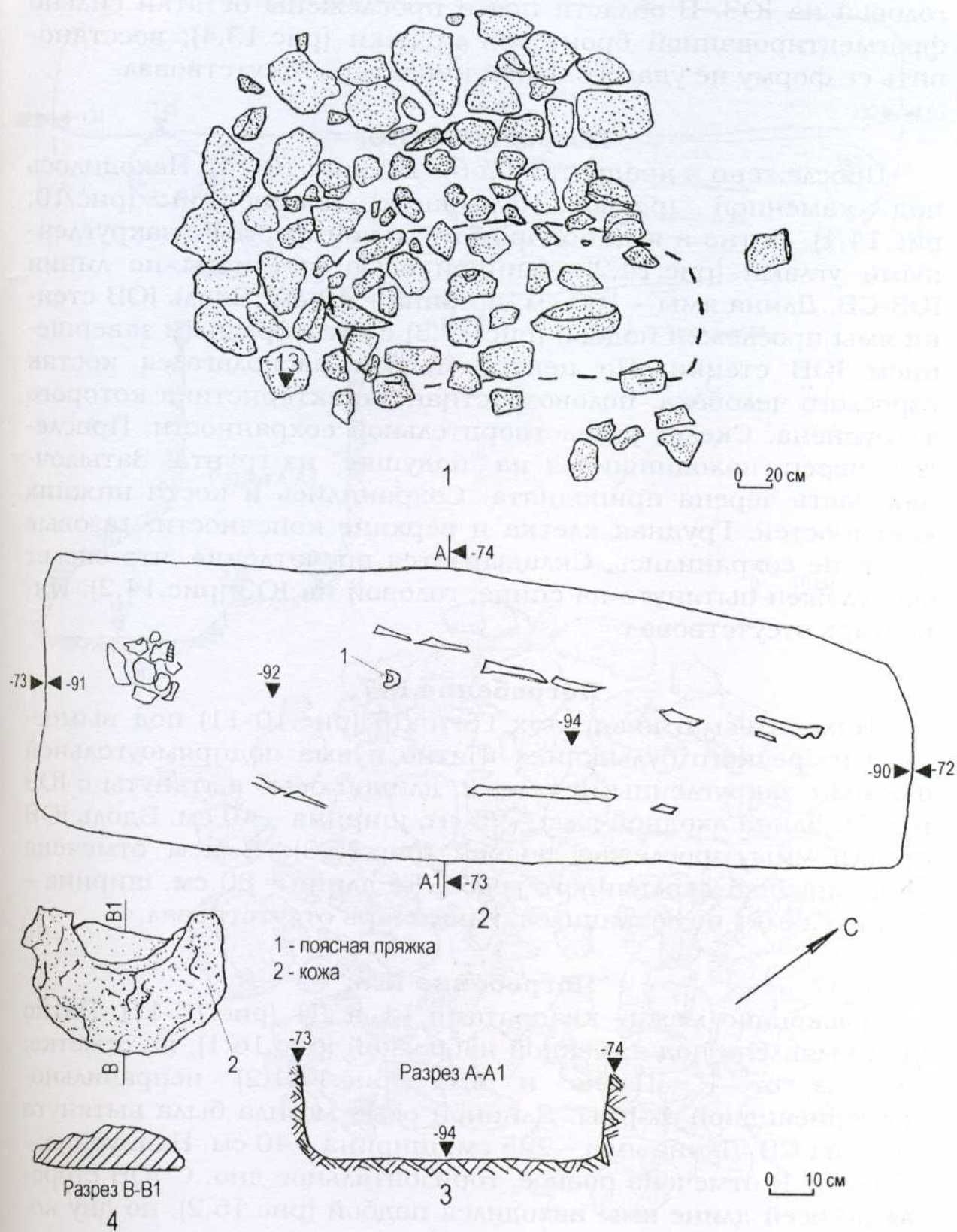

Рис. 13. Могильник "Сухая Балка". Погребение №5.

1 Навал камней, 2 План погребения, 3 Разрез А-А1, 4 Бронзовая пряжка

копчным материалам, скелет был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В области пояса прослежены остатки сильно фрагментированной бронзовой пряжки (рис.13,4); восстановить ее форму не удалось. Иной инвентарь отсутствовал.

Погребение №6.

Прослежено в квадратах Г5-6 – Д6 (рис.10-11). Находилось под каменной (речной булыжник) вымосткой (рис.10; рис.14,1). Пятно и яма подпрямоугольной формы с закругленными углами (рис.14,2), длинной осью вытянуты по линии ЮЗ-СВ. Длина ямы – 160 см, ширина – 40 см. Вдоль ЮВ стенки ямы прослежен подбой (рис.14,3) с дугообразным завершением ЮВ стенки. По центру подбоя располагался костяк взрослого человека, половозрастная характеристика которого затруднена. Скелет удовлетворительной сохранности. Прослежен череп, находившийся на "подушке" из грунта. Затылочная часть черепа приподнята. Сохранились и кости нижних конечностей. Грудная клетка и верхние конечности, тазовые кости не сохранились. Складывается впечатление, что скелет был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ (рис.14,2). Инвентарь отсутствовал.

Погребение №7.

Находилось в квадратах Г5 и Д5 (рис.10-11) под вымосткой из речного булыжника. Пятно и яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, длинной осью вытянуты с ЮЗ на СВ. Длина входной ямы – 95 см, ширина – 40 см. Вдоль ЮВ стенки ямы прослежен подбой (рис.15,3). В нем отмечена лишь крышка деревянного гроба. Ее длина – 80 см, ширина – 22 см. Скелет не сохранился. Инвентарь отсутствовал.

Погребение №8.

Раскопано между квадратами Г1 и Д1 (рис.10-11). Пятно ямы выявлено под каменной наброской (рис.16,1), на отметке: -64 см от R. Пятно и яма (рис.17,1,2) неправильнотрапециевидной формы. Длинной осью могила была вытянута с ЮЗ на СВ. Длина ямы – 225 см, ширина – 40 см. На глубине: -78 см от R отмечено ровное, горизонтальное дно. С ЮВ стороны по всей длине ямы находился подбой (рис.16,2), по дну которого, с уровня в -77 см от R, прослежена верхняя часть деревянного гробовища. Его длина – 200 см; максимальная ширина – 45 см. Ближе к С углу подбоя, между стенкой и гробовищем

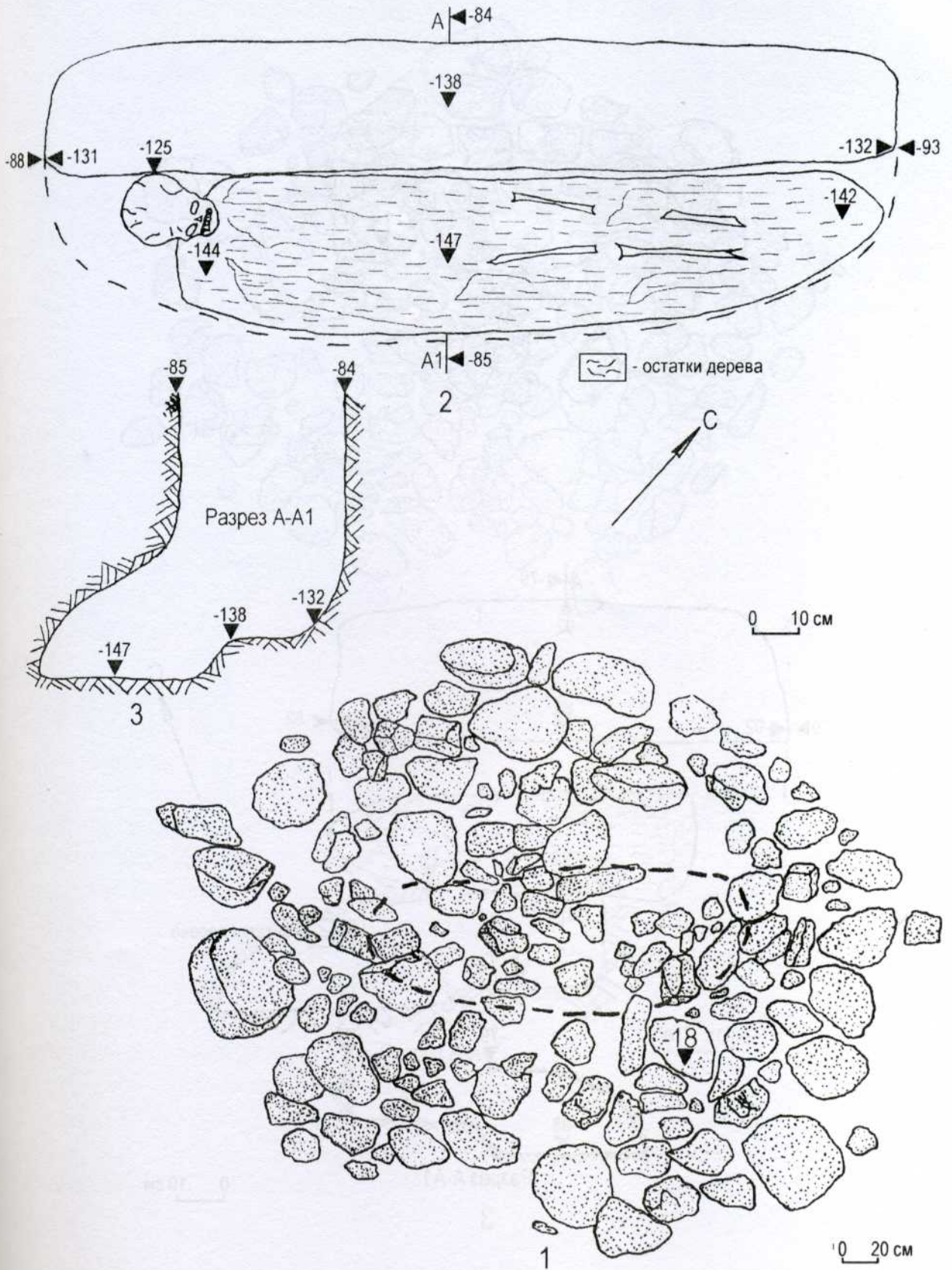

Рис. 14. Могильник "Сухая Балка". Погребение №6.
1 Навал камней, 2 План погребения, 3 Разрез А-А1

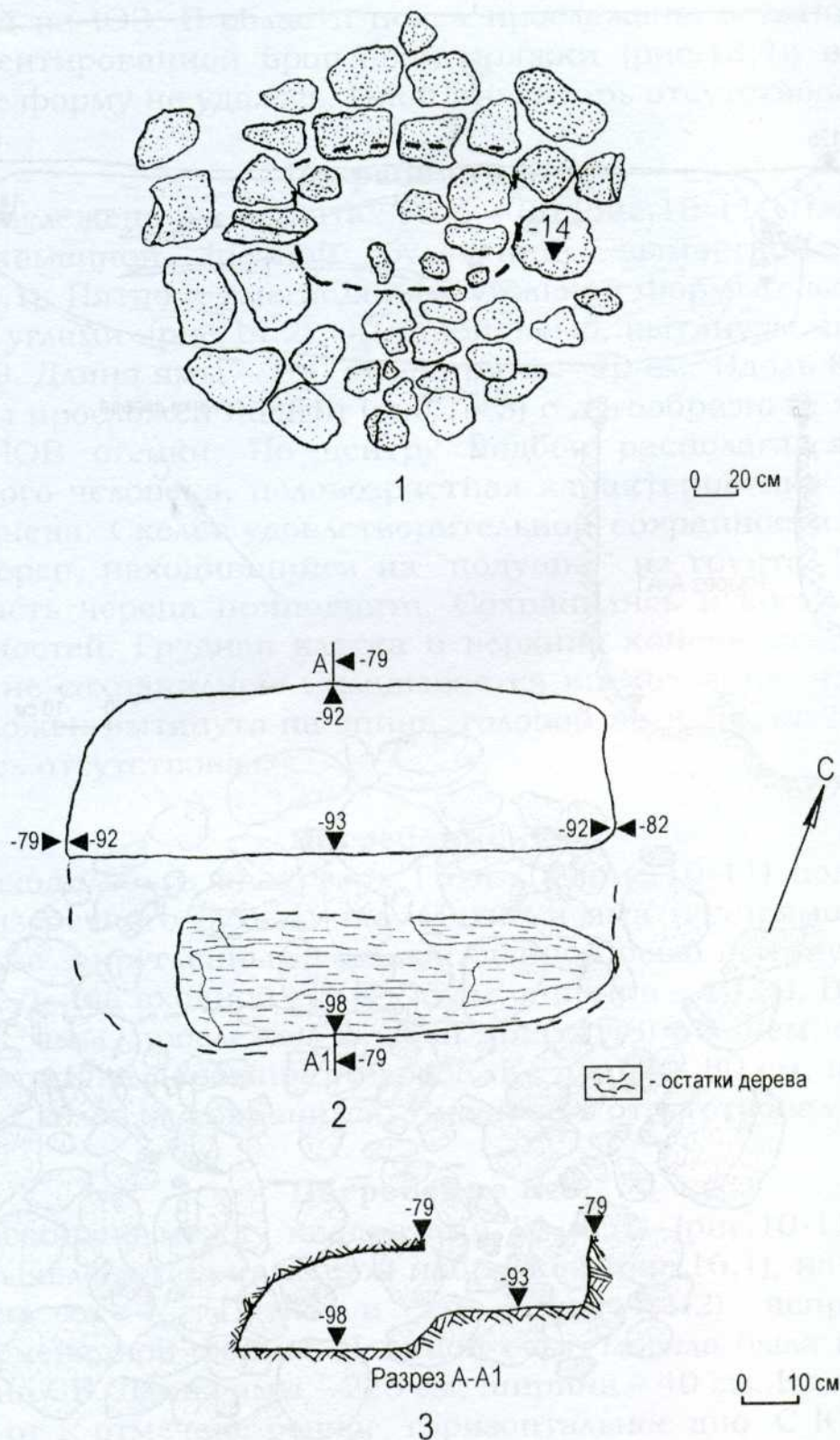

Рис. 15. Могильник "Сухая Балка". Погребение №7.
1 Понавал камней; 2 План погребения; 3 Разрез А-А1

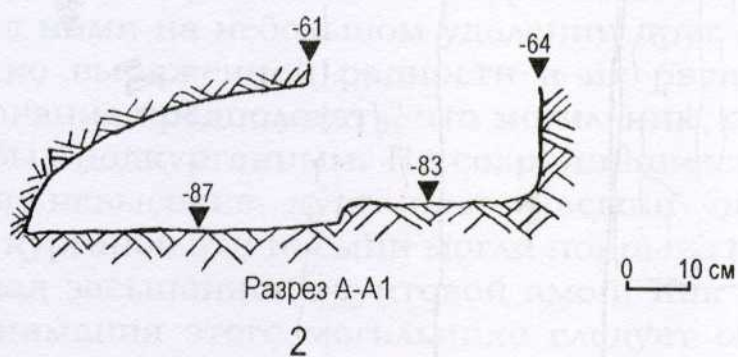
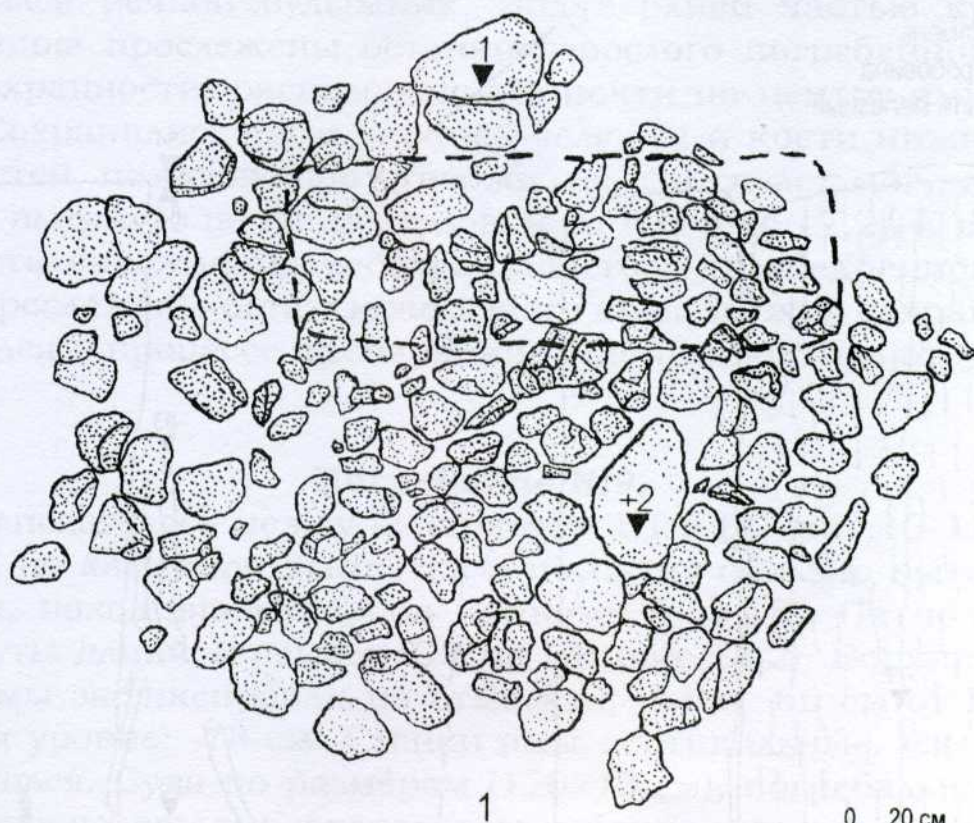

Рис. 16. Могильник "Сухая Балка". Погребение №8.
1 Навал камней; 2 Разрез А-А1.

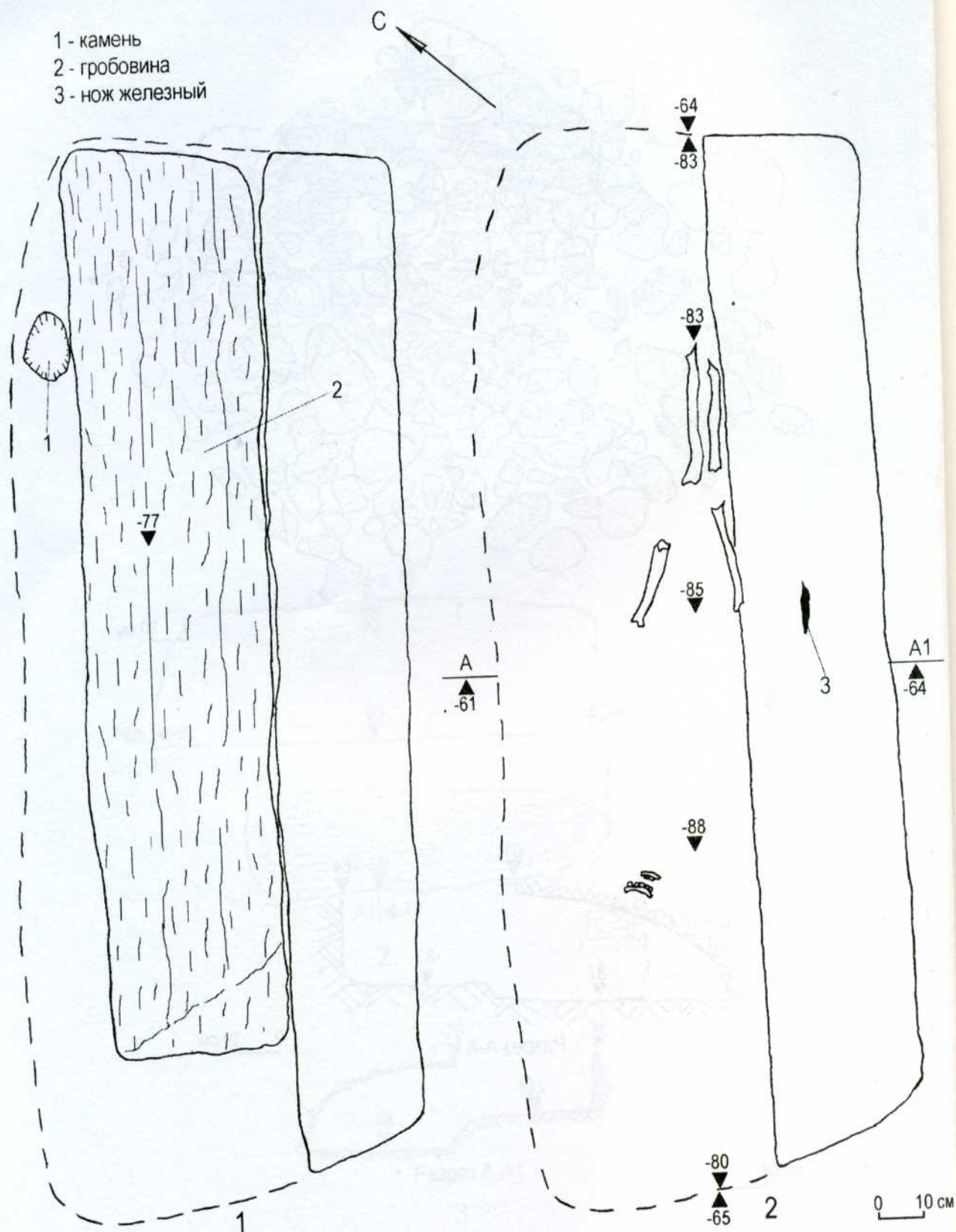

Рис. 17. Могильник "Сухая Балка". Погребение №8.
1. План погребения до расчистки. 2. План погребения после расчистки

находился речной булыжник. Под верхней частью крышки гробовища прослежены останки взрослого погребенного плохой сохранности, расположенного почти по центру ямы (подбоя). Сохранились часть нижней челюсти и кости нижних конечностей, позволяющие утверждать, что скелет мог располагаться вытянуто на спине, головой на ЮЗ (рис.17,2). К востоку от места нахождения несохранившегося тазобедренного сустава прослежены остатки железного ножа плохой сохранности (распался в процессе препарации). Иной инвентарь отсутствовал.

Погребение №9.

Располагалась между квадратами В1 и В0 (рис.10-11). Выявлено по каменной вымостке и по пятну овально вытянутой формы, находившемуся под камнями (рис.18). Пятно и яма вытянуты длинной осью с ЮЗ на СВ (рис.18,2). Верхний уровень ямы зафиксирован на отметках: -61 и -66 см от Р. Дно ямы на уровне: -78 см. Стенки ямы вертикальные. Скелет не сохранился. Судя по размерам (120x45 см), погребальная яма предназначалась для захоронения ребенка или подростка. Инвентарь в погребении отсутствовал (рис.18).

Таким образом, этот могильник, несмотря на то, что на его территории было вскрыто всего 9 захоронений, характеризуется целым набором устойчивых признаков, позволяющих уже на этом предварительном уровне высказать некоторые впечатления. Во-первых, расположение грунтовых ям и каменных вымосток над ними на небольшом удалении друг от друга, отсутствие четко выраженной рядности в их расположении и пр. дает основание предполагать, что могильник, скорее всего, изначально был подкурганым. Не сохранившиеся к моменту исследования невысокие курганные насыпи оплыли. При оформлении курганов эти насыпи могли покрывать вымостки, сложенные над засыпанной грунтовой ямой. Как представляется, для понимания этого могильника следует обратиться к материалам еще одного памятника – могильника на городище Верхний Джулат, обобщающая характеристика которого недавно в научный оборот была введена В.А. Кузнецовым.

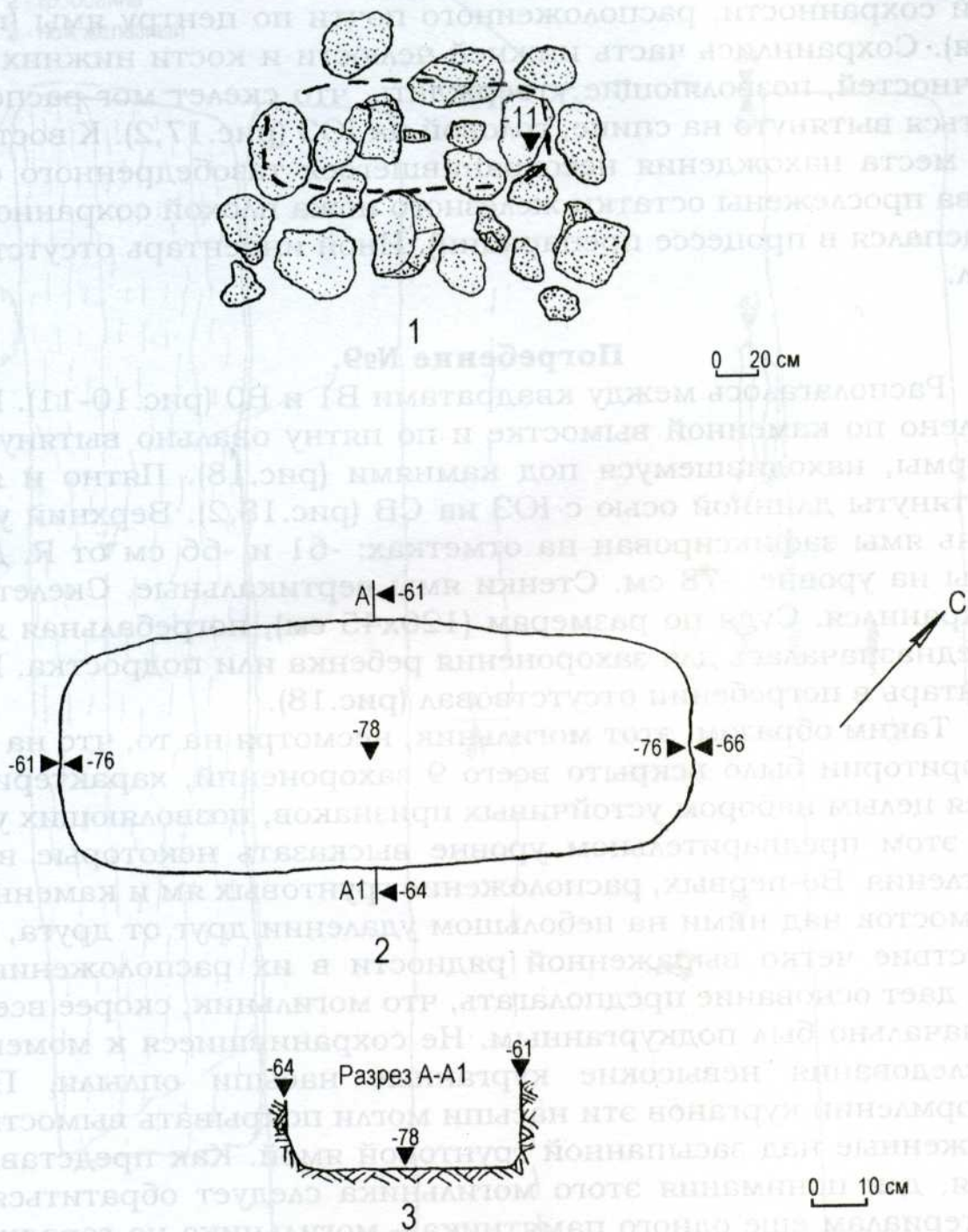

Рис. 18. Могильник "Сухая Балка". Погребение №9.

1. Навал камней, 2. План погребения, 3. Разрез А-А1.

2. Могильник на городище Верхний Джулат.

К сожалению, этот некрополь до сих пор остается неопубликованным и судить о нем приходится лишь по краткой информации, совсем недавно введенной в научный оборот В.А. Кузнецовым, которого мы и процитируем. В частности, кавказовед пишет: "В 1962 году мной был сделан раскоп площадью 400 кв. м., на нераспаханной площади в 150 м южнее Татартупского минарета. В западных секторах В, Г, и в центральном секторе раскопа Д оказались остатки булыжной мостовой, лежащей на одном горизонте и в один ярус (Здесь и далее выделено мною – Е.Н.). Во многих местах камень был выбран и образовались разрывы в кладке. Но в одном из секторов, раскопанных до материка (1,30-1,50 м), никаких признаков построек не выявлено (рис.19). Определить вымостку как мощеную улицу затруднительно при столь значительной ширине. Представляется наиболее вероятным отождествить ее с центральной городской площадью (!? – Е.Н.). На это, в частности, указывает соседство таких архитектурных памятников, как обе мечети, Татартупский минарет, церковь №1. Очевидно, это был центр города с элементами благоустройства; нечто сходное можно видеть в золотоордынском центре Крыма городе Солхате, где около караван-сарая XIV века обнаружены остатки мостовой, выложенной слабообработанным плитняком. В одной из своих публикаций Е.И. Крупнов эту булыжную мостовую назвал "исключительным по значению объектом"... С этим следует согласиться – на площади могло находиться торжище, рынок, т.е. центр экономической жизни верхнеджулатского города и окружающих его городищ – поселений сельского типа. Соответственно реконструируется одна из главных социальных функций развивающегося феодального города. Аналогичная ситуация прослеживается в средневековой Европе: городские ратуши обычно ставились близ рыночной площади... Подчеркнем, что торгово-экономическая функция Верхнего Джулата, наряду с военно-политической, убедительно подтверждается местной чеканкой монет не позднее 1296-1297 гг. по Х. М. Френу¹.

¹ Здесь, В.А. Кузнецов в очередной раз повторяет ошибку, вкравшуюся в специальную литературу: действительно, известный нумизмат Х.М. Френ в свое время опубликовал золотоордынскую монету, на штемпеле которой он прочел название "монетного двора" как "Джюмлад" [Френ Х.М. 1832, с.43]. Местоположение этого "двора" нумизмат локализовал на месте

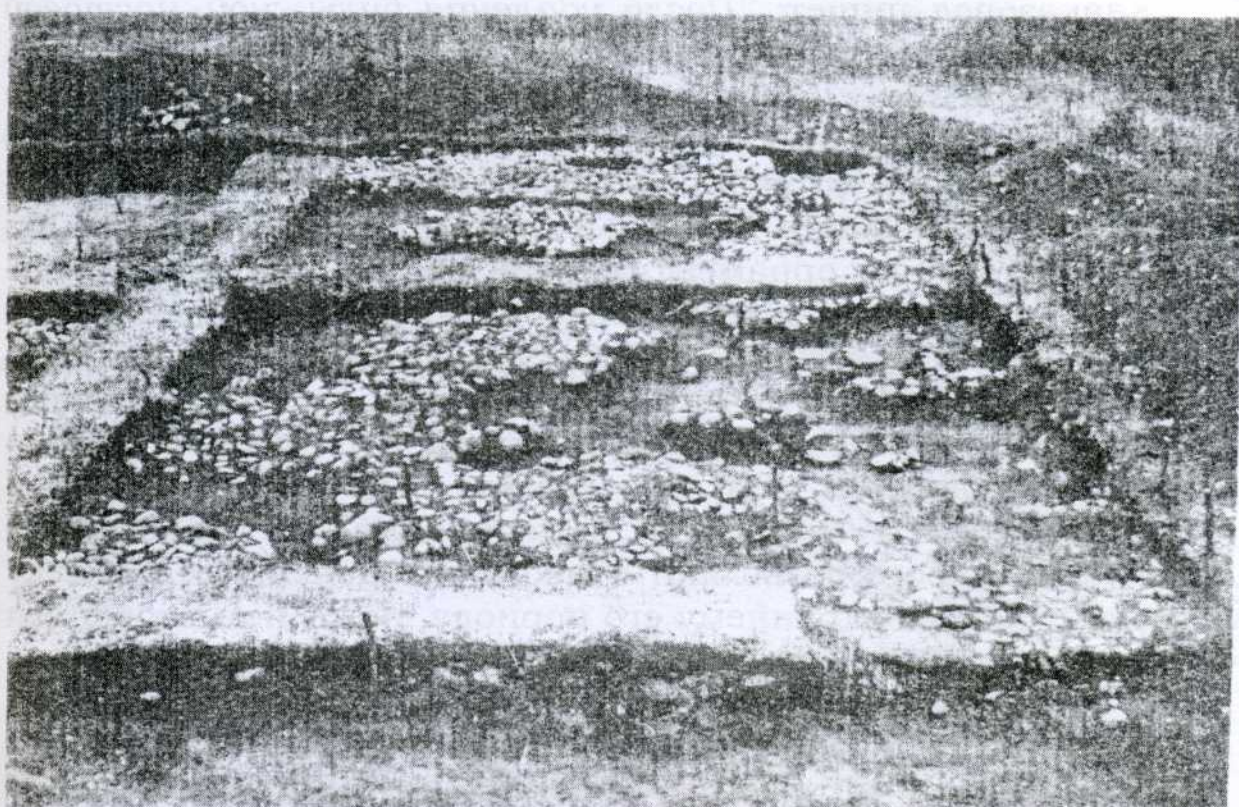
Если эти данные достоверны (нами монеты не найдены), они могут указывать на возросшее значение Верхнего Джулата после похода сюда татар и русских в 1278 году. *Чеканка монет² и торговая площадь в центре равноценны документальным свидетельствам: к времени прихода к власти хана Узбека (1312 г.). Верхний Джулат уже функционировал как город-база Золотой Орды на юге* [Кузнецов В.А. 2003, с.159].

Мы не случайно так подробно процитировали выводы В.А. Кузнецова, вытекающие из факта обнаружения на Верхнем Джулате каменных вымосток над погребениями. Подобного рода выводы, весьма показательны, т.к. для В.А. Кузнецова в последнее время становится характерным при каждом удобном случае обвинить кого-либо, включая и автора данных строк, в неких "вольных упражнениях в археологии" [Кузнецов В.А. 2003, с.126], при этом, не замечая уже сложившейся собственной системы подобных "упражнений". Версия о "городской площади" Верхнего Джулата, дающая В.А. Кузнецову повод для многих и далеко идущих предположений - лишь одно из таких "упражнений" [Нарожный Е.И. 2004, с.104-107]. И мы попытаемся это обосновать.

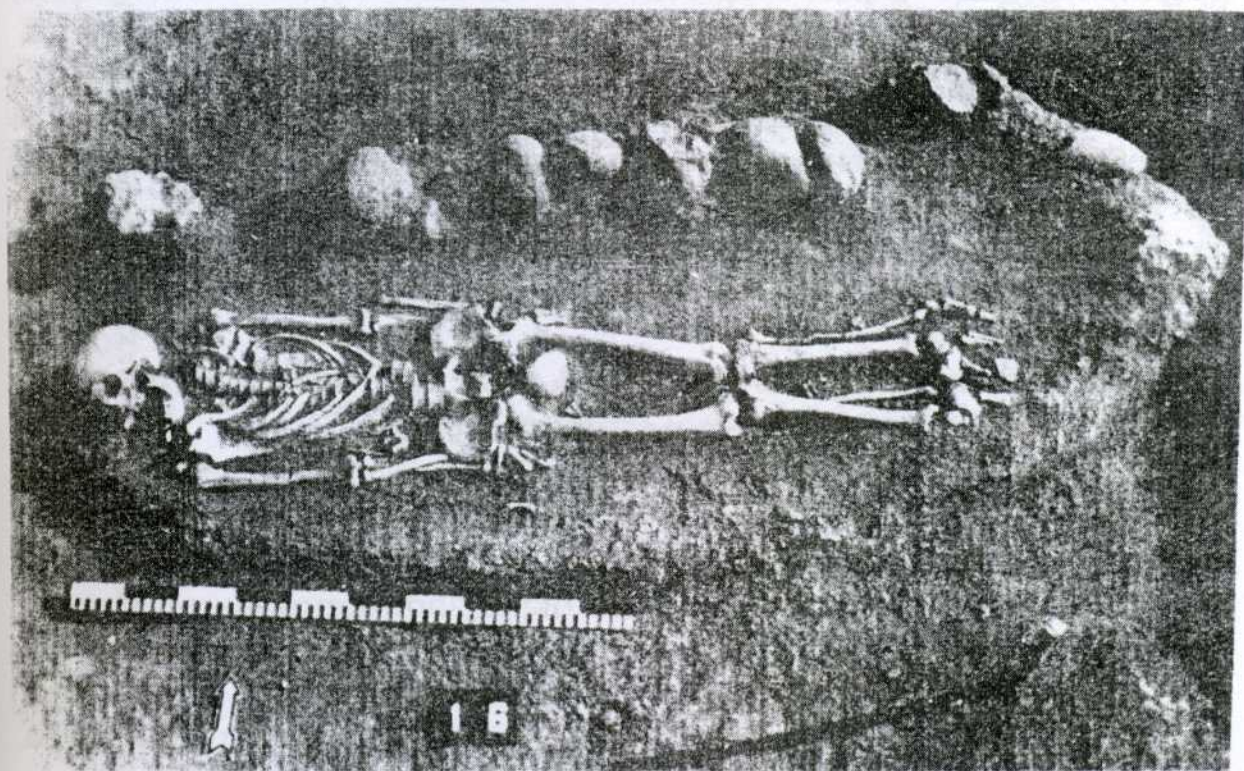
Дело в том, что "убедив" читателя в единственно возможной атрибуции раскопанных им вымосток как остатков "площади", В.А. Кузнецов чуть ниже приводит и описания дальнейшего хода своих раскопочных работ на этом месте. И здесь мы вновь процитируем его выводы.

Верхнего или Нижнего Джулатов [Френ Х.М. 1832, с.43; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2002, с.39-42; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2004, с.332-330]. Однако речь шла всего об одной такой монете. Упоминание этой монеты во множественном числе впервые и ошибочно было принято Э.В. Ргвеладзе [Ргвеладзе Э.В. 1976, с.168], на что в литературе уже указывалось [Виноградов В.Б., Деппиева А.Б. 1990, с.41; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2004, с.325]. Причиной тому послужило неуверенное чтение даты на монете, предложенное Х.М. Френом двояко: либо в 1295, или 1296гг., но - не 1296-1297, как это пишет В.А. Кузнецов.

² По всей вероятности, В.А. Кузнецов вновь подразумевает возможность выпуска монеты на протяжении 1295-1296 годов, битой в "Джюлладе". Однако, несмотря на широкое распространение этой версии, прочтение самого названия монетного двора как "Джюллад" ныне оспаривается [Пачкалов А.В. 2004, с.143]. По этой причине сама вероятность выпуска этой монеты на Северном Кавказе сомнительна [Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2002, с.39-42; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2004, с.325]. Тем более, что эта монета, скорее всего, была поднята не на Северном Кавказе, а где-то на территории Нижнего Поволжья [Нарожная Ф.Б. 2000; Нарожная Ф.Б. 2001].

1

2

Рис. 19. Могильник "Верхний Джулат" (по В.А. Кузнецову).
1. Вид раскопа; 2. Погребение №16.

Кавказовед пишет: "После удаления булыжной мостовой под ней, начиная с третьего штыка, постепенно пошли грунтовые могилы. Всего расчищено 28 могил. Характерная западная (с отклонениями) ориентировка погребенных, вытянутое положение на спине и почти полное отсутствие инвентаря. В погребении 9 на фалангу пальца правой руки были надеты три медных орнаментированных наперстка не древнее XIII-XIV вв.; в погребении 11 раздавленный золотоордынский кирпич размером 23x23x4 см; в погребении 20 у ступни правой ноги нижняя часть типичного пифоса золотоордынского времени с линейно-зонным рифлением; в погребении 28 на пальце правой руки женского скелета был надет бронзовый перстень с синей стеклянной вставкой. Наперстки, обломки кирпича и пифоса позволяют отнести захоронения к XIV веку и, конечно, к более раннему его периоду, нежели вымощенная городская площадь." [Кузнецов В.А. 2003, с.161].

Таким образом, наличие определенных сходств, по крайней мере, во внешнем оформлении захоронений на могильнике "Сухая Балка" и городище Верхний Джулат дают нам некоторые основания для их сближения и синхронизации. Если это предположение подтвердится, то можно будет считать их принадлежавшими если не одной, то нескольким и, вероятно, близко родственным группам кочевого населения.

Для дальнейшей работы будет необходимо использовать и погребения, включенные нами в раздел "прочие захоронения", т.е. отдельные погребальные памятники с территории Чечни, Ставрополья и Краснодарского края. По этой причине, ниже мы приводим их полное описание.

3. Погребение №3 кургана 3 у сел. Новоселицкое в Ставропольском крае.

Захоронение №3 было впущено в центральную часть кургана 1. Оно находилось на глубине 1,35 м от центрального репера. Могильная конструкция не была зафиксирована. Скелет взрослого мужчины, сохранившийся плохо, располагался на спине, вытянуто, черепом на восток-юго-восток, с вытянутыми вдоль тела руками. Череп лежал, немного завалившись на правый висок, лицевой частью на северо-запад (рис.20, 1).

Справа, вдоль костяка, перекрывая кости руки, лежала длинная железная сабля. У головки правой плечевой кости и

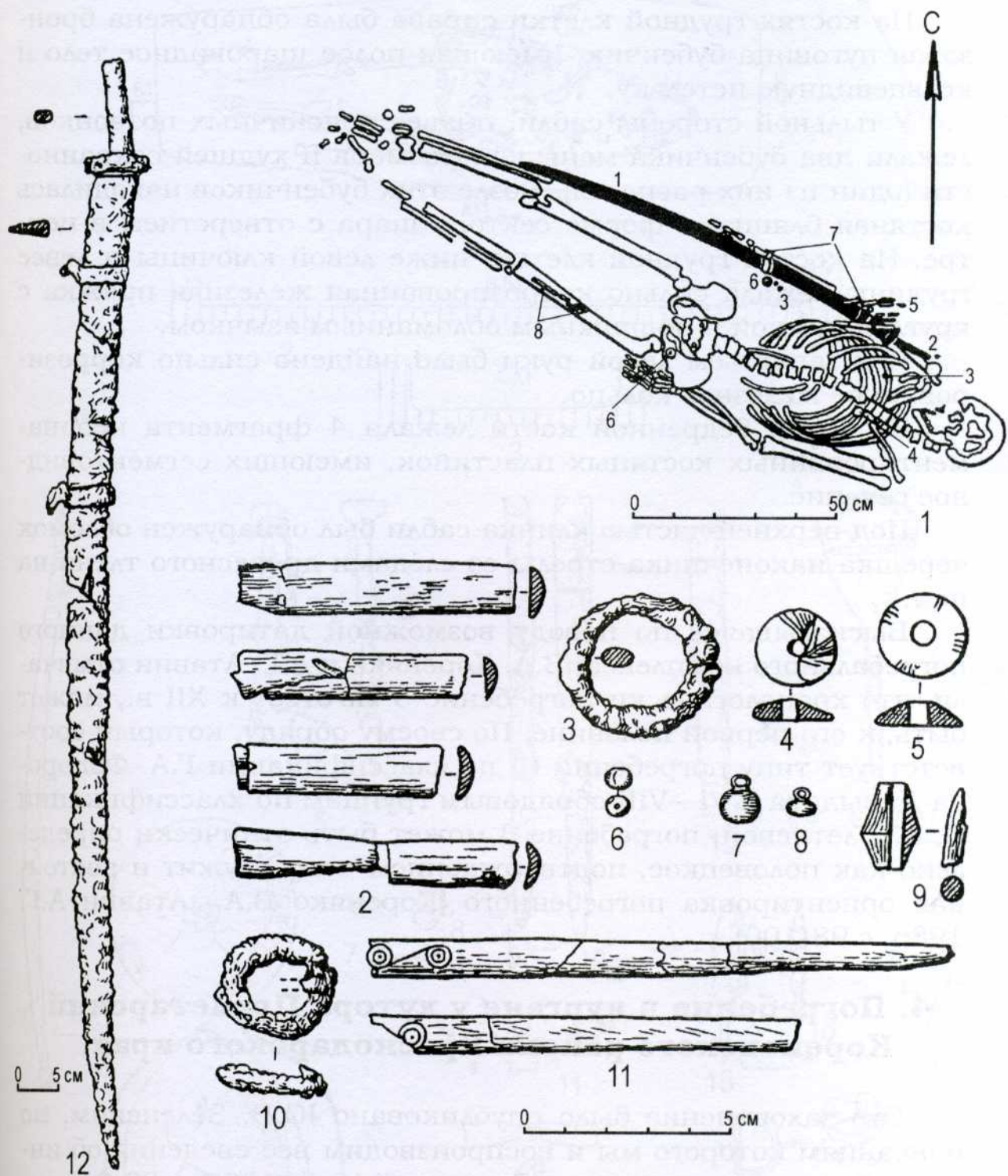

Рис. 20. Погребение №3 кургана 3 у сел. Новоселицкое в Ставропольском крае (по В.А. Кореняко, А.Г. Атавину).

рукояти сабли была найдена сердоликовая бусина неправильной шаровидной формы (рис.20,1,1,12).

На костях грудной клетки справа была обнаружена бронзовая пуговица-бубенчик, имеющая полое шаровидное тело и кольцевидную петельку.

У тыльной стороны сабли, правее поясничных позвонков, лежали два бубенчика меньшего размера и худшей сохранности (один из них распался). Возле этих бубенчиков находилась костяная бляшка в форме сектора шара с отверстием в центре. На костях грудной клетки, ниже левой ключицы и левее грудины лежала сильно коррозированная железная пряжка с круглой рамкой и подвижным обломанным язычком.

Под запястьем левой руки было найдено сильно коррозированное железное кольцо.

На левой бедренной кости лежали 4 фрагмента неорнаментированных костяных пластинок, имеющих сегментовидное сечение.

Под верхней частью клинка сабли был обнаружен обломок черешка наконечника стрелы со следами древесного тлена на нем.

Высказываясь по поводу возможной датировки данного погребального комплекса, В.А. Коренько и А.Г. Атавин отмечали, что хронологически погребение 3 тяготеет к XII в., может быть, к его первой половине. По своему обряду, который соответствует типу погребений VI по классификации Г.А. Фёдорова-Давыдова и VI—VIII обрядовым группам по классификации С. А. Плетневой, погребение 3 может быть этнически определено как половецкое, подтверждением чему служит и восточная ориентировка погребенного [Коренько В.А., Атавин А.Г. 1986, с.98-100].

4. Погребение в кургане у хутора Пролетарский Кореновского района Краснодарского края.

Это захоронение было опубликовано Ю.В. Зеленским, по описаниям которого мы и воспроизводим все сведения об интересующем нас комплексе [Зеленский Ю.В. 1997, с.89-91].

"Захоронение было прослежено в могильной яме подпрямоугольной формы. Захороненный лежал вытянуто на спине, черепом на юго-восток (рис.21,1). Его сопровождал следующий инвентарь: шлем конической формы с вырезами для глаз (рис.21,6), кольчуга, сабля длиной 1,05 м (рис.21,4), остатки

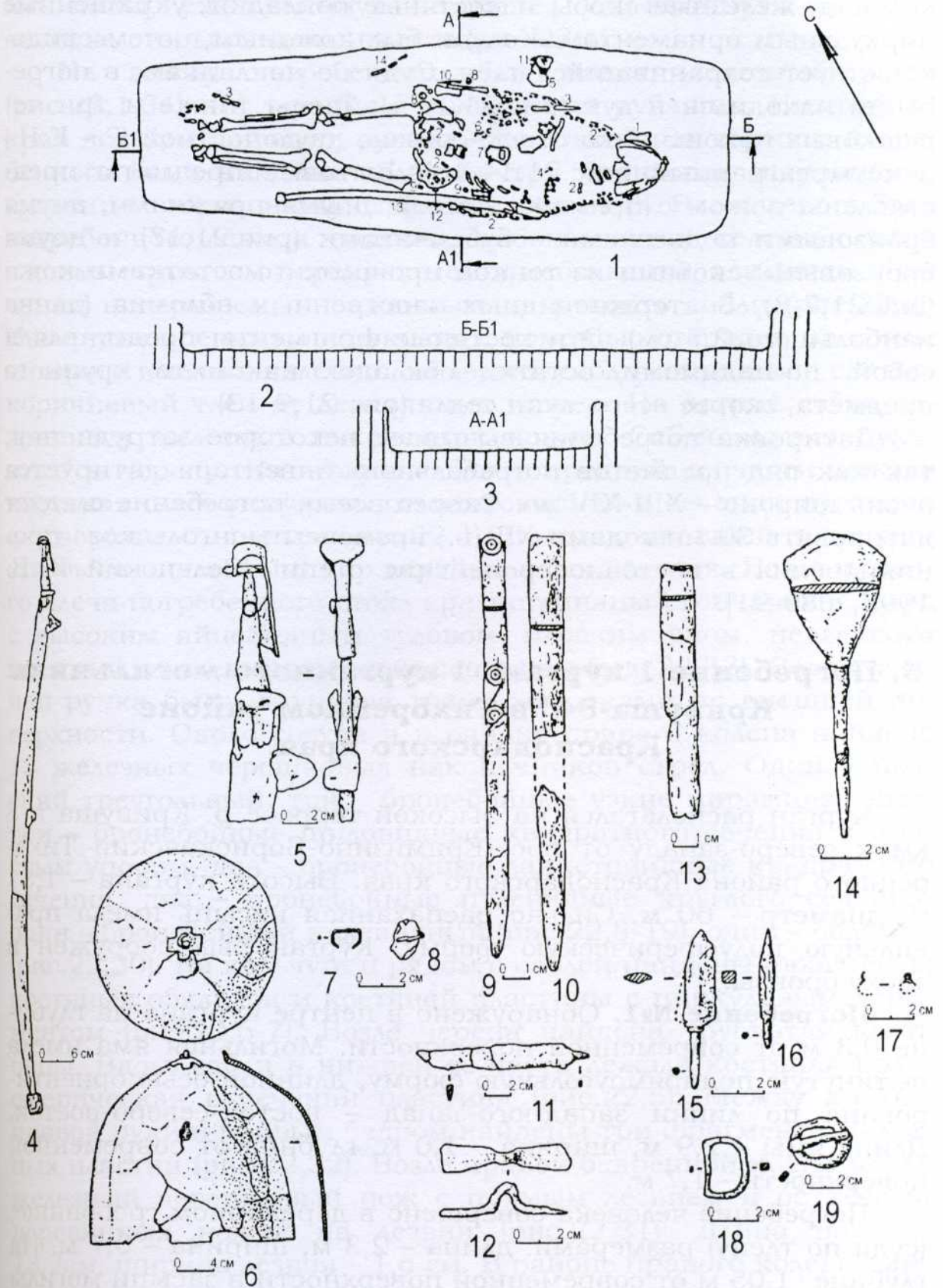

Рис.21. Погребение и инвентарь в кургане у хутора Пролетарский Кореновского района Краснодарского края (по Ю.В. Зеленскому).

колчана, железные скобы и костяные обкладки, украшенные циркульным орнаментом. Колчан был кожаным, о чем свидетельствует сохранившийся тлен. Судя по накладкам, в погребении находился и лук (рис.21,1). Найдены также и три черешковых наконечника стрел: срезень двулопастной (? – Е.Н.) и четырехгранный (рис.21,14-16). Бытовые предметы представлены ножом с прямой спинкой, двумя пряжками, двумя бронзовыми подвесками – бубенчиками (рис.21,17) и двумя бронзовыми скобами из тонкой проволоки с остатками кожи (рис.21,7-8), 3 стержневидных заостренных обломка (длина наибольшего 2,7 см). Эти костяные фрагменты представляли собой, по-видимому, остатки обкладок какого-то крупного предмета, скорее всего, луки седла (рис.21,9-13).

Датировка погребения вызывает некоторое затруднения, так как ряд предметов погребального инвентаря датируется очень широко – XIII-XIV вв. Скорее всего, погребение следует датировать 30-ми годами XIII в., временем монгольского проникновения в восточноевропейские степи" [Зеленский Ю.В. 1997, с.89-91].

5. Погребение 1 кургана 1 курганного могильника "Кривуша-84" в Тихорецком районе Краснодарского края.

Курган располагался на высокой террасе р. Кривуша в 8 км к северо-западу от пос. Еримизино-Борисковский Тихорецкого района Краснодарского края. Высота кургана – 1,51 м, диаметр – 60 м. Сильно распаханная насыпь имела правильную полусферическую форму. Курган был сооружен в эпоху бронзы.

Погребение №1. Обнаружено в центре кургана на глубине 0,3 м от современной поверхности. Могильная яма имела вытянутую подпрямоугольную форму, длинной осью ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Длина ямы – 2,9 м, ширина – 1,0 м, глубина от современной поверхности – 1,7 м.

Погребение человека совершено в деревянном гробовище, (судя по тлену) размерами: длина – 2,3 м, ширина – 0,7 м. На глубине -1,05 м от современной поверхности в засыпи могилы встречены остатки деревянных плах, вероятно, следы перекрытия. Погребенный, ориентированный головой на запад-

юго-запад, лежал вытянуто на спине. Руки вытянуты вдоль туловища, стопы сведены вместе (рис.22,1).

На голову погребенного был надет железный шлем (рис.22,1,34). На теле была кольчужная рубашка. Нижний ее край доходил до бедер, рукава – до локтей. За черепом погребенного была найдена полая внутри бронзовая шаровидная пуговица с горизонтальным швом (рис.22,3). Вдоль левого бока погребенного лежала длинная, слабоизогнутая железная сабля с асимметричным перекрестием и небольшим, овальным в сечении навершием, насаженным на рукоять сабли (рис.22,2). Навершие крепилось к рукояти с помощью стержня, на конце которого имелось колечко. На лезвии сабли сохранился светло-коричневый тлен от деревянных ножен. На острие сабли сохранился железный наконечник ножен. Сабля лежала рукоятью к черепу. На лезвии сабли в средней ее части лежала костяная слабовыпуклая, сегментовидная в сечении пуговица с отверстием в центре (рис.22,4). По краю внешней поверхности были нанесены 8 пар вертикальных насечек. Возле правого плеча погребенного стоял красноглиняный гончарный сосуд с высоким яйцевидным туловом, плоским дном, невысоким горлом и слабо выраженным венчиком (рис.22,33). Вертикальная ручка была украшена тремя желобками по внешней поверхности. Около сосуда и в районе правого колена найдено 13 железных черешковых наконечников стрел. Один – плоский треугольный, три – бронебойные узкие пирамидальные, три – бронебойные шиловидные квадратного сечения с простым упором, два – бронебойные ланцетовидные квадратного сечения, два – бронебойные пулевидные круглого сечения, один – бронебойный килевидный (рис.22,8-19), один – обломок (рис.22,20). На кольчуге и рядом с саблей найдены фрагменты костяных обкладок и костяной пластины с циркульным орнаментом (рис.22,6-7). Возле черепа найдена трубчатая кость овцы. Вдоль сабли в нижней ее части лежала костяная полусферическая в сечении пластина (рис.22,5). Между кистью правой руки и правым бедром найдены три фрагмента железных пластин (рис.22,32). Возле правой бедренной кости лежал железный черешковый нож с прямым лезвием и остатками деревянных ножен на лезвии (рис.22,31). Длина ножа – 13,2 см, ширина лезвия – 1,6 см. В районе правого колена найдены фрагменты железных предметов и целая железная кольчанная петля (рис. 22, 21-24).

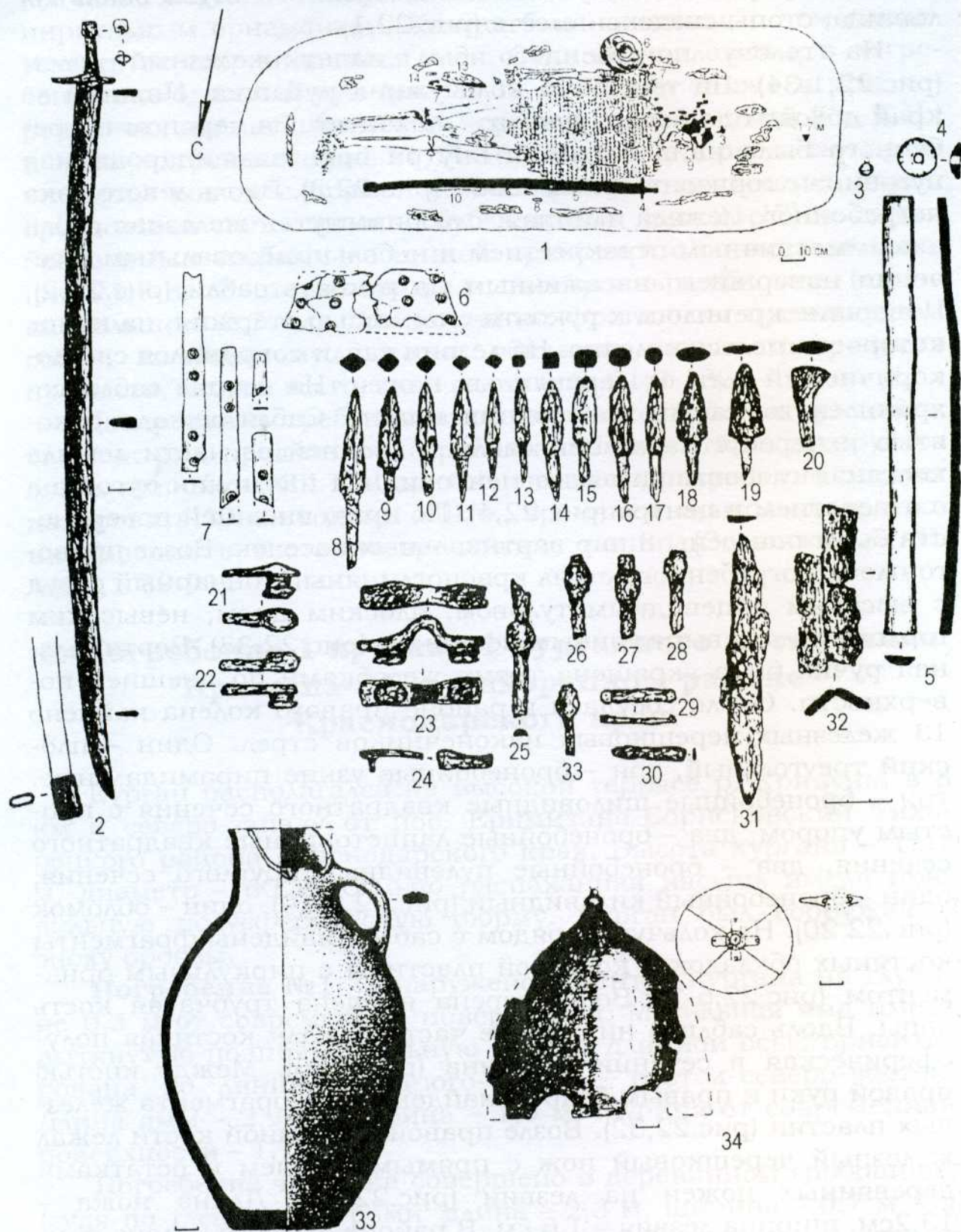

Рис.22. Погребение 1 и его инвентарь кургана 1 курганного могильника "Кривуша-84" в Тихорецком районе Краснодарского края (по В.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину).

6. Погребение 2 кургана 1 Калиновского курганного могильника в Наурском районе ЧИАССР.

Находилось в невысоком кургане (высота более 1 м) в самом центре насыпи. По всей видимости, курган был насыпан в раннем железном веке. Позднокочевническое захоронение являлось впускным, разрушившим основное захоронение раннежелезного века.

Погребение было выявлено по пятну овально-подтрапециевидной формы со скругленными углами (рис.23,1). Пятно и погребальная яма были вытянуты по линии запад-восток. Длина ямы – 1,72 м; наибольшая ширина в западной части – 0,76 м. Ширина в восточной оконечности – 0,4 м. Глубина от R -9,6 м.

По длинной оси ямы на ее дне расчищен скелет взрослого мужчины, находившийся в полном анатомическом порядке. Сохранность скелета хорошая. Череп уложен лицевой частью вверх, кости грудной клетки на спине, в полном анатомическом порядке. Верхние конечности согнуты в локтевых суставах. Кисть левой руки поверх левого крыла таза. Кисть правой руки у тазовых костей (рис.23,1). Нижние конечности протянуты.

Поверх позвоночного столба погребенного, от нижней челюсти вниз (рис.23,1,6) располагалась железная сабля (рис.23,6). Сабля фрагментирована, с двумя железными креплениями от портупей, находившимися поперек лезвия. Слабо-изогнутая. Черен рукояти обломан, заметно отогнут в сторону острия лезвия. По лезвию заметны следы деревянных ножен, вероятно, обтягивавшихся кожей. На нижней части лезвия обойма от ножен, в нижней горизонтальной плоскости которой имелась слаборельефная S-видная фигура. В северо-восточном углу ямы (рис.23,1) находился фрагмент необработанного камня.

Вдоль предплечья левой руки находился бронзовый ковшик (рис.23,1,4) с длиной ручкой, имевшей зооморфное оформленное завершение.

Вдоль плечевой кости правой руки, между ней и грудной клеткой, находились два фрагмента костяной накладки (рис.23,7), декорированной косыми насечками и циркульным орнаментом. Под ней прослежены остатки деревянного предмета округло-подтреугольной формы в сечении, плохой сохранности. Вероятно, это остатки лука. К югу от запястья правой руки находилась костяная пуговица (рис.23,5).

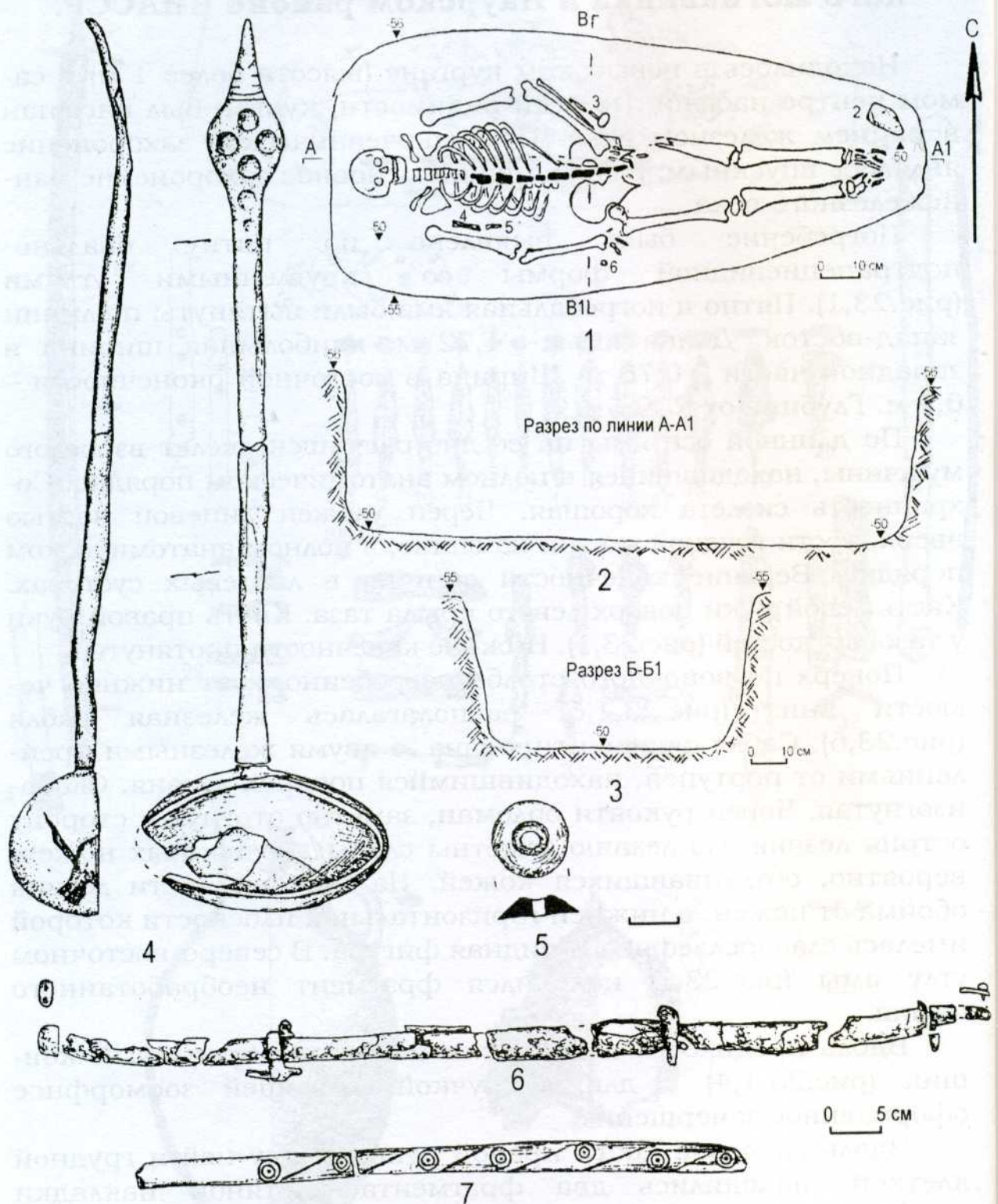

Рис.23. Погребение 2 и его инвентарь кургана 1 Калиновского курганного могильника в Наурском районе ЧИАССР (по Б.М. Хашегульгову).

7. Погребения №№ 2,4,6 кургана 1 курганной группы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР.

Курган представлял собою округлую в плане насыпь. Диаметр с юга на север – 39,5 м; с запада на восток – 47 м. Поверхность кургана была задернована, в центральной части была западина диаметром около 3 м; юго-восточная периферия срезана бульдозером. С восточной стороны насыпь была подрезана землеройной техникой. Высота кургана – 4,7 м.

Погребение №2. Впускное. Зафиксировано по темному пятну, находившемуся к западу от центральной бровки, на глубине 1 м от R. На глубине -1,05 м были расчищены остатки деревянной решетчатой конструкции, покрывавшей это захоронение. Конструкция в виде двух длинных и двух коротких плах, шириной около 3 см, сверху, была покрыта поперечными 10-ю плашками, уложенными плашмя. Ширина каждой из них – 10-12 см.

После фиксации и снятия конструкции была расчищена яма, по центральной оси которой располагался скелет взрослого мужчины. Горизонтальное дно ямы отмечено на глубине -1,45 м от R.

Скелет мужчины хорошей сохранности. Череп сохранился полностью и впоследствии был отправлен на определение антропологу из г. Ленинграда А. В. Шевченко, однако результатами его изучения мы до сих пор не располагаем. Череп развернут к востоку, лежал на левой височной кости. Нижняя челюсть отвалилась вниз. На ней, вправо от подбородка – след от зажившего еще при жизни, проникающего (колющего-?) ранения. Это заметно и на верхней челюсти: в месте травмы зубы разведены в стороны, повреждены. Свидетельства прижизненных повреждений отмечены и на верхней части черепа: от макушки до правого уха от рубящего удара, также, вероятно, не являвшийся причиной смерти погребенного.

Кости грудной клетки в полном анатомическом порядке. Кости конечностей хорошей сохранности. На кисти правой руки отсутствовали лишь две фаланги пальцев.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой почти на северо-восток (рис.24,2). Кости рук вдоль туловища, кисти заходят под крылья тазовых костей. Нижние конечности протянуты.

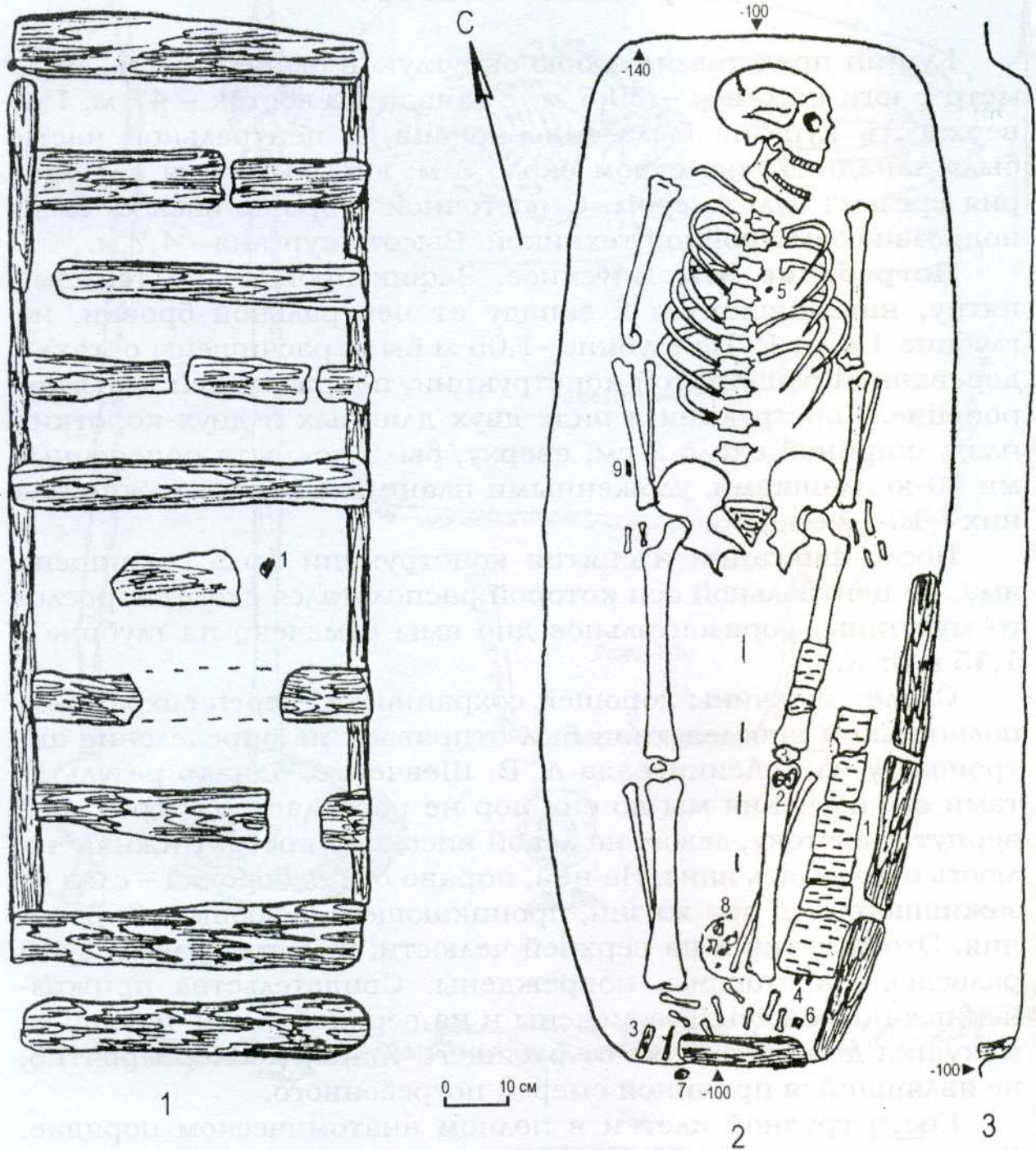

Рис.24. Погребения №2, кургана 1 курганной группы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР.

Сопровождающий инвентарь представлен разнообразными предметами. Почти в центральной части над деревянной решеткой, но ближе к ее восточной оконечности, находилась часть деревянной кибити лука (рис.24,1,1) и часть концевой части лука плохой сохранности с вырезом для тетивы (распалась).

От середины левого бедра и вдоль голени (между ней и краем ямы) располагался берестяной колчан (рис.24,2), состоявший из нескольких крупных фрагментов. Развал фрагментов колчана сохранился на 45,5 см в длину (рис.26,3). Колчан в верхней части имел расширяющийся раструб. Книзу от него сужался до высоты 6 см от верха, затем вся конструкция вновь расширялась (рис.26,3). Сверху колчан был расплюсчен. Дно – овалльно-уплощенное.

На левой голени скелета (рис.24,2) отмечена железная пряжка от крепления колчана (рис.24,2).

У фаланг пальцев ног прослежены костяные накладки (рис.24,2; рис.25,12-16) со сквозными отверстиями, в которые были вставлены костяные гвозди (рис.25,13-14). Вероятно, это – обкладки от седла. Пластинки разных размеров, верхние части приострены (рис.25,15,17). Часть таких пластинок декорирована врезанными линиями (рис.25,19-20), возможно, от накладной ручки ножа. Костяные гвозди округлой формы в сечении.

Под левой голенью погребенного прослежено скопление сильно фрагментированных мелких предметов из железа (рис.24,2). Среди них установлены фрагменты подножки железного стремени (рис.25,22,24-2), железное кольцо (рис.25,3), фрагменты от еще одного железного кольца (рис.25,4), фрагмент дужки от железного стремени (рис.25,22). Функциональное назначение остальных предметов не установлено.

Между днищем колчана и юго-восточным углом погребальной ямы находился бронзовый предмет (рис.25,18) и железное кольцо (рис.25,6), возможно, являвшиеся частью навершия рукояти плети.

В области грудной клетки (рис.24,2) обнаружена половинка бронзового бубенчика (рис.25, 5).

У кисти правой руки (рис.24,2) находился фрагмент железного ножа (рис.25,23).

После снятия берестяного колчана, в районе его днища острием вниз находилось четыре железных черешковых наколчаника стрел (рис.25,8-9; рис.26,1-2). Предварительно захо-

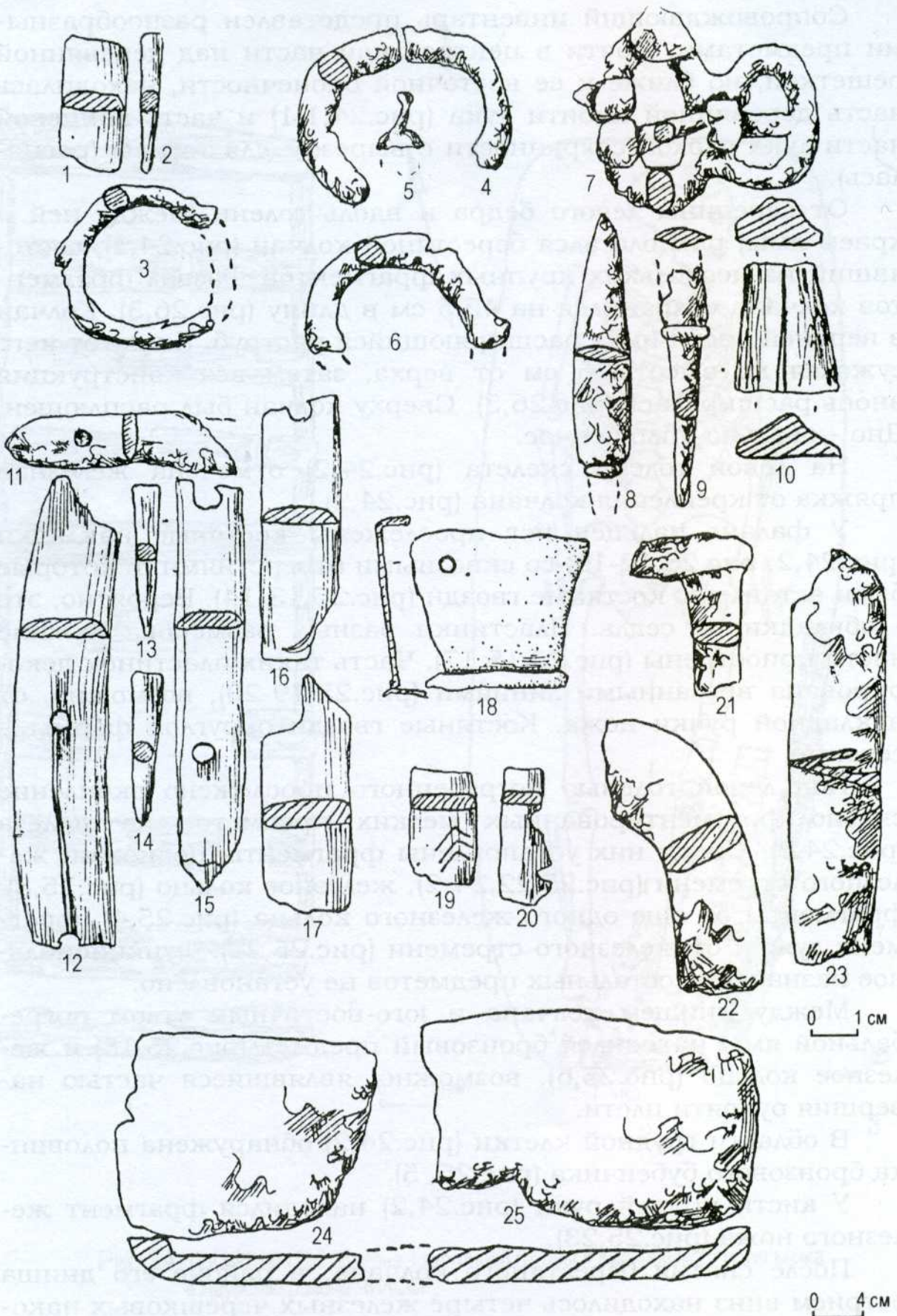

Рис.25. Инвентарь погребения №2, кургана 1 курганной группы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР.

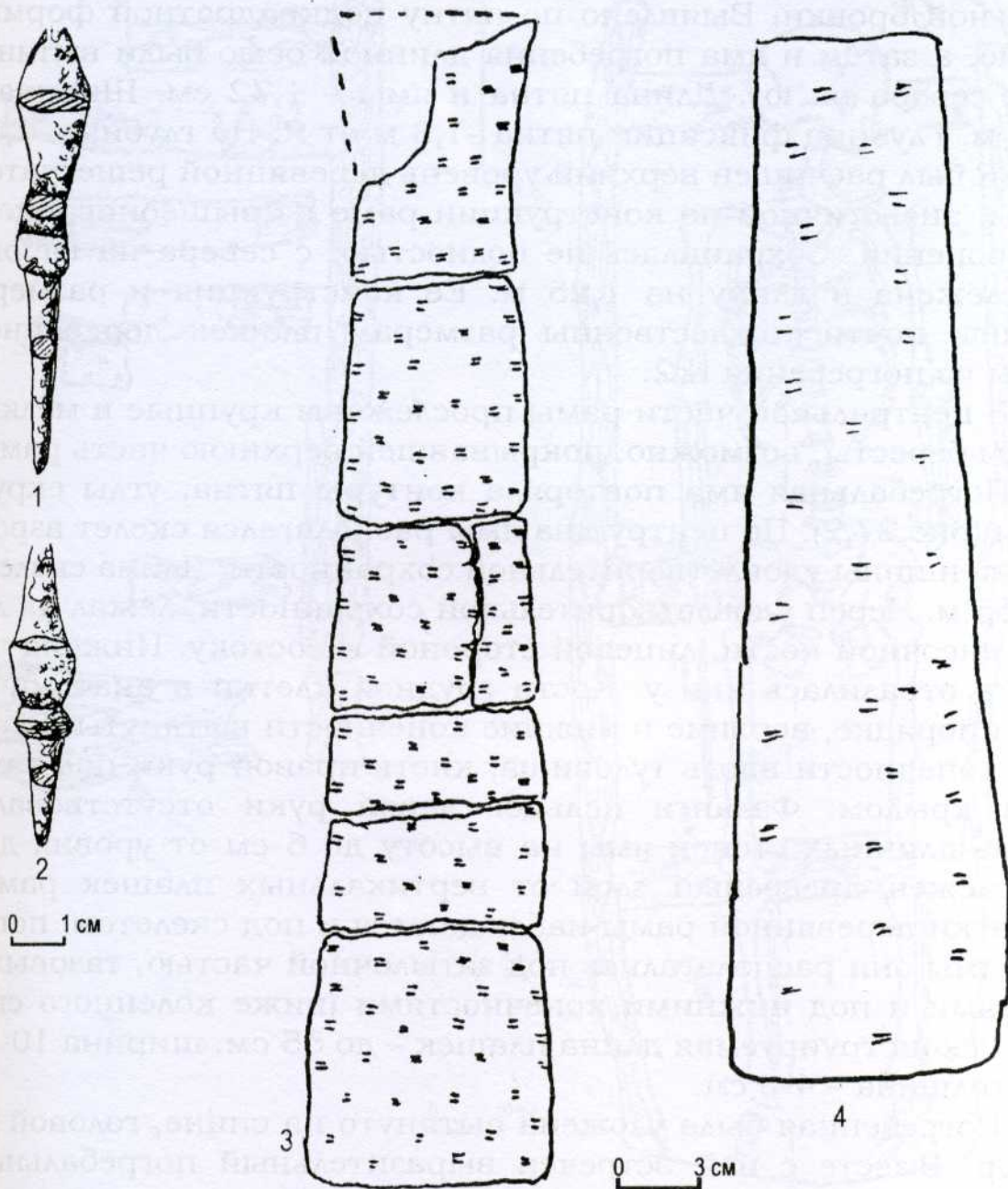

Рис. 26. Инвентарь погребения №2 кургана 1 курганной группы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР (1,2,3), и колчан из погребения №15 раскопа 2 Келийского могильника (4).

ронение было датировано XIV веком [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1990, с.51-54, рис.117,1-2, рис.121,1-26, рис.121,1-3].

Погребение №4. Впускное. Находилось к западу от центральной бровки. Выявлено по пятну подквадратной формы. Пятно, а затем и яма погребения длинной осью были вытянуты с севера на юг. Длина пятна и ямы – 1,72 м. Ширина – 0,64 м. Глубина фиксации пятна -1,3 м от R. На глубине -1,35 м от R был расчищен верхний уровень деревянной решетчатой рамы, аналогичной по конструкции раме из вышеописанного захоронения. Сохранилась не полностью: с севера на юг она прослежена в длину на 1,25 м. Ее конструкция и размеры плашек почти тождественны размерам плашек деревянной рамы из погребения №2.

В центральной части рамы прослежены крупные и мелкие следы бересты, возможно, покрывавшей верхнюю часть рамы.

Погребальная яма повторяла контуры пятна, углы скруглены (рис.27,2). По центру дна ямы располагался скелет взрослой женщины удовлетворительной сохранности. Длина скелета – 1,65 м. Череп удовлетворительной сохранности, лежал на левой височной кости, лицевой стороной к востоку. Нижняя челюсть отвалилась книзу. Кости грудной клетки в анатомическом порядке, верхние и нижние конечности вытянуты. Верхние конечности вдоль туловища, кисть правой руки под тазовым крылом. Фаланги пальцев левой руки отсутствовали. Вдоль длинных стенок ямы на высоту до 6 см от уровня дна прослежен древесный слой от вертикальных плашек рамы. Остатки деревянной рамы наблюдаются и под скелетом: поперек ямы они располагались под затылочной частью, тазовыми костями и под нижними конечностями (ниже коленного сгиба). Реконструируемая длина плашек – до 55 см, ширина 10-12 см, толщина – 4-6 см.

Погребенная была уложена вытянуто на спине, головой на север. Вместе с ней встречен выразительный погребальный инвентарь.

В черепе (район переносицы) отмечена бронзовая ажурная бляшка (рис.28,6). Вторая, точно такая же бляшка (рис.28,7) находилась к западу от коленных суставов погребенной (рис. 27,2). В области грудной клетки (рис.27,2), с западной ее стороны, была встречена крупная бронзовая подвеска ажурной формы со стеклянной вставкой в центральной части (рис.28,4). Внешняя поверхность предмета со следами позолоты.

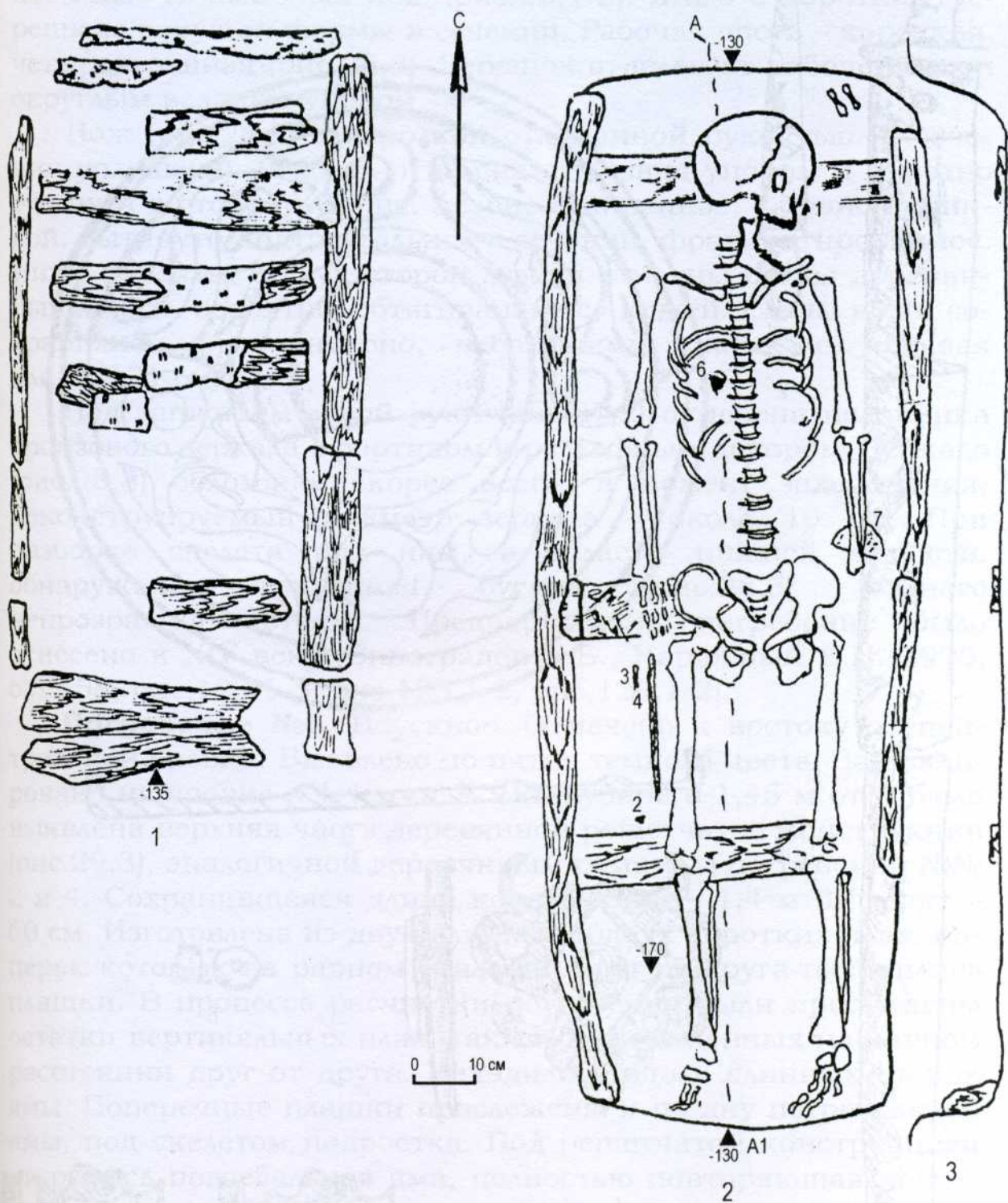

Рис.27. Погребение №4 кургана 1 курганной группы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР.

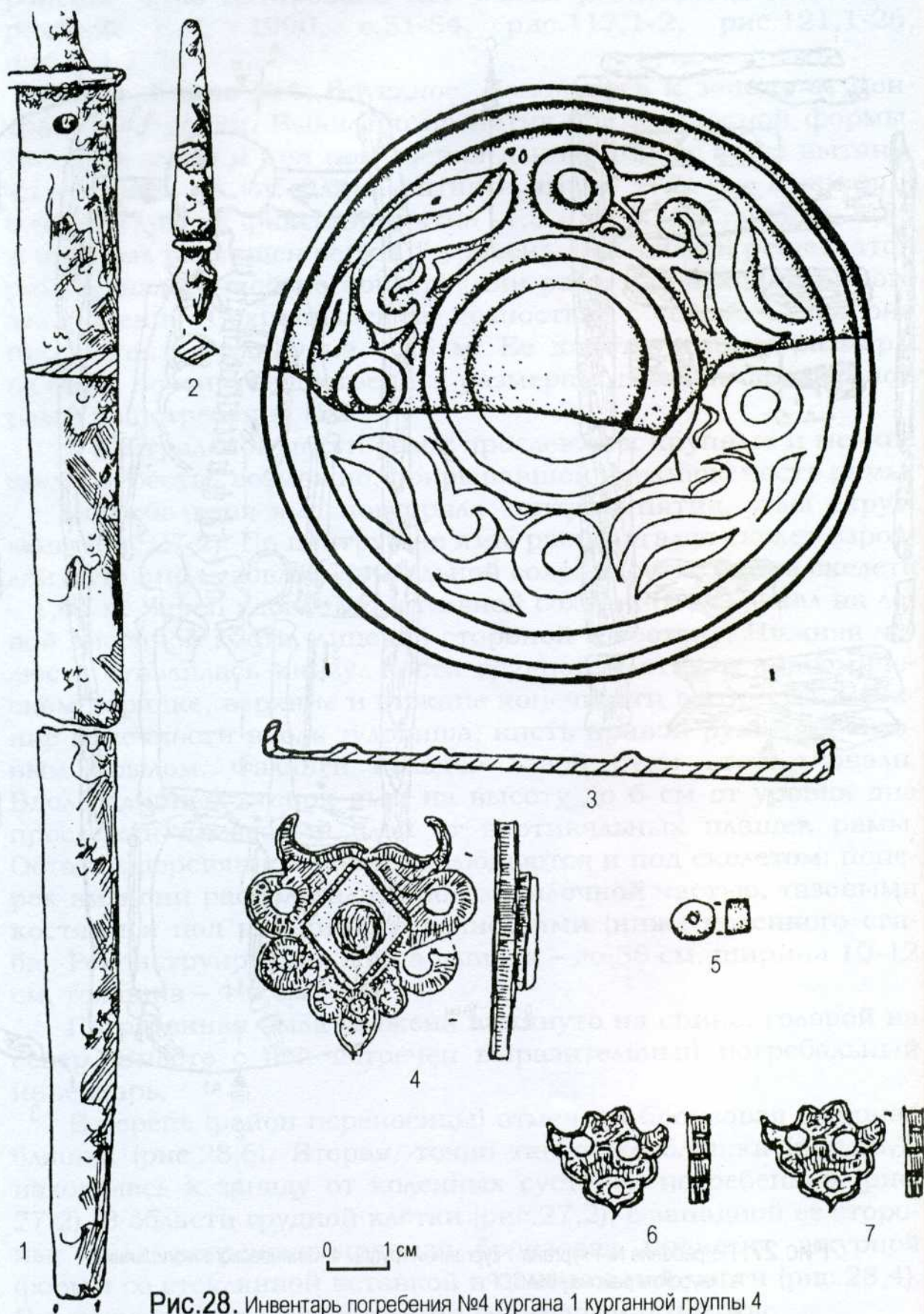

Рис.28. Инвентарь погребения №4 кургана 1 курганной группы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР.

Вдоль правого бедра, параллельно ему находилось железное шило и железный нож (рис.28,1-2). Шило с коротким черешком округлой формы в сечении. Рабочая часть – короткая, четырехгранная (рис.28,2). Черешок отделен от рабочей части округлым валиком-упором.

Нож (рис.28,1) с короткой отломанной рукоятью (в сечении уплощена). Рукоять отделена от лезвия упором и заметно отогнута в сторону лезвия. Лезвие удлиненное, с ровной спинкой, вытянуто-подтреугольное в сечении, фрагментированное. Ниже рукояти, с двух сторон лезвия заметны следы деревянных ножен, вероятно, обтягивавшихся кожей. Следы кожи сохранились фрагментарно, небольшими участками. Общая длина – 21 см.

Под запястьем левой руки (рис.27,2) отмечена половинка бронзового зеркала с бортиком и рельефным декором. Зеркало (рис.28,3) обломано, скорее всего, в момент захоронения. Реконструируемый диаметр зеркала – около 10 см. При разборке скелета под ним, в области нижней челюсти, обнаружена стеклянная бусина (рис.28,5) зеленого непрозрачного стекла. Предварительно погребение было отнесено к XIV веку [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1990, с.55-58, рис.123,1-5, рис.125,1-2, рис.129,1-2].

Погребение №6. Впускное. Отмечено к востоку от центральной бровки. Выявлено по пятну темного цвета. Зафиксировано на уровне в 1,4 м от R. На глубине в 1,45 м от R была выявлена верхняя часть деревянной решетчатой конструкции (рис.29,3), аналогичной деревянным рамам из погребений №№ 2 и 4. Сохранившаяся длина конструкции – 1,4 м. Ширина – 60 см. Изготовлена из двух длинных и двух коротких плах, поперек которых на равном удалении друг от друга находились плашки. В процессе расчистки погребения были прослежены остатки вертикальных плах, также расположенных на равном расстоянии друг от друга. Находились вдоль длинных стенок ямы. Поперечные плашки прослежены и по дну погребальной ямы, под скелетом подростка. Под решетчатой конструкцией открылась погребальная яма, полностью повторяющая контуры пятна (рис.29,1). По центру ямы, вдоль ее центральной оси находился скелет подростка-девочки (?). Скелет сохранился не полностью: утрачена лицевая часть черепа (рис.29,1). Кости грудной клетки, верхних и нижних конечностей в полном анатомическом порядке. Костяк длиной 145 см уложен вытянуто на спине, головой на запад (рис.29,1). Левая рука согнута в

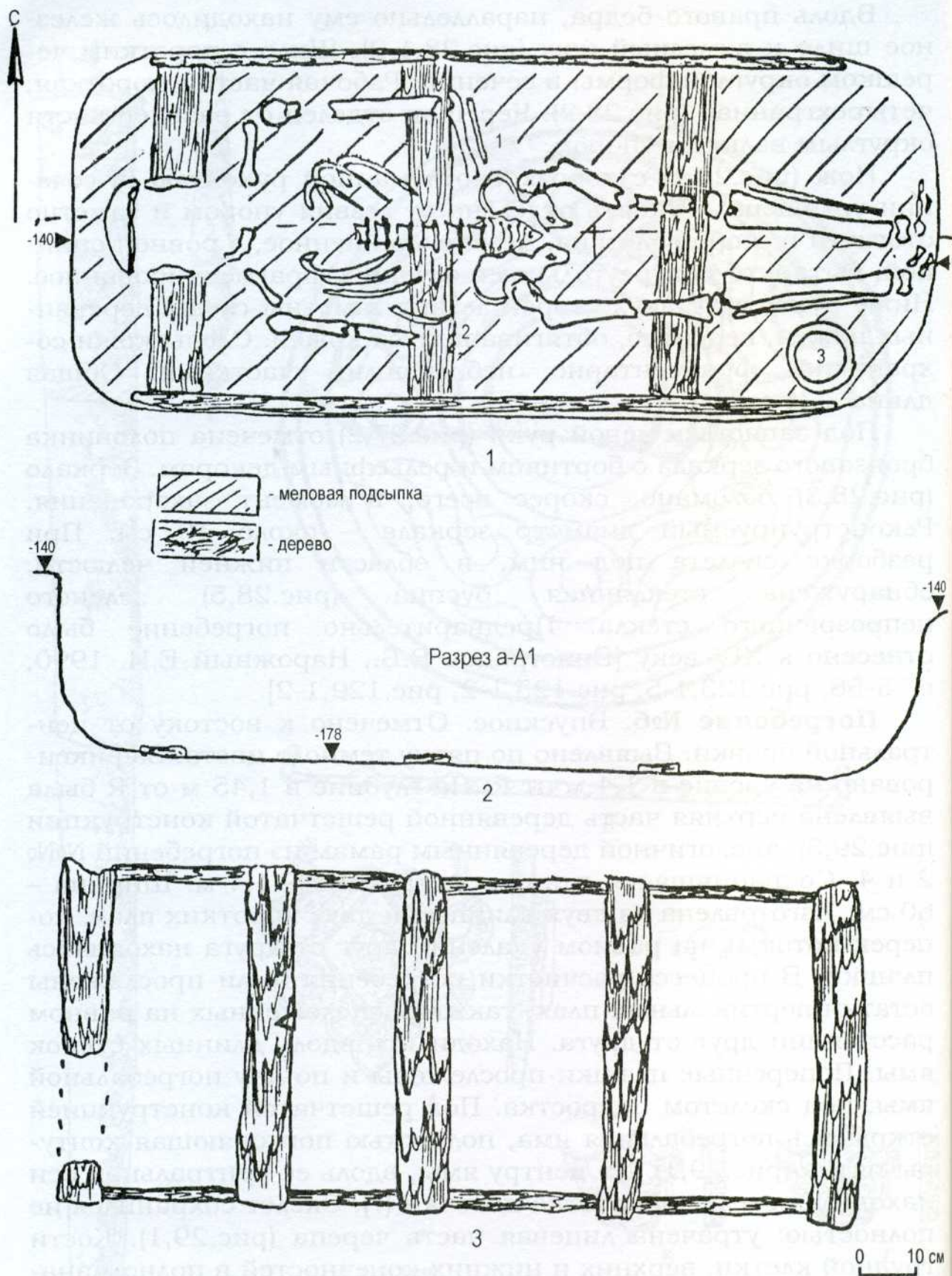

Рис. 29. Погребение №6 кургана 1 курганной группы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР.

локтевом суставе, кистью поперек живота; правая – вдоль туловища. Нижние конечности вытянуты. Весь скелет засыпан слоем мела. Аналогичная подстилка мощностью до 1 см прослежена по всей площади дна погребальной ямы.

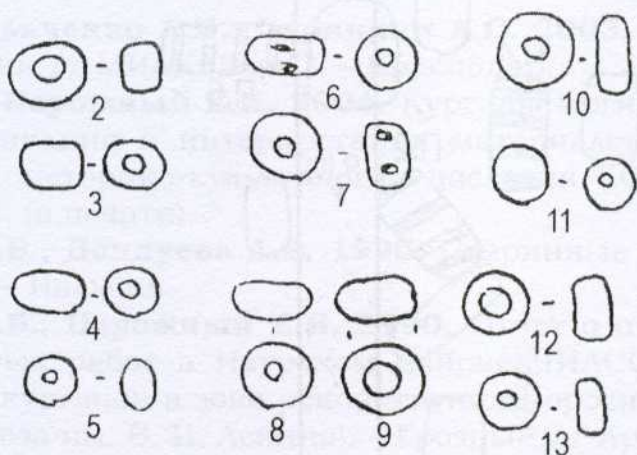
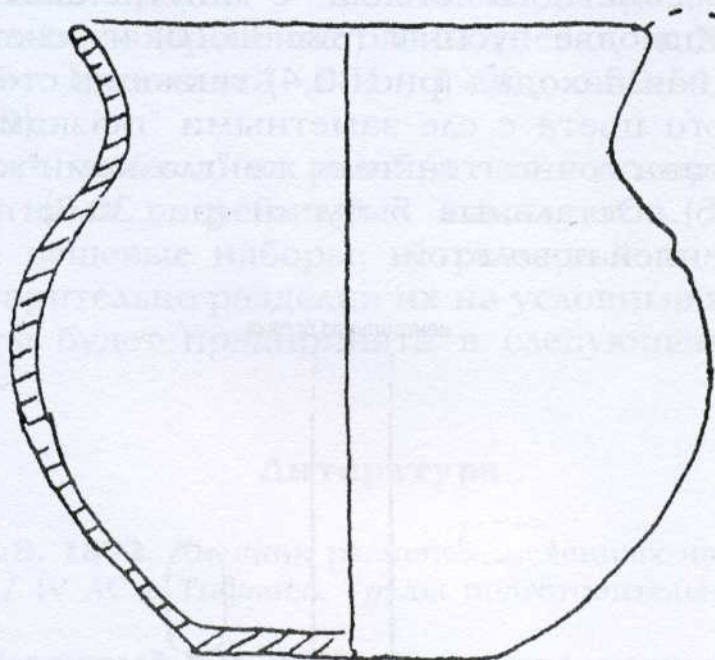

Рис.30. Инвентарь погребения №6 кургана 1 курганной группы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР.

В погребении был встречен сопровождающий инвентарь. В юго-восточном углу ямы (рис.29,1) находился глиняный сосудик (рис.29,1; рис.30,1). Внешняя поверхность – темно-серого цвета. Венчик отогнут наружу. Тулово подшарообразное, дно горизонтальное. Внешняя поверхность без декора. Высота горшка – 14 см, диаметр сосуда по венчику – 13 см,

дна – 7 см. в месте наибольшего расширения тулова – 13 см. Толщина стенок – 0,6 см.

На запястье левой руки находился развал бус (20 экз.) Одна бусина (рис.30,2) прозрачного стекла; 10 однотипных бус из прозрачного бесцветного стекла с внутренней позолотой (рис.30,3-13). Еще две бусины (рис.30,10) из светло-желтого стекла. Очередная находка (рис.30,4) также из стекла, непрозрачная, желтого цвета с еле заметными "глазками" зеленого цвета. 15-я бусина точно с такими же "глазками", но – синего цвета (рис.30,6). Остальные 5 бусин (рис.30,3) прозрачного стекла с внутренней позолотой.

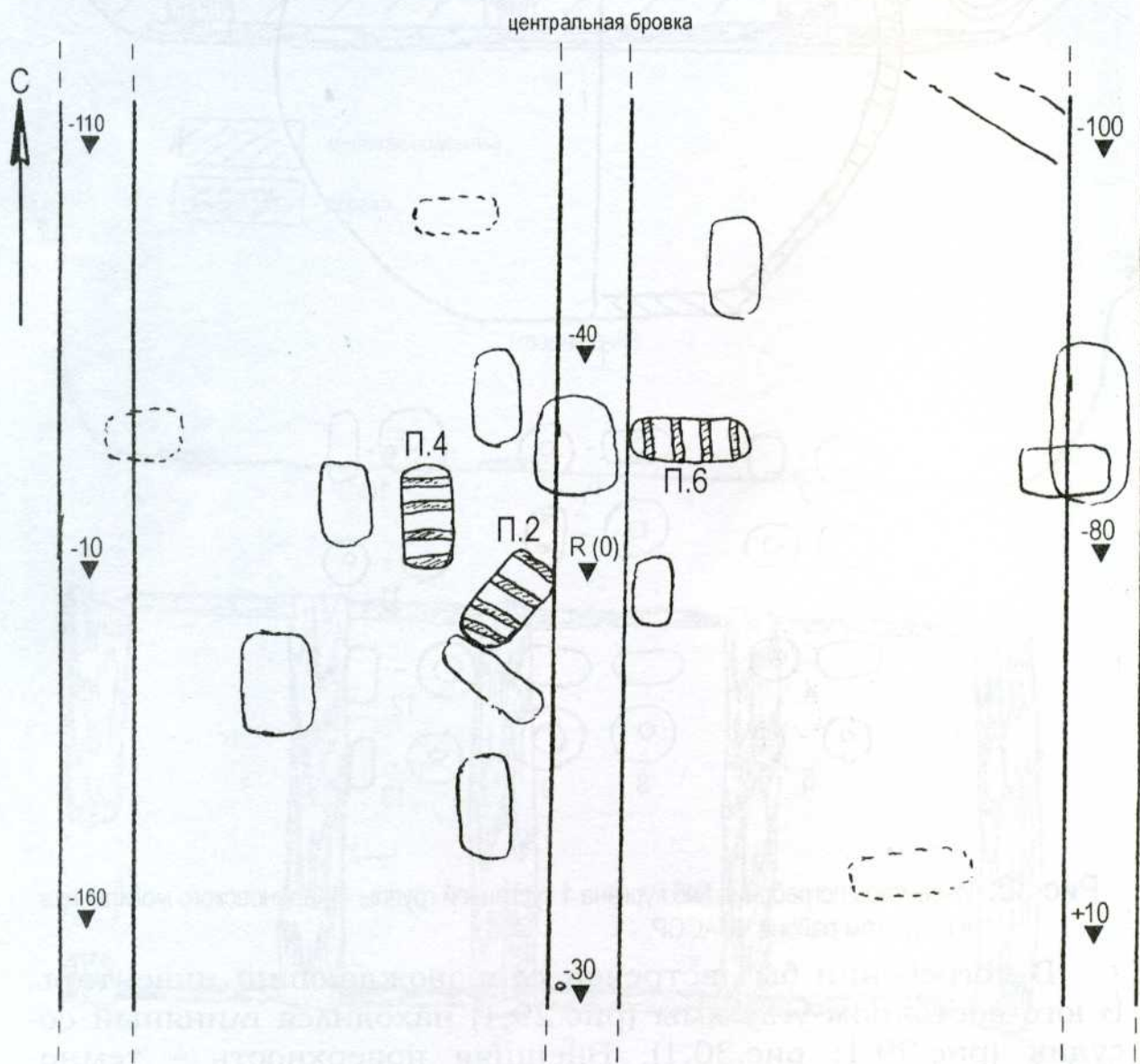

Рис.31. Фрагмент плана центральной части кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР. Схема расположения погребений №№ 2,4,6.

На запястье правой руки (рис.30,5) было отмечено еще 24 стеклянные бусины, но меньших размеров, нежели предыдущие. 10 из них – белого, прозрачного (бесцветного) стекла. Еще 10 находок – точно такие же, но значительно меньших размеров. Остальные бусины – из синего непрозрачного стекла. Предварительно захоронение было отнесено к XIV веку [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1990, с.59-61, рис.133,1-2, рис.135,1-13].

Теперь же необходимо разобраться с датировкой всех используемых нами погребальных комплексов. Для этой цели рассмотрим вещевые наборы, встреченные в этих захоронениях, предварительно разделив их на условные категории. Эта часть работы будет предпринята в следующем разделе этой книги.

Литература

- Антонович В.Б. 1892.** Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. // IV АС в Тифлисе. Труды подготовительных комитетов. – М.
- Басов В.И., Нарожный Е.И. 2005.** Новые позднекочевнические захоронения с территории Северного Кавказа (часть 1) // МИАСК. Вып.5.- Армавир.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003.** Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып.3. – Краснодар.
- Березин Я.Б., Нарожный Е.И. 2004.** Курганы могильника "Иноземцево - II" (Публикация и интерпретация материалов) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.5. – М. (в печати).
- Виноградов В.Б., Деппуева А.Б. 1990.** Старинные монеты – свидетели прошлого. – Нальчик.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1990.** Отчет о проведении охранно-спасательных работ в Наурском районе ЧИАССР летом 1989 года (Раскопки курганов в зоне реконструкции оросительной системы на полях колхоза им. В. И. Ленина). – Грозный // Архив ЦАИ АГПУ.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2001.** О локализации "области Кремух" и о Белореченских курганах // МИАК. Вып.1. – Краснодар.
- Виноградов В.Б., Шаова С.Д. 2003.** Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.). – Армавир-Майкоп.
- Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.Л. 2003.** Поселение скифского времени и могильник XIV-XV вв. "Сухая Балка" // МИАСК. Вып.3. – Армавир.
- Гребенец (Панкратов) Ф.С. 1916.** Курганы в окрестностях ст. Змейской (Терского казачьего Войска) // СМОМПК. Вып.44. – Тифлис.
- Зеленский Ю.В. 1997.** Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // ИАА. Вып.3. – Армавир-М.

- Зеленский Ю.В. 2000.** Погребальный обряд у половцев степного Прикубанья и Восточного Закубанья // ДК. Вып.16. – Краснодар.
- Коренько В.А., Атавин А.Г. 1986.** Позднекочевнические погребения в курганах у сел. Новоселицкое (Ставропольский край) // КСИА. Вып.183: Средневековая археология Восточной Европы. – М.
- Кузнецов В.А. 2003.** Эльхотовские ворота в X-XV веках. – Владикавказ.
- Милорадович О.В. 1963.** Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА №114. Средневековые памятники Северной Осетии. – М.
- Милорадович О.В. 1963а.** Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА №114: Средневековые памятники Северной Осетии. – М.
- Нагоев А.Х. 2000.** Средневековая Кабарда. – Нальчик.
- Надеждин П.Н. 1901.** Кавказский край (Природа и люди). – Тула.
- Нарожная Ф.Б. 2000.** Х.М. Френ и начальный этап изучения нумизматических находок XIII-XIV вв. // Вопросы северокавказской истории. Вып.V. – Армавир.
- Нарожная Ф.Б. 2001.** К вопросу о происхождении монет с северокавказскими штемпелями из публикации Х.М. Френа // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч.2. – Ставрополь-М.
- Нарожный Е.И. 1988.** К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (По материалам эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе.
- Нарожный Е.И. 1996.** Сведения о монетных находках XIII-XV вв. на территории Северной Осетии // XX Юбилейные Международные "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. – Ставрополь.
- Нарожный Е.И. 2004.** О "городской площади" Верхнего Джулата // Проблемы всеобщей истории. Международный сборник научных и научно-методических статей. Вып.9. – Армавир.
- Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2002.** О локализации некоторых "городов" XIII-XV вв. на Северном Кавказе // История и обществознание. Вып.1. – Армавир.
- Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2004.** О монетных дворах Северного Кавказа XIII-XV вв. // МИАСК. Вып.4. – Армавир.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005.** Новопавловский могильник в системе евразийских древностей XIII-XIV вв. – Ставрополь (в печати).
- Пачкалов А.В. 2004.** Нумизматика Джулата // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция по археологии, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIII "Крупновские чтения"). – М.
- Пиотровский Б.Б. 1941.** [Раскопки у] ст. Моздок // Археологические исследования в РСФСР в 1936-1939 гг. – М-Л.
- Ростунов В.Л. 1997.** Отчет об археологических разведочных раскопках на поселении и могильнике в местности "Сухая Балка" на юго-западной окраине г. Владикавказа. – Владикавказ // Архив Северо-

Осетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы. Ф4. Оп. №2. Дело №371.

Ртвеладзе Э.В. 1976. О походе Тимура на Северный Кавказ // АЭС. Т.IV. – Грозный.

Семенов А.П. 1947. Татартупский минарет. – Дзауджикау.

Фидаров Р.Ф. 2004. Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. Вып. 1. – Владикавказ.

Френ Х.М. 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. – М.

Хашегульгов Б.М. 1989. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследованиях курганов в Наурском районе ЧИАССР. – Грозный // Архив ЦАИ АГПУ.

Глава 2. Погребальный инвентарь. Общая характеристика и датировка.

Погребальный инвентарь на могильниках "Сухая Балка" и Верхнего Джулата был встречен всего в нескольких захоронениях. Исходя из функционального назначения обнаруженных предметов и для удобства работы с материалом разделим его на несколько *условных* категорий. Для синхронизации или же, наоборот, хронологического его разграничения дополнительно в те же категории включим и погребальный инвентарь, встреченный в погребениях у сел. Новоселицкое, хутора Пролетарский, на могильниках "Кривуша-84" и в захоронениях Калиновского курганного могильника.

Категория 1. Украшения.

Внутри категории выделим несколько групп таких предметов.

Бусы.

Встречены в захоронениях №№1 (рис.6) и 3 (рис.9,4,1-13) могильника "Сухая Балка". На Верхнеджулатском могильнике под "городской площадью" подробными сведениями о таковых находках мы не располагаем.

Отдельные бусины были встречены в захоронениях кочевников у с. Новоселицкое (рис.20,6), в погребении №4 курганов 1 группы 4 Калиновского могильника (рис.28,5). А также – в захоронении № 6 того же могильника (рис.30).

Бусы различаются по материалу, из которого они изготовлены, форме и цвету. Исходя из различий, находки бус целесообразно сгруппировать в два условных массива. В основу такого подразделения положен принцип учета материала, их форма и цвет. Внутри каждой из таких групп возможно подразделение на подгруппы, виды, типы, отделы и пр. При группировке бус мы опирались на уже накопленный опыт, а именно – работы М.Д. Полубояриновой [Полубояринова М.Д. 1988; Полубояринова М.Д. 1991].

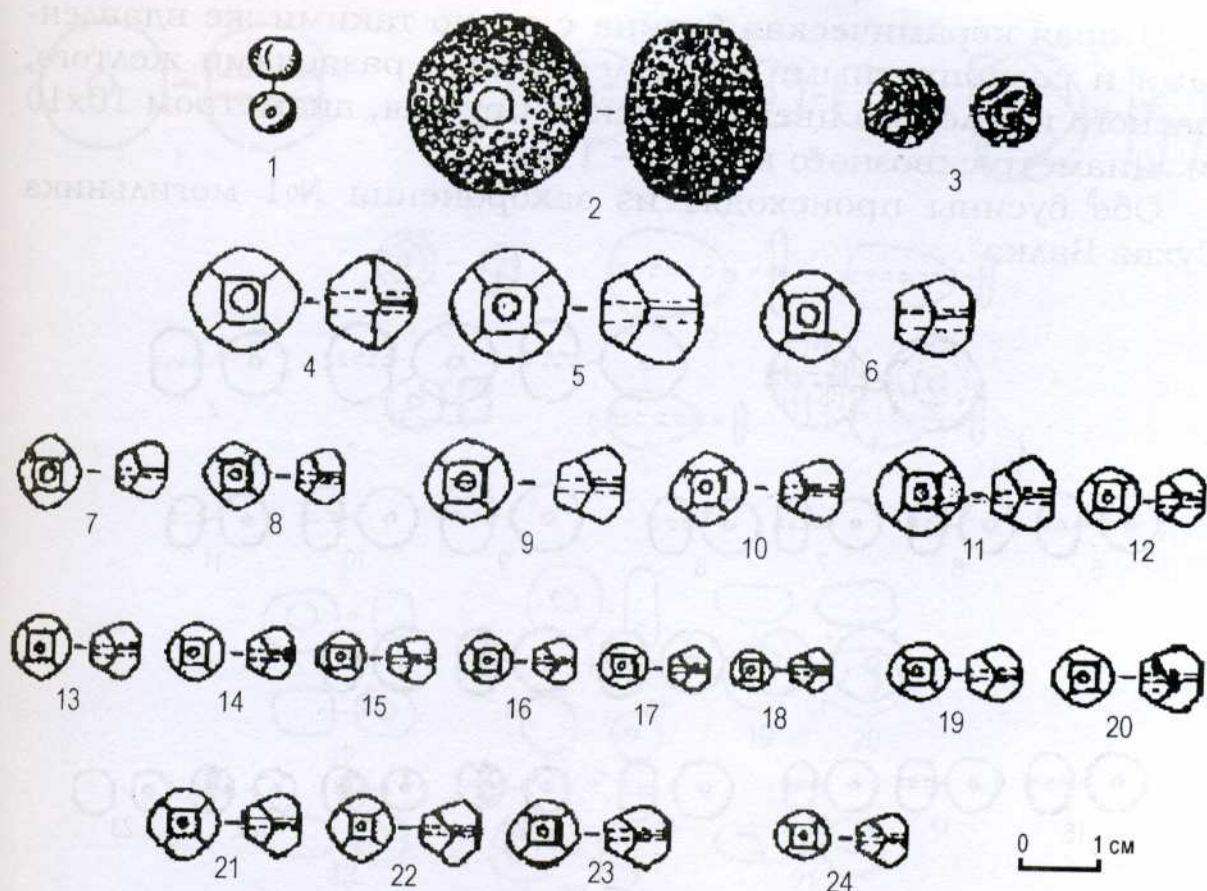

Рис.32. Бусы из позднекочевнических захоронений:
 1. Сердолик, погребение 3 кургана 1 у сел. Новоселицкое (по В.А. Кореняко и А.Г. Атавину);
 2-3. Глина; 4-24. Стекло (могильник Сухая Балка).

Каменные бусы.

Сердолик.

Одна бусина была встречена в захоронении позднего кочевника из-под сел. Новоселицкое. Сердолик имеет розовато-оранжевый цвет, поверхность обработана довольно небрежно, на ней имеются выщербинки. Длина бусины 0,55 см, диаметр 0,65 см, диаметр отверстия 0,1 см (рис.20,6; рис.32,1). Такие бусы, полагают В.А. Кореняко и А.Г. Атавин, встречаются в широком временном диапазоне [Кореняко В.А., Атавин А.Г. 1986, с.98, рис.2,6].

Глиняные бусы.

Всего – 2 экземпляра (рис.6,1,23; рис.32,2-3). Первая бусиноподобная, округлой формы, в сечении также округлая. Диаметр бусины – 20x25 мм. Внешняя поверхность черного цвета, покрыта расплюснутыми и вдавленными крапинками белого, желтого, красного и синего цветов. Диаметр сквозного канала бусины – 5 мм.

Вторая керамическая бусина с точно такими же вдавленными и разноцветными вкраплениями и разводами желтого, красного и зеленого цветов. Бусина круглая, диаметром 10x10 мм. Диаметр сквозного канала – 1 мм.

Обе бусины происходят из захоронения №1 могильника "Сухая Балка".

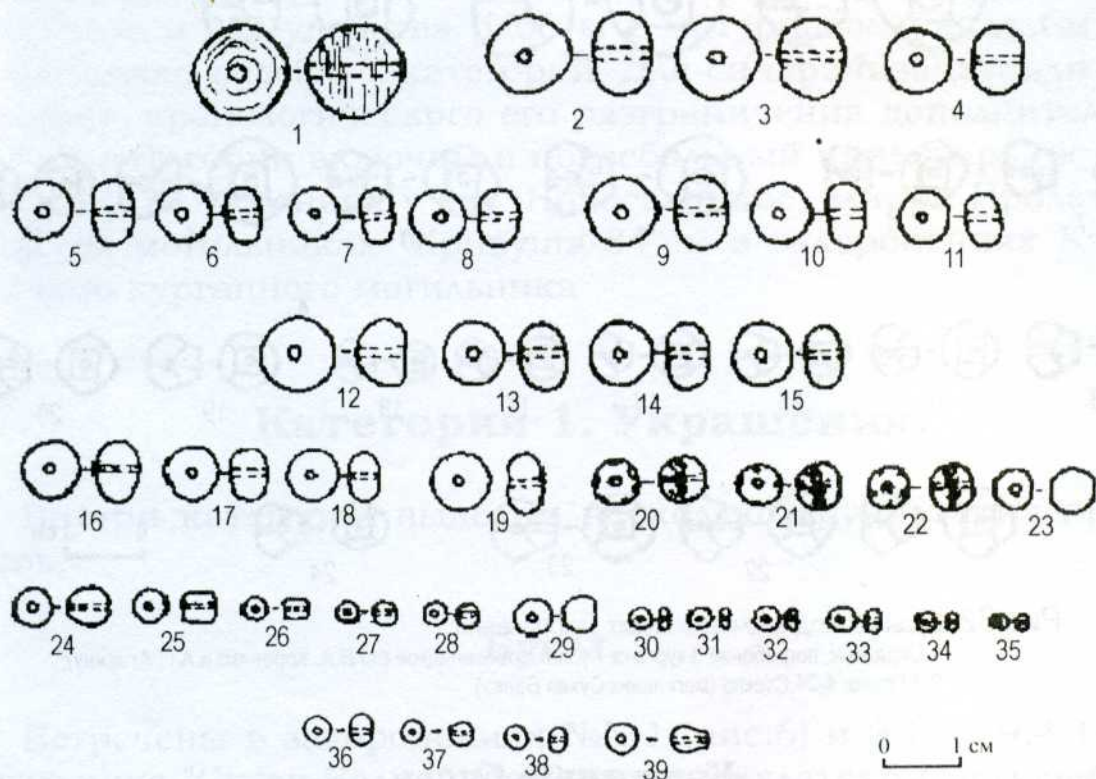

Рис.33. Стекло́нные бусы могильника "Сухая Балка".

Стекло́нные бусы.

1. 4-х гранные, бипирамидальные

Из прозрачного и бесцветного стекла.

Представлены 5 экземплярами (рис.6,2-4; рис.32,4-6, 22-23). Размеры: 14x14x10 мм при диаметре канала 2 мм (рис.32,6); 15x15x13 мм (рис.32,5) и 17x17x14 мм (рис.32,4) при диаметре канала в 3 мм. Все бусы происходят из погребения №1 могильника "Сухая Балка". Аналогии есть на территории Золотой Орды [Полубояринова М.Д. 1988, с.170].

Прозрачные, коричневого цвета.

Представлена одним экземпляром (рис.32,7). Размеры 12x12x10 мм при диаметре канала в 1 мм. Происходит из погребения № 1 могильника "Сухая Балка".

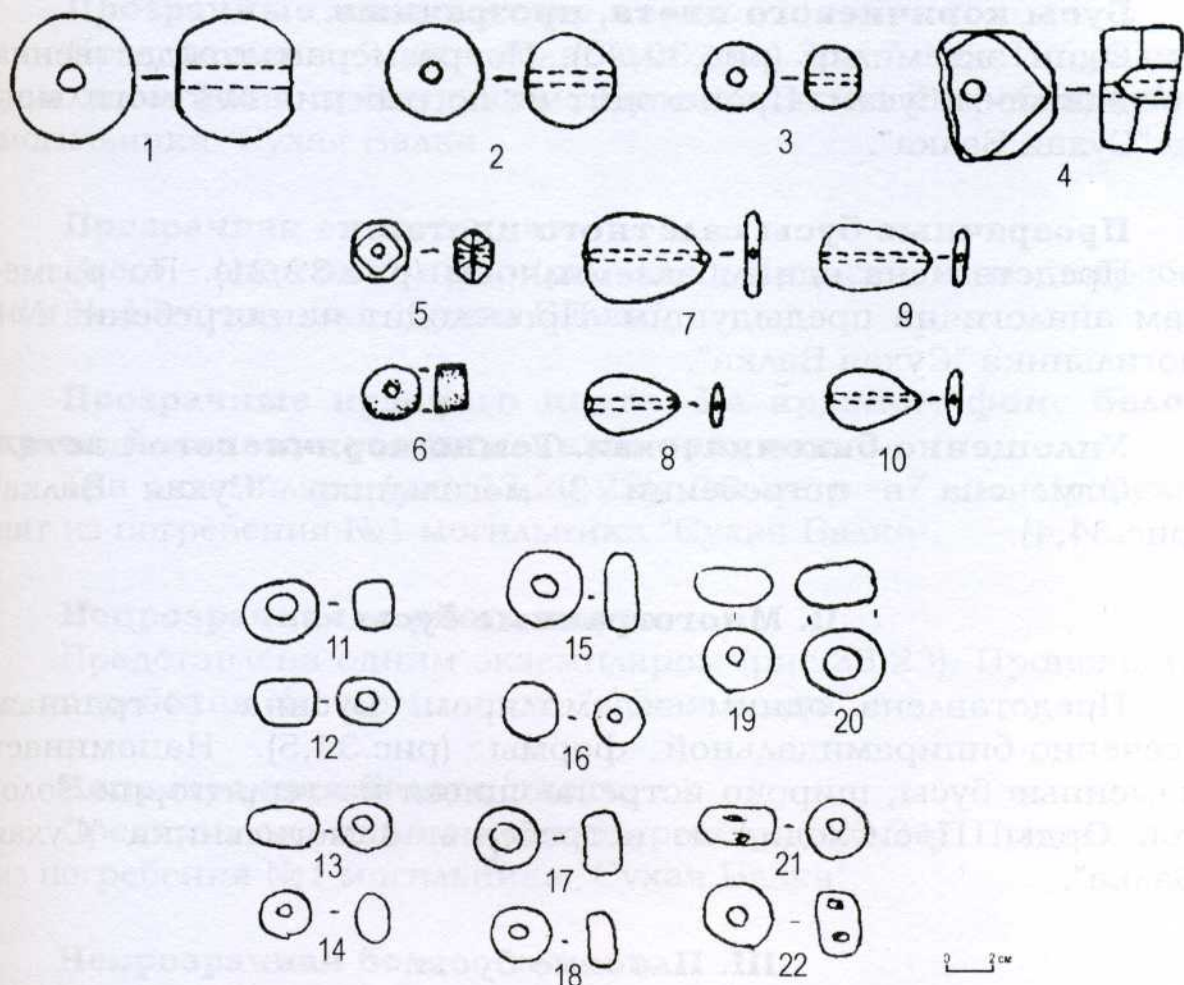

Рис.34. Стекланные бусы из позднекочевнических захоронений;

1-5.Из погребения 3 могильника "Сухая Балка"; 6.Из погребения 4 кургана 1 группы 4

"Калиновского могильника"; 7-22.Из погребения 6 кургана 1 группы 4 "Калиновского могильника".

Прозрачные, желтого цвета.

Представлены 7 экземплярами (рис.32,8-13). Размеры от 6х6х5 мм до 13х13х12 мм. Происходят из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Прозрачные, зеленого цвета.

Представлены 3 экземплярами (рис.32,14-16). По размерам аналогичны предыдущим. Все бусы происходят из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Прозрачные синего цвета.

Три экземпляра (рис.32,17-19). По размерам тождественны предыдущим. Происходят из погребения №1 могильника "Сухая Балка". Четвертый экземпляр (рис.34,3) происходит из погребения № 3 могильника "Сухая Балка".

Бусы коричневого цвета, прозрачные.

Один экземпляр (рис.32,20). По размерам тождественна предыдущим бусам. Происходит из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Прозрачные бусы салатного цвета.

Представлена одним экземпляром (рис.32,21). По размерам аналогична предыдущим. Происходит из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Уплощенно-биконическая. Темно-коричневого цвета.

Отмечена в погребении 3 могильника "Сухая Балка" (рис.34,4).

II. Многогранные бусы.

Представлена одним экземпляром. Бусина 14-гранная, усеченно-бипирамидальной формы (рис.34,5). Напоминает каменные бусы, широко встречающиеся на территории Золотой Орды. Происходит из погребения 3 могильника "Сухая Балка".

III. Плоские бусы.

Уплощенные миндалевидной формы бусы – всего 4 экземпляра. Сквозной канал продольный. Бусы синего прозрачного цвета. Происходят из погребения 3 могильника "Сухая Балка" (рис.34,7-10).

IV. Круглые, в сечении – овалы.

Прозрачные белесого цвета.

Представлены 15 экземплярами (рис.33,2-16). Размеры: от 9x13 мм до 8x5 мм. Происходят из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Еще одна, крупная бусина (рис.34,2) происходит из погребения №3 могильника "Сухая Балка". Диаметр – 13x12 мм. Еще несколько бусин происходят из погребения №6 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне (рис.34,11-20). Их вариантом можно назвать бусины, дополнительно декорированные цветными "глазками" (рис.34,21-22) из того же захоронения.

Прозрачные желтоватого цвета.

Представлены 9 экземплярами (рис.33,17-19). По размерам идентичны предыдущим. Происходят из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Прозрачная синего цвета

Всего – один экземпляр (рис.33,2). Происходит из погребения № 1 могильника "Сухая Балка".

Прозрачные красного цвета. На красном фоне белой краской нанесен растительный орнамент.

Три экземпляра (рис.33,20-22). Диаметр – 7 мм. Происходят из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Непрозрачная черного цвета.

Представлена одним экземпляром (рис.33,23). Происходит из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Непрозрачная белого цвета.

Представлена одним экземпляром (рис.33,24). Происходит из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Непрозрачная белесого цвета.

Представлена одним экземпляром (рис.33,29). Диаметр в 6 мм. Происходит из погребения № 1 могильника "Сухая Балка".

Непрозрачная коричневого цвета, покрытая белесым налетом.

Представлена одним экземпляром (рис.33,1 по типу №29). Диаметр – 6 мм. Происходит из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Непрозрачная бесцветная.

Один экземпляр (рис.33,1). Сверху и снизу слегка уплощена. Имела вставку из бронзовой проволоки. Происходит из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Непрозрачная синего цвета, бочонкообразная.

Один экземпляр (рис.34,1). Отмечена в захоронении №3 могильника "Сухая Балка".

V. Стекланный бисер.

Прозрачные. Синего цвета.

Три экземпляра (рис.33,25-27). Происходят из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Прозрачные белого цвета.

Три экземпляра (рис.33,28,30-31). Происходят из погребения №1 могильника "Сухая Балка". Еще два экземпляра (рис.33,38-39) обнаружены в погребении №3 могильника "Сухая Балка".

Непрозрачные черного цвета.

Представлены двумя образцами (рис.33,32-33). Обнаружены в погребении 1 могильника "Сухая Балка". Третий экземпляр (рис.33,37) из погребения № 3 могильника "Сухая Балка".

Непрозрачные красного цвета.

Один экземпляр (рис.33,34). Происходит из погребения №1 могильника "Сухая Балка". Второй экземпляр (рис.33,36). Зафиксирован в погребении №3 могильника "Сухая Балка".

Непрозрачная. Круглая фиолетового цвета.

Один экземпляр (рис.33,35). Происходит из погребения №1 могильника "Сухая Балка".

Таким образом, весь набор бус, встреченный всего в нескольких захоронениях, демонстрирует их, преимущественно, золотоордынское их происхождение.

Таким образом, основная масса всех, имеющихся в нашем распоряжении бусин из стекла относится к золотоордынской эпохе.

Серьги.

Всего 2 экземпляра (рис.7,7-8). Обнаружены в погребении №1 раскопа 1 могильника "Сухая Балка". Располагались по обе стороны от черепа погребенной. Из серебра. Технологические особенности: выполнены из тонкой серебряной проволоки, изогнутой в виде знака вопроса. Верхняя часть проволоки изогнута в виде несомкнутого кольца, конец которого приострен и отогнут. Нижний край стержня утоплен в полый шарик, изготовленный из двух полусферических бляшек, горизонтально спаянных между собой. Из

шарика выходит мелкая петля, в которую продет еще один прямой стержень, нижний край которого декорирован. Декор сложносоставной из полых трубочек, сквозь которые продеты тонкие серебряные проволоки. Расположение этих трубок образует крестообразную фигуру.

Одна серьга этого типа сохранилась полностью (рис.7,7). Вторая серьга (рис.7,8) фрагментирована.

Крестообразный декор серег в виде знака вопроса, встреченный на двух образцах из могильника "Сухая Балка", нам больше не известен. Близкие типы серег являются вполне традиционными украшениями для эпохи Золотой Орды, где они встречаются в погребальных комплексах не только горной зоны Северного Кавказа, но и в погребениях поздних кочевников [Крупнов Е.И. 1971, с.89, рис.33,1-15; Виноградов В.Б. 1973; Даутова Р.А. 1979, с.180-182; Нарожный Е.И., Подгорный Е.И. 1989, с.21-22; Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. 1989, с.21, рис.8, с.29, рис.14, с.48, рис.17, с.32, рис.20, с.63, рис.24 и сл.; Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. 1990, с.31, рис.4; Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1990, с.62, рис.6, с.64, рис.7, с.66, рис.8 и сл.; Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. 2001, с.13-15]. Серьги в виде знака вопроса являются вполне характерными и для позднекочевнических захоронений на Дону [Ларенок В.А. 1991, рис.35; Ларенок В.А. 1992, с.173, рис.; Кузьмин В.Н. 2000, с.275, рис.1,3; Ильюков Л.С., Казакова Л.М. 1988, с.121, рис.25,12; с.125, рис.27,3, с.128, рис.28,15; Атавин А.Г., Каменецкий И.С. 2002, рис.5,3, рис.12, и др.; Винников А.Х., Цыбин М.В. 2002, с.67, рис.28,5,15; и др.]. Весьма часто встречаются они и на территории Причерноморья [Добролюбский А.О. 1988, с.112, табл. VI,8,10] и в Нижнем Поволжье [Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шанкорь О.А. 1995, с.135, рис.14,8, с.136, рис.15,4, с.138, рис.17,6-7; Мамонтов В.И. 1993, с.164, рис.7,13; Мамонтов В.И., Ситников А.В. 1995, рис.3,5,7, рис.4,5,17 и др.; Васильев Д.А. 1998, с.112, рис.5,4-5]. Известны они и в Заволжье и в Приуралье [Иванов В.А., Кригер В.А. 1988, с.35, рис.11,13, 25, с.38, рис.14,1,4,5,10-11, с.39, рис.15,9,10], а также - на Алтае и в Забайкалье [Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. 2001, с.155, рис.8,14; Ковычев Е.В. 1981, с.72, рис.2,5-6; Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. 1984, с.103, табл. XL1,2].

Встречаются серьги в виде знака вопроса и на территории бытовых памятников Золотой Орды [Федоров-Давыдов Г.А. 1994; Недашковский Л.Ф. 2000, рис.7,4-6; Полякова Г.Ф. 1996,

с.168, рис.60]. Известны серьги в виде знака вопроса даже на территории Монголии – в г. Каракоруме [Войтов В.Н.1990, с.127, рис.4,5].

Генезис таких украшений, как правило, выводят из Золотой Орды. Несмотря на это, в литературе можно встретить и иные, альтернативные точки зрения, в контексте которых интересующие нас украшения некоторыми специалистами выводятся из древностей кобанской культуры на Северном Кавказе [Крупнов Е.И. 1941, с.85; Умаров С.Ц. 1976, с.129; Мужухоев М.Б. 1977, с.65] или же из средневековых памятников Северного Дагестана [Даутова Р.А. 1979, с. 132-138]. Есть и мнение С.А. Плетневой, которая такие украшения рассматривает как сугубо "половецкие" [Плетнева С.А. 1958]. Однако все эти точки зрения слабо аргументированы и представляются дискуссионными [Нарожный Е.И., Подгорный М.П. 1989, с.21-22; Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. 2001, с.13-15].

Судя по многочисленным аналогиям, обе серьги из погребения №1 могильника "Сухая Балка" относятся ко времени не ранее XIV века.

Привески.

Представлены тремя экземплярами, встреченными в захоронении №4 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника (рис.35,1-3). Привески ажурной формы изготовлены из нескольких слоев переплетенной бронзовой проволоки. Внешняя поверхность покрыта позолотой. Имеются и сквозные отверстия для привешивания. На одном из них (рис.35,3), самых крупных размеров, в центральной части предмета имеется вставка ромбической формы из белого прозрачного стекла с округлым, темно-красного цвета пятном. Аналогии предметам неизвестны.

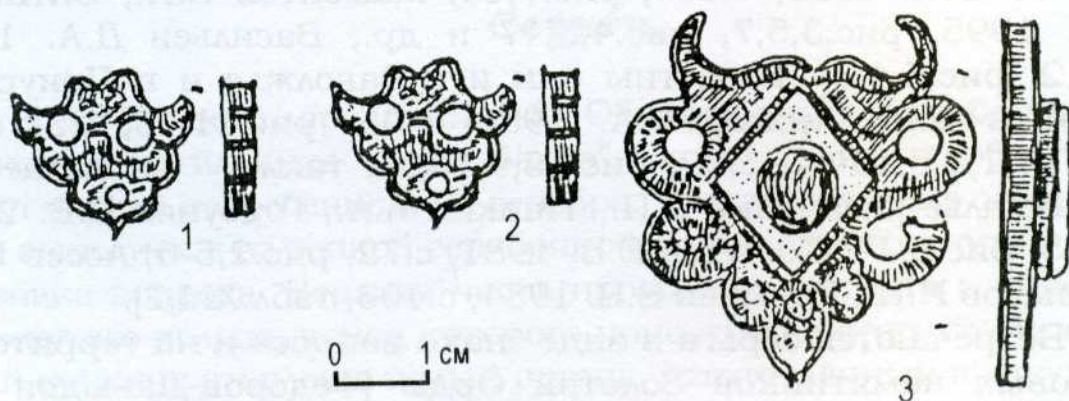

Рис.35. Привески

Категория 2. Бытовые предметы.

1. Бубенчики.

Два бубенчика было обнаружено в захоронении кочевника (погребение №3 кургана 1) из-под сел. Новоселицкое. Оба предмета (рис.20,7-8; рис.36,1-2) из бронзы располагались на костях грудной клетки. Первый бубенчик (рис.36,1) имел полый шаровидный корпус и кольцевидную петельку. Диаметр корпуса бубенчика 0,85 см, высота 1,2 см, диаметр петельки 0,45 см. Еще два бубенчика, один из которых впоследствии распался, были отмечены в том же захоронении и располагались у тыльной стороны сабли, правее поясничных позвонков. Они были меньшего размера и худшей сохранности (один из них распался). Бубенчики имели полый уплощенный корпус и кольцевидную петельку. Диаметр корпуса сохранившегося бубенчика 0,65 см, диаметр петельки 0,4 см, высота 0,65 см (рис.36,2). В.А. Кореняко и А.Г. Атавин справедливо считают, что точно такие же "бронзовые пуговицы-бубенчики во времени встречаются широко" [Кореняко В.А., Атавин А.Г. 1986, с.98-100].

Бронзовые бубенчики без их конкретной характеристики упоминает и Ю.В. Зеленский в своем описании погребения кочевника у хут. Пролетарский (рис.36,3). Бубенчик распался, и от него сохранилась лишь петля для привешивания. Тем не менее, если судить по реконструкции предмета, этот бубенчик имел, скорее всего, шаровидное и полое тулово.

Бубенчик был встречен и в погребении №1 кургана 1 могильника "Кривуша-84". Находился он за черепом погребенного. Бубенчик-пуговица был полым внутри, из бронзы, шаровидной формы с горизонтальным швом (рис.36,3). Диаметр пуговицы – 0,7 см [Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.190-191].

Фрагмент (верхняя часть) еще одного бронзового бубенчика был обнаружен и в погребении №2 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне (рис.36,5).

Насколько можно исходить из описания бубенчиков, все их находки возможно разделить на условные группы.

Группа А. Шаровидные. **Тип 1.** Без орнамента. Литые, пустотелые, с поперечным швом. Сюда следует отнести бубенчик из погребения 1 могильника "Кривуша-84" (рис.36,4).

Тип 2, с орнаментом в виде поперечных линий. Шов соединения не фиксируется. К этой группе относится бубенчик из погребения №3 из кургана у с. Новоселицкое (рис.36,1).

Группа Б. С приплюснутым туловом. **Тип 1.** Полые с приплюснутым туловом и поперечным швом – ребром в месте соединения половинок тулова. К числу таких бубенчиков относится вторая находка из погребения №3 у сел. Новоселицкое (рис.36,2).

Несмотря на трудности в датировке подобных предметов, что исследователями подчеркивалось не один раз, такие же пуговицы хорошо известны (помимо раннесредневековых памятников) на территории Сарая-Берке, Увекского городища, Болгара [Полякова Г.Ф. 1996, с.197-198, с.186, рис.65]. Есть они и в памятниках XIII-XIV веков на Северном Кавказе, например, в погребениях Келийского могильника XIII-XIV вв.

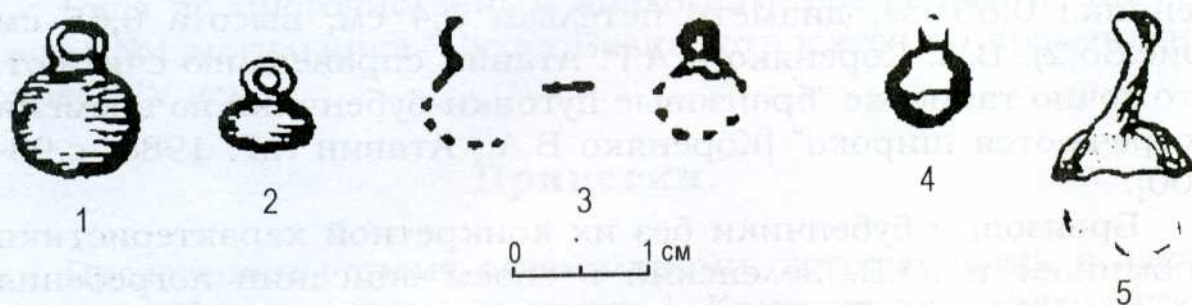

Рис.36. Бронзовые бубенчики.

2. Костяные "пуговицы".

Костяные пуговицы были обнаружены в нескольких кочевнических захоронениях. В погребении кочевника из-под сел. Новоселицкое, один такой предмет был зафиксирован вместе с бубенчиками. Это – "пуговица" в форме сектора шара с отверстием в центре. Поверхность предмета зашлифована. На плоскости основания видны концентрические следы обработки. По периметру выпуклой поверхности бляшки нанесены в четырех местах нарезки (рис.20,5; рис.37,2). Диаметр бляшки 2,1 см, высота 0,5 см, диаметр отверстия 0,5 см (рис.37,1). Вторая, похожая "пуговица" была обнаружена в том же захоронении, на костях таза слева. Ее диаметр 1,85 см, высота 0,65 см, диаметр отверстия 0,5 см. Около половины выпуклой поверхности этой "пуговицы" покрыто косыми нарезками (рис. 20,4; рис.37,1). Как считают В.А. Кореняко и А.Г. Атавин,

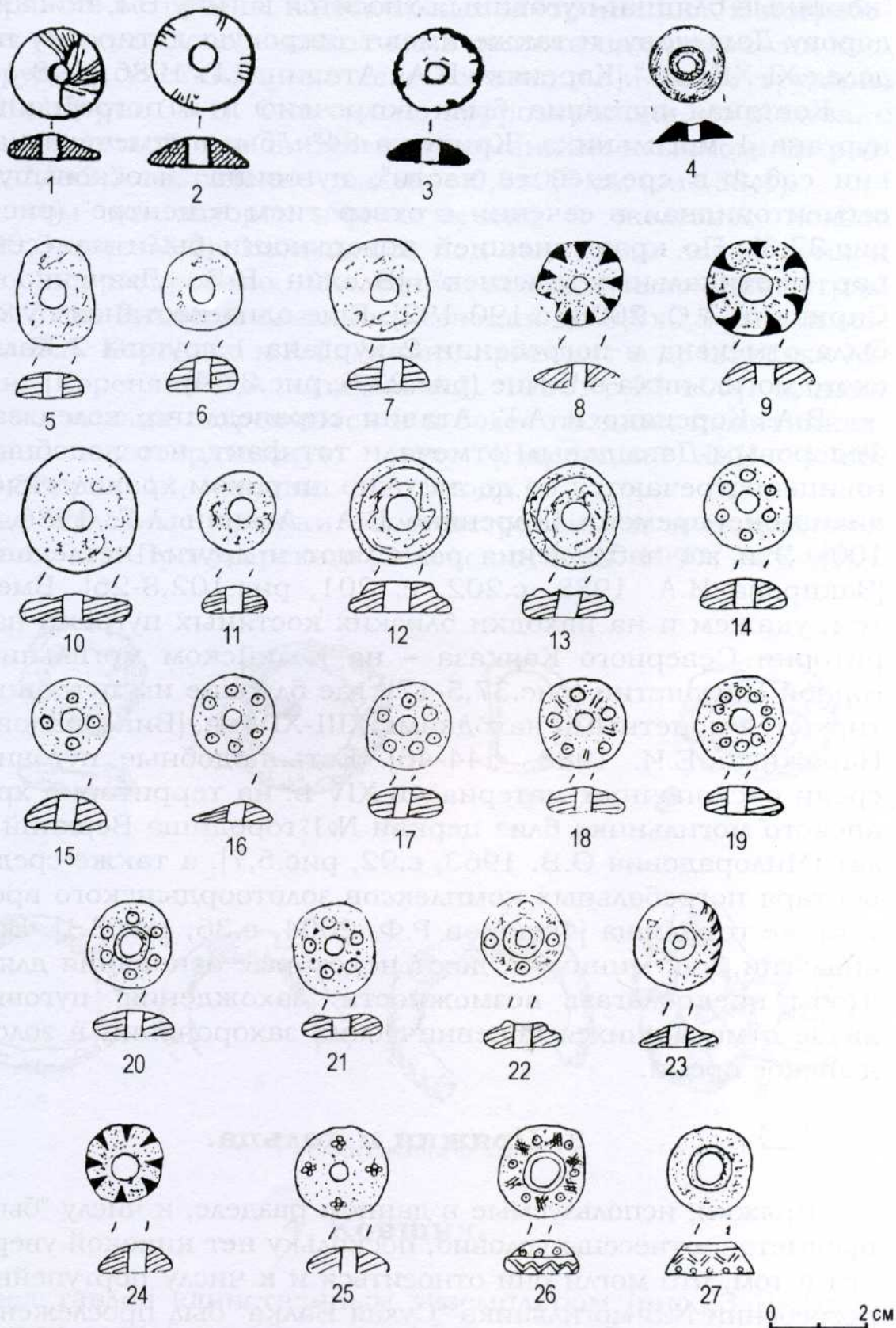

Рис.37. Костяные пуговицы:
 1-4. Из позднекочевнических захоронений;
 5-27. Из погребений Келийского могильника.

"костяные бляшки-пуговицы относятся к типу Б I, по Г. А. Федорову-Давыдову, и также имеют широкую датировку в пределах XI-XIV вв." [Кореньяко В.А., Атавин В.Г. 1986, с.98-100].

Костяная пуговица была встречена и в погребении №1 кургана 1 могильника "Кривуша-84": "была отмечена на лезвии сабли в средней ее части"; пуговица "плосковыпуклая, сегментовидная в сечении с отверстием в центре" (рис.22,4; рис.37,3). По краю внешней поверхности были нанесены "8 пар вертикальных насечек" [Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.190-192]. Еще одна костяная пуговица была отмечена в погребении 2 кургана 1 группы 2 Калиновского могильника в Чечне (рис.23,5; рис.37,4).

В.А. Кореньяко и А.Г. Атавин справедливо, вслед за Г.А. Федоровым-Давыдовым отмечали тот факт, что подобные пуговицы встречаются на достаточно широком хронологическом диапазоне времени [Кореньяко В.А., Атавин А.Г. 1986, с.98-100]. Эти же наблюдения разделяют и другие исследователи [Закирова И.А. 1988, с.202, с. 201, рис.102,8-26]. Вместе с тем, укажем и на находки близких костяных пуговиц на территории Северного Кавказа – на Келийском могильнике из горной Ингушетии (рис.37,5-17), где близкие им пуговицы датируются монетными находками XIII-XIV вв. [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1988, с.44-46]. Есть подобные пуговицы и среди раскопочных материалов XIV в. на территории христианского могильника близ церкви №1 городища Верхний Джулат [Милорадович О.В. 1963, с.92, рис.5,7], а также среди инвентаря погребальных комплексов золотоордынского времени того же городища [Фидаров Р.Ф. 2004, с.36, рис.3,1]. Все эти аналогии, как минимум, дают некоторые основания для того, чтобы предполагать возможности "захождения" пуговиц из выше отмечавшихся кочевнических захоронений в золотоордынское время.

3. Пряжки и кольца.

Пряжки, используемые в данном разделе, к числу "бытовых предметов" отнесены условно, поскольку нет никакой уверенности в том, что могли они относиться и к числу портупейных. В погребении №5 могильника "Сухая Балка" был прослежен сильно патинированный фрагмент поясной пряжки (рис.13,4) с остатками кожаного пояса. Однако из-за плохой сохранности судить о форме предмета не представляется возможным.

Пряжки встречены в нескольких захоронениях. В погребении из-под сел. Новоселицкое одна пряжка находилась на костях грудной клетки, ниже левой ключицы и левее грудины (рис.20,10; рис.38,1). Она сильно корродирована, из железа, с овальной рамкой и подвижным обломанным язычком. Ее размеры: 2,9x2,7 см, сечение овальное 0,8x0,6 см (рис.38,1).

В том же захоронении отмечено и железное кольцо (рис.20,3; рис.38,2). Находилось под запястьем левой руки и сильно корродировано. Железное кольцо было диаметром 3,95x3,7 см. Размеры овального сечения до 0,8x0,5 см. Аналогии им В.А. Кореняко и А.Г. Атавин приводят в древностях XI-XIII вв. [Кореняко В.А., Атавин А.Г. 1986, с.98-100]. Однако такие же кольца встречаются и в более поздних памятниках, включая золотоордынскую эпоху [Нарожный Е.И. 1988, рис..5,33; рис. 14, 16в; рис. 175, 3 и др.]

Две железные пряжки были встречены и в погребении кургана у хут. Пролетарского [Зеленский Ю.В. 1997, с.88-90].

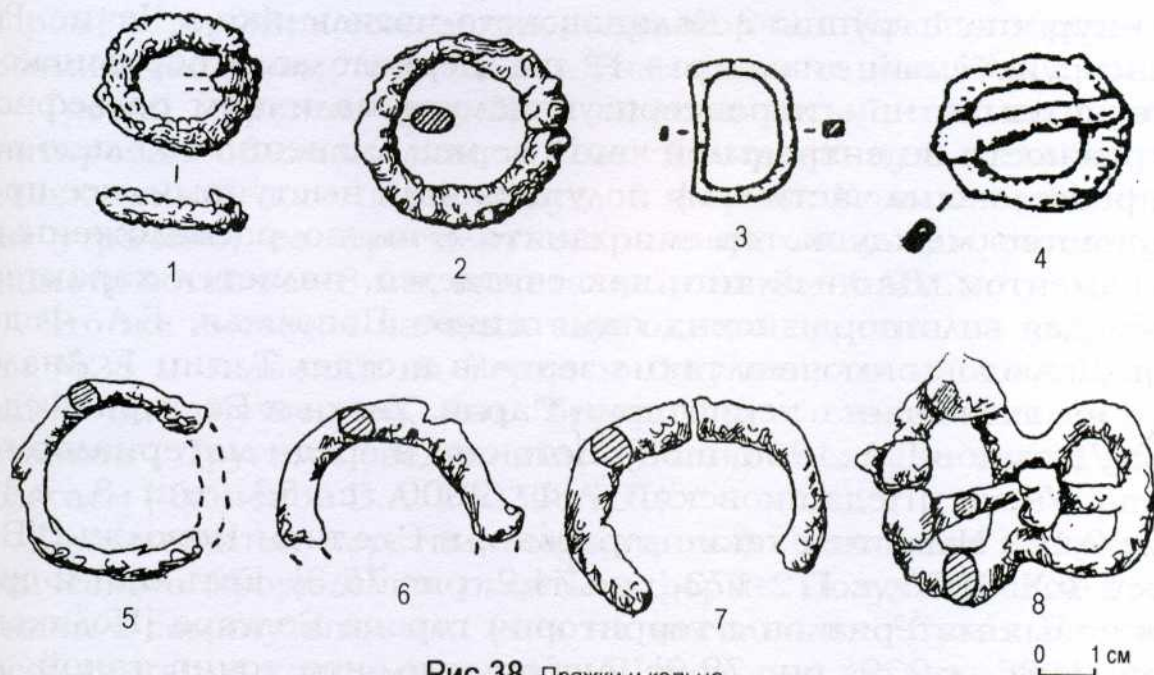

Рис.38. Пряжки и кольца.

4. Ковшик.

Представлен единственным экземпляром (рис.23,4). Происходит из погребения 2 кургана 1 курганный группы 2 Калиновского могильника. Ковшик из бронзы, общая длина – 35 см. Длина ручки – 31 см. Углубление ковшика, расположенное перпендикулярно ручке, размерами 4x10см, глубиной – 5см.

Ручка в средней части подквадратно-скругленная в сечении. В месте крепления с углубленной частью в сечении уплощена. Ближе к верхнему окончанию ручки имеется уплощенное расширение овальной формы, переходящее в стреловидное завершение, немного загнутое вниз. Эта часть ручки по бокам имеет неглубокие насечки. В овальном уплощении находятся округлые углубления, расположенные крестообразно. Такие же углубления, но меньшего диаметра опускаются вниз по ручке. Подобное оформление ручки придает ей зооморфный ("змеевидный") характер. Аналогии предмету неизвестны за исключением ковшика из погребений Новопавловского могильника на Ставрополье [Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005, рис.35,2], хотя он другой формы и с совершенно иным декором.

5. Зеркало.

Представлено всего одним экземпляром (рис.28,3), фрагментированным почти наполовину. Встречено в погребении №4 кургана 1 группы 2 Калиновского могильника в Чечне. Реконструируемый диаметр – 12 см. Зеркало золотоордынское, относится к типу, характеризующемуся наличием рельефной окружности в центральной части зеркала; внешнее кольцо поля разделено на части 4-мя полушарными выступами, все пространство между которыми занято S-видно расположенным орнаментом. Данный тип, как считается, является характерным для золотоордынских памятников Поволжья. Г.А. Федоров-Давыдов включает такие зеркала в отдел Т, тип 1. Аналогии им указывает с территории Сарая, Увека и Болгара [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.83]. Есть они и среди материалов города Увека [Недашковский Л.Ф. 2000, с. 53, тип 8, с.49, рис.9,10]. Известны такие зеркала и в Среднем Поволжье [Валеев Ф.Х. 1975, с.172-173, рис.74,2, рис.75,3]. Есть они и среди новых материалов с территории города Болгара [Полякова Г.Ф. 1986, с.229, рис.72,9]. Любопытно, что точно такой, но целый экземпляр был обнаружен С.Ц. Умаровым в одном из полуподземных склепов склепового могильника близ сел. Цеча-Ахк в горной Чечне, надежно датированного золотоордынскими монетами середины – второй половины XIV века [Умаров С.Ц. 1972, альбом, табл. "Зеркала"].

Публикуемое зеркало хорошо датирует кочевническое погребение №4 Калиновского могильника золотоордынским временем.

6. Перстни.

На могильнике "Сухая Балка" их было обнаружено всего 3 экземпляра, которые находились в погребении №1 (рис.39,1-3). Четвертый перстень упоминается среди погребального инвентаря с могильника на Верхнем Джулате, не опубликован.

Первый перстень (рис.39,1) находился в районе черепа (ниже него, в районе шейных позвонков). Перстень пластинчатый, литой, изготовлен из серебра со стеклянной вставкой. Вставка из полированного стекла красного цвета, овальной формы. По внешнему периметру вставка закреплена такой же овальной окантовкой. Диаметр кольца перстня – 16 мм. Размеры вставки: 7x12 мм.

Второй перстень (рис.39,2), также из серебра, пластинчатый. В верхней части имел стеклянную полированную вставку бирюзового цвета, овальной конфигурации. Окантовка вставки, а также внешняя поверхность кольца покрыты позолотой и декорированы мелким гравированным растительным (?) узором, который, к сожалению, неразборчив. Кольцо перстня – несомкнутое, диаметром 12 мм. Размеры вставки: 10x12 мм.

Третий перстень (рис.39,3) пластинчатый, сильно фрагментирован: обломана рамка. Имел полированную стеклянную вставку вишневого цвета округлой формы. Кольцо практически утрачено, ее фрагмент сохранился лишь у основания. Диаметр вставки – 8 мм, высота окантовки – 6 мм.

Что же касается находки еще одного перстня из погребения №28 могильника на Верхнем Джулате, то он, по информации В.А. Кузнецова, был "бронзовым с синей стеклянной вставкой". Другими сведениями о данной находке мы не располагаем [Кузнецов В.А. 2003, с.161].

Пластинчатые перстни, если судить о специфике их технологического оформления, отлиты в форме. Получившаяся пластинка с сомкнутыми или (как на могильнике "Сухая Балка") несомкнутыми концами дужки. Щиток для вставки припаян сверху.

На Северном Кавказе пластинчатые перстни известны, хотя и эпизодически. Преимущественно такие перстни пластинчатые. Некоторые из них украшены эпиграфическим орнаментом на щитке. Основная масса таких находок происходит из полуподземных склепов в горной Ингушетии: Кели, Шуан и Чечни: Цеча-Ахк [Умаров С.Ц., 1972. табл.:"Перстни"; Нарожный Е.И., Рахимкулова Ф.Б. 1991, с.14-15; Нарожный Е.И.

1998, табл.70,1-11]. Как правило, подавляющая их часть, как и перстней из погребения №1 могильника "Сухая Балка", золотоордынского происхождения.

Есть близкие перстни и в других микрорегионах Северного Кавказа, например, в захоронениях внутри оградок могильника Лобанова щель [Марченко И.И., Пьянков А.В.2002, с.194, рис.6,8]. Известны они и на территории Золотой Орды. Так, пластинчатые перстни встречены среди раскопчного материала города Болгара [Полякова Г.Ф. 1996, с.173, рис.61].

Судя по датировке известных нам аналогов, пластинчатые перстни погребения №1 "Сухой Балки" относятся к XIV веку.

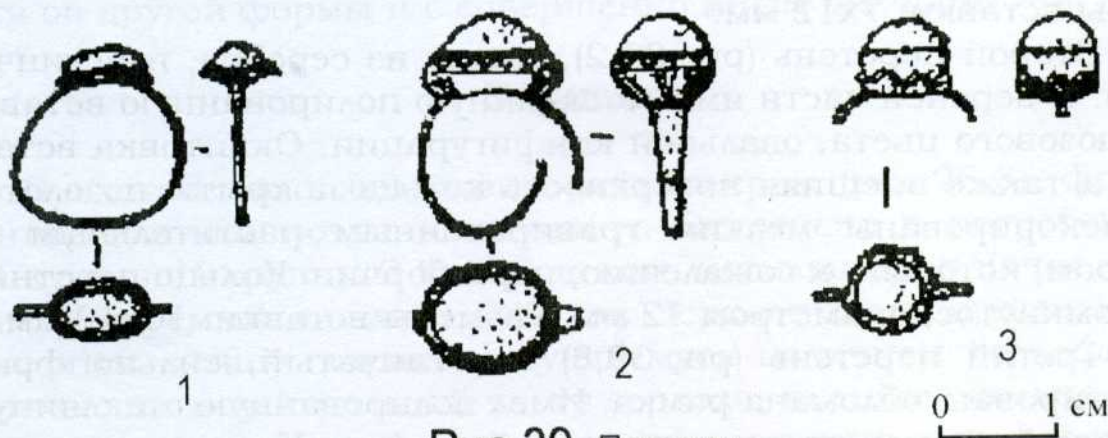

Рис.39. Перстни.

7. Наперстки.

К сожалению, погребальный инвентарь, встреченный в нескольких захоронениях на могильнике Верхний Джулат, В.А. Кузнецовым, исследовавшим его, описывается суммарно. Тем не менее, обратим внимание на некоторые из этих предметов.

В погребении 9 верхнеджулатского могильника В.А. Кузнецов отмечает сразу три орнаментированных наперстка из меди, надеты на одну фалангу пальца [Кузнецов В.А. 2003, с.161]. По всей видимости, речь идет о типе наперстков, свернутых из листовой бронзы, без "крышечки" на одной из сторон получившейся трубочки. Только при такой конфигурации предметов они могли быть надеты на фалангу одного пальца.

Эти наперстки, скорее всего, не из меди, а бронзовые, т.к. медные наперстки обычно были фабричного производства и

значительно более позднего времени [Виноградов В.Б.1977, с.64-69].

В Европе самые ранние образцы наперстков известны с поздневизантийского времени [Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 1989, с.68, прим.; Кузнецов В.А. 1993, с.126-128]. На Северном Кавказе, что в специальной литературе отмечалось уже не один раз, наперстки широко распространяются лишь в золотоордынскую эпоху [Виноградов В.Б. 1977, с.68; Даутова Р. А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 1989, с.89; Кузнецов В.А. 1993, с.126-128]. Такие же экземпляры были известны и в раскопочных материалах, происходивших из памятников как горной зоны Северного Кавказа, так и ее равнинной части [Мужухоев М.Б. 1977, рис.21,1-2; Марченко И.И., Тургиев Т.Б. 1980, с.124, табл.1,10,23; Марченко И.И., Пьянков А.В. 2002, с.199, рис.11,3; Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1989, с.21, рис.5,20, с.48, рис.17,2 и сл.; Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1990, с.64, рис.7,4,31, с.70, рис.10 и сл; Чахкиев Д.Ю, Нарожный Е.И. 1990, с.26, рис.2 и др.].

Как правило, такие наперстки имеют отверстие в верхней горизонтальной плоскости, закрывающей палец. Внешняя поверхность таких наперстков обычно покрыта мелкими углублениями или мелкими сквозными отверстиями. Иногда встречаются образцы с небольшим округлым отверстием на нижнем ободке наперстка (для привешивания). Встречаются и находки, свернутые из бронзового листа [Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1990. с.70, рис.10,84], т.е. такие, что и были описаны В.А. Кузнецовым. Представлены на следующих северокавказских памятниках: Келийский, Верхне-Алкунский, Шуанский и др. могильники из полуподземных склепов и каменных ящиков.

Судя по горноингушским материалам, датируются эти предметы временем не ранее XIV века, что, вероятно, может указывать и на относительную датировку погребения № 9 могильника на Верхнем Джулате, т.е. подтверждая датировку, предложенную В.А. Кузнецовым [Кузнецов В.А. 2003, с.161].

Интересно отметить, что некоторые специалисты полагают, что такие предметы могли использоваться не только как наперстки, а как предохранительные кольца лучников [Чахкиев Д.Ю. 1992, с. 15-23].

8. Ножи.

Ножи представлены несколькими экземплярами. В захоронении №8 могильника "Сухая Балка" был встречен сильно фрагментированный железный нож плохой сохранности. Черен рукояти этого ножа отсутствовал. Лезвие подтреугольной формы, шириной не менее 1,7 см.

Второй нож (рис.40,5) происходит из погребения в кургане у хут. Пролетарского [Зеленский Ю.В. 1997, с.90, рис.2,9].

В погребении 1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" нож находился "возле правой бедренной кости". Он был "с прямым лезвием и остатками деревянных ножен на лезвии" (рис.40,4). "Длина ножа – 13,2 см, ширина лезвия – 16 см" [Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.208, рис.9,12].

Четвертый образец (рис.40,1) происходит из погребения 2 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника.

Еще один образец (рис. 40, 2-3) – из погребения №2 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника.

Общеизвестно, что такие предметы обычно датируются широко. Вместе с тем, следует указать на аналогии ножу из погребения 4 Калиновского могильника (рис.40,1), хорошо известные по материалам золотоордынского времени в Заволжье и в Приуралье [Иванов В.А., Кригер В.А. 1988, с.12, рис.2,А1]. Остальные ножи: из погребений 2 Калиновского могильника (рис.40,2-3), у хут. Пролетарского (рис.40,5) и могильника "Кривуша-84" (рис.40,4) имеют многочисленные аналогии среди ножей XIII-XIV вв. Келийского могильника в высокогорной Ингушетии [Нарожный Е.И. 1988, рис. 16, 3-4, рис. 52,13, 18-19, рис.49,1, рис.50,21, рис.46,6 и сл.].

9. Шило.

Представлено единственным экземпляром (рис.28,2; рис.51,5). Происходит из погребения №4 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне. Шило железное, с длинным черешком для набивной рукояти. Черешок конусообразной, округлой формы в сечении. В нижней части имеет упор. Рабочая часть ромбовидной формы в сечении. Близкие аналогии отмечены в женских захоронениях XIII-XIV вв. Келийского могильника в высокогорной Ингушетии (пока неопубликованные материалы: полуподземные склепы XIV-XV вв. у сел. Дошхакле, Шуан и Кели).

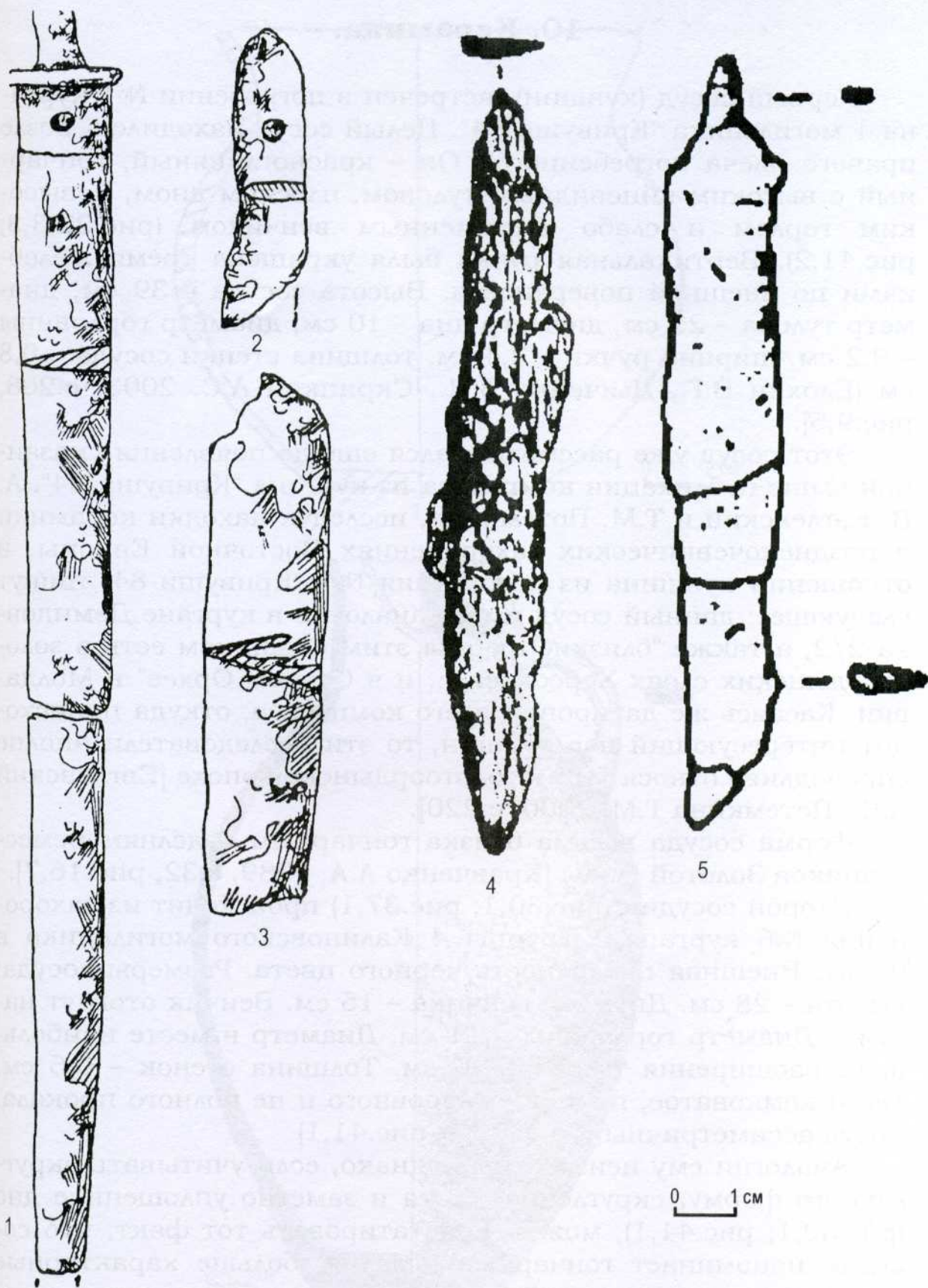

Рис. 40. Ножи из позднекочевнических захоронений.

10. Керамика.

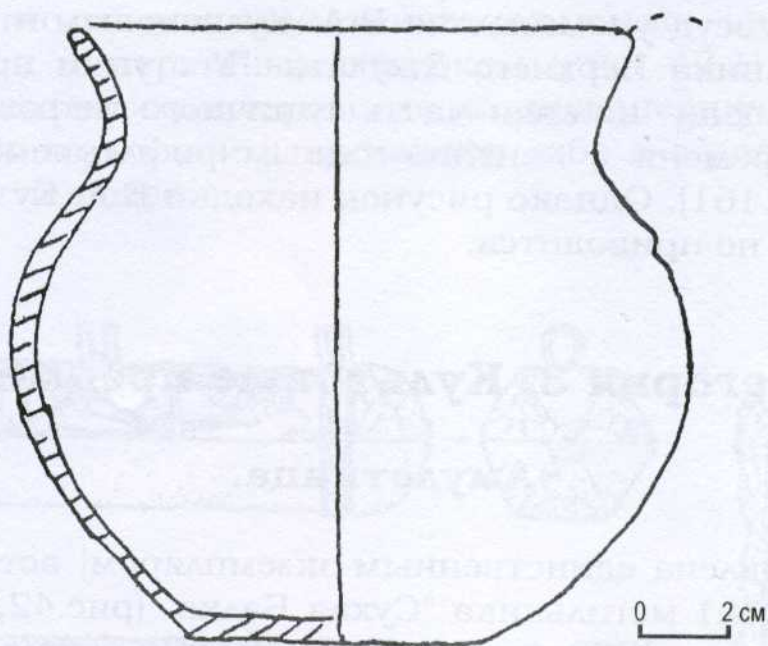
Первый сосуд (кувшин), встречен в погребении №1 кургана 1 могильника "Кривуша-84". Целый сосуд находился "возле правого плеча погребенного". Он – красноглиняный, гончарный с высоким яйцевидным туловом, плоским дном, невысоким горлом и слабо выраженным венчиком (рис.22,3,3; рис.41,2). Вертикальная ручка была украшена тремя желобками по внешней поверхности. Высота сосуда – 39 см, диаметр тулова – 23 см, диаметр дна – 10 см, диаметр горловины – 9,2 см, ширина ручки – 2,4 см, толщина стенки сосуда – 0,8 см [Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.208, рис.9,5].

Этот сосуд уже рассматривался еще до появления указанной выше публикации комплекса из кургана "Кривуша-84". А. В. Евглевский и Т.М. Потемкина, исследуя находки керамики в позднекочевнических захоронениях Восточной Европы, в отношении кувшина из погребения №1 "Кривуши-84" пишут следующее: данный сосуд имеет аналогии в кургане Демидовка 2/2, а также "близкие формы этим кувшинам есть в золотоордынских слоях Херсонеса ... и в Старом Орхее" в Молдавии. Касаясь же датировки всего комплекса, откуда происходит интересующий нас кувшин, то эти исследователи вполне справедливо относят его к золотоордынской эпохе [Евглевский А.В., Потемкина Т.М. 2000, с.220].

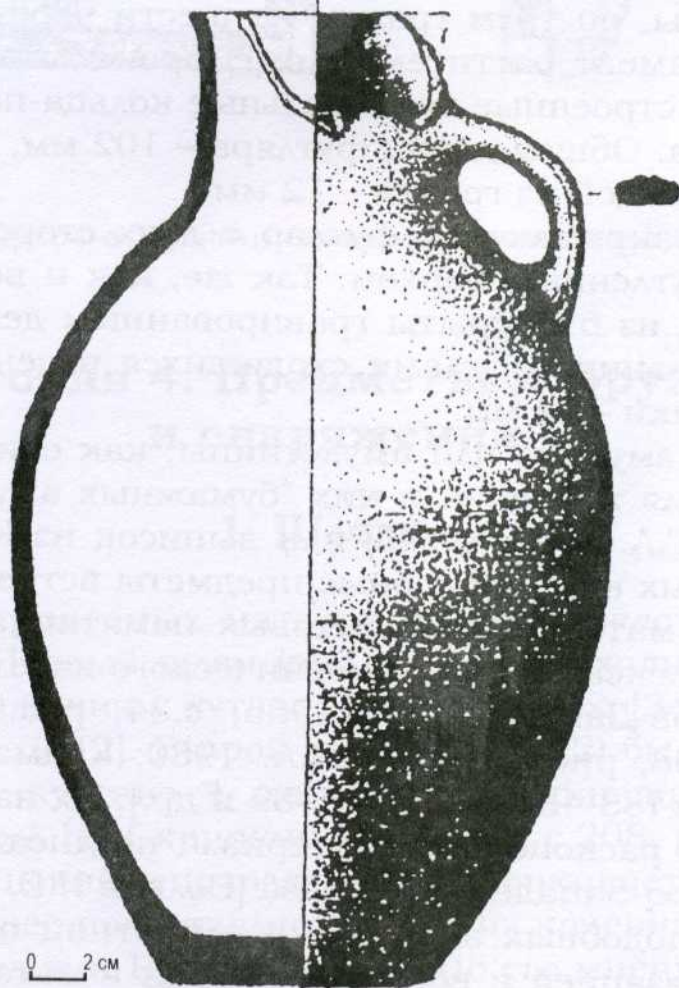
Форма сосуда весьма близка гончарным изделиям ремесленников Золотой Орды [Кравченко А.А. 1989, с.32, рис.16,7].

Второй сосудик (рис.30,1; рис.37,1) происходит из захоронения №6 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне. Внешняя поверхность черного цвета. Размеры сосуда: высота – 28 см. Диаметр венчика – 15 см. Венчик отогнут наружу. Диаметр горловины – 11 см. Диаметр в месте наибольшего расширения тулова – 20 см. Толщина стенок – 0,6 см. Тесто комковатое, пористое, неровного и не полного прокала. Сосуд ассиметричный (рис.30,1; рис.41,1).

Аналогии ему неизвестны. Однако, если учитывать округлую его форму, скругленное, хотя и заметно уплощенное дно (рис.30,1; рис.41,1), можно констатировать тот факт, что сосудик напоминает гончарные изделия, больше характерные для территории Волжской Булгарии предмонгольского и золотоордынского времени [Хлебникова Т.А. 1984, с.222, рис.123,7; Кокорина Н.А. 2002, с.265, рис.12,1,2 и др.].

1

2

Рис.41. Керамика из позднекочевнических захоронений.

Третий сосуд упоминается В.А. Кузнецовым в погребении №20 могильника Верхнего Джулата. "У ступни правой ноги" была расчищена "нижняя часть типичного пифоса золотоордынского времени с линейно-зонным рифлением" [Кузнецов В.А. 2003, с.161]. Однако рисунок находки В.А. Кузнецовым, к сожалению, не приводится.

Категория 3. Культовые предметы.

Амулетница.

Представлена единственным экземпляром, встреченным в погребении №1 могильника "Сухая Балка" (рис.42,2). Изготовлена из серебра. Шестигранной формы. По бокам – две "крышечки", закрывающие полый футляр. По внешней поверхности амулетницы, по трем граням из шести через одну гравированный орнамент растительного (?) происхождения. Сверху футляра – три строенные вертикальные кольца-петли для продевания шнура. Общая длина футляра – 102 мм, диаметр – 24 мм; ширина каждой из граней – 12 мм.

Крышки, закрывающие футляр с двух сторон, 6-гранной формы с закругленным верхом. Так же, как и весь футляр, 3 грани крышек из 6 покрыты гравированным декором в виде мелких треугольников, углами сходящихся в центре крышки. Диаметр крышки – 24 мм.

Подобные амулеты или амулетницы, как считается, предназначались для хранения в них "бумажных амулетов" [Федоров-Давыдов Г.А. 1994, с.146] или выписок из Корана и других религиозных книг. Подобные предметы встречаются среди раскопочного материала на бытовых памятниках и в погребальных комплексах позднекочевнического населения Золотой Орды [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.34, рис.9; Шалобудов В.Н. 1982, с.88, рис.2; Мальм В.А. 1980; Крамаровский М.Г. 2001, с.329, №483-486, с.331, №489 и др.]. Их находки упоминают и среди раскопочного материала позднеадыгских захоронений Северо-Западного Кавказа [Волков И.В. 2002, с.160].

Находки подобных амулетов и амулетниц обычно связывают с исламизацией и встречаются они в материалах, датированных временем не ранее XIV века. Вероятно, публикуемая амулетница может восприниматься, как свидетельство принадлежности ее владельца к исламу.

Любопытно то, что амулетница находилась внутри кожаного футляра с шерстяным шнурком (рис. 42,1). Подобные "мешочки" весьма характерны для позднекочевнических захоронений, в которых они встречаются либо в области грудной клетки, либо на поясе.

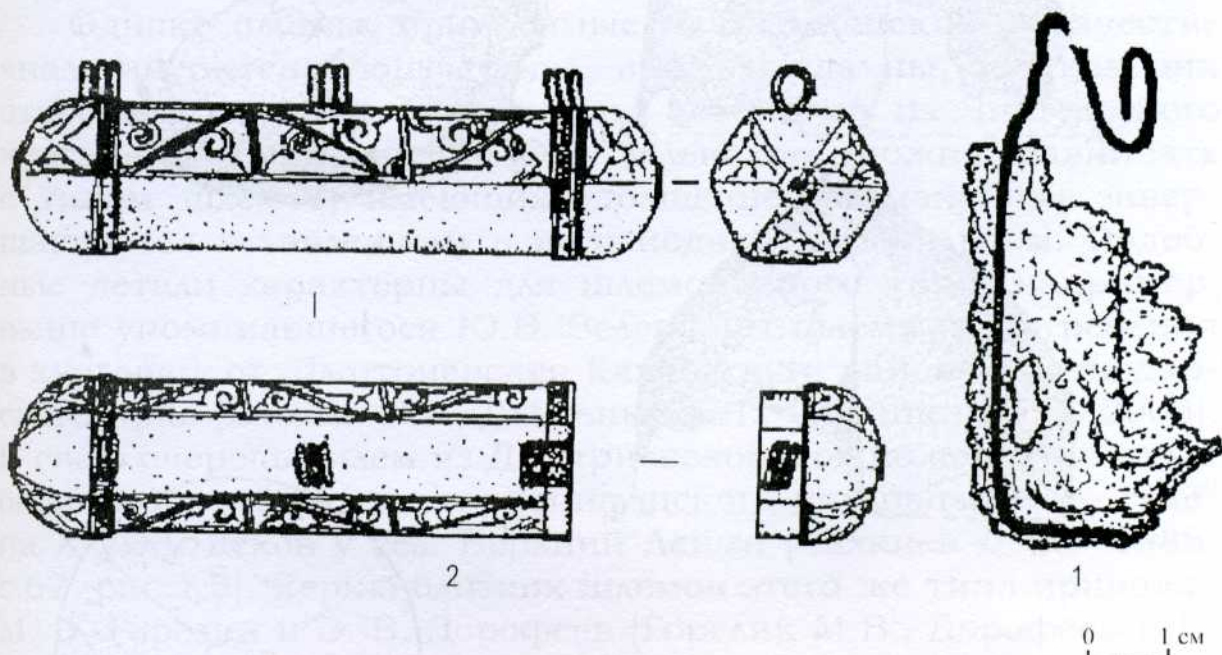

Рис.42. Серебряная амулетница и кожаный футляр из могильника "Сухая Балка".

Категория 4. Предметы вооружения и снаряжения.

1. Шлемы.

В рассматриваемых материалах они представлены 2 экземплярами. Первый шлем (рис.43,3) происходит из кочевнического захоронения у хутора Пролетарского [Зеленский Ю.В. 1997, с.90, рис.2,12]. Второй шлем (рис.43,2) был обнаружен в погребении 1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" [Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.208, рис.9,2].

Ю.В. Зеленский, справедливо подчеркивает то, что "наибольший интерес представляет шлем" из кочевнического захоронения из-под хут. Пролетарского. По его мнению, "А.Н. Кирпичников и Г.А. Федоров-Давыдов относят такие шлемы к V типу [Кирпичников А.Н. 1971, с.29, рис.8] и датируют их началом XIII в. [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.34]. Аналогичные

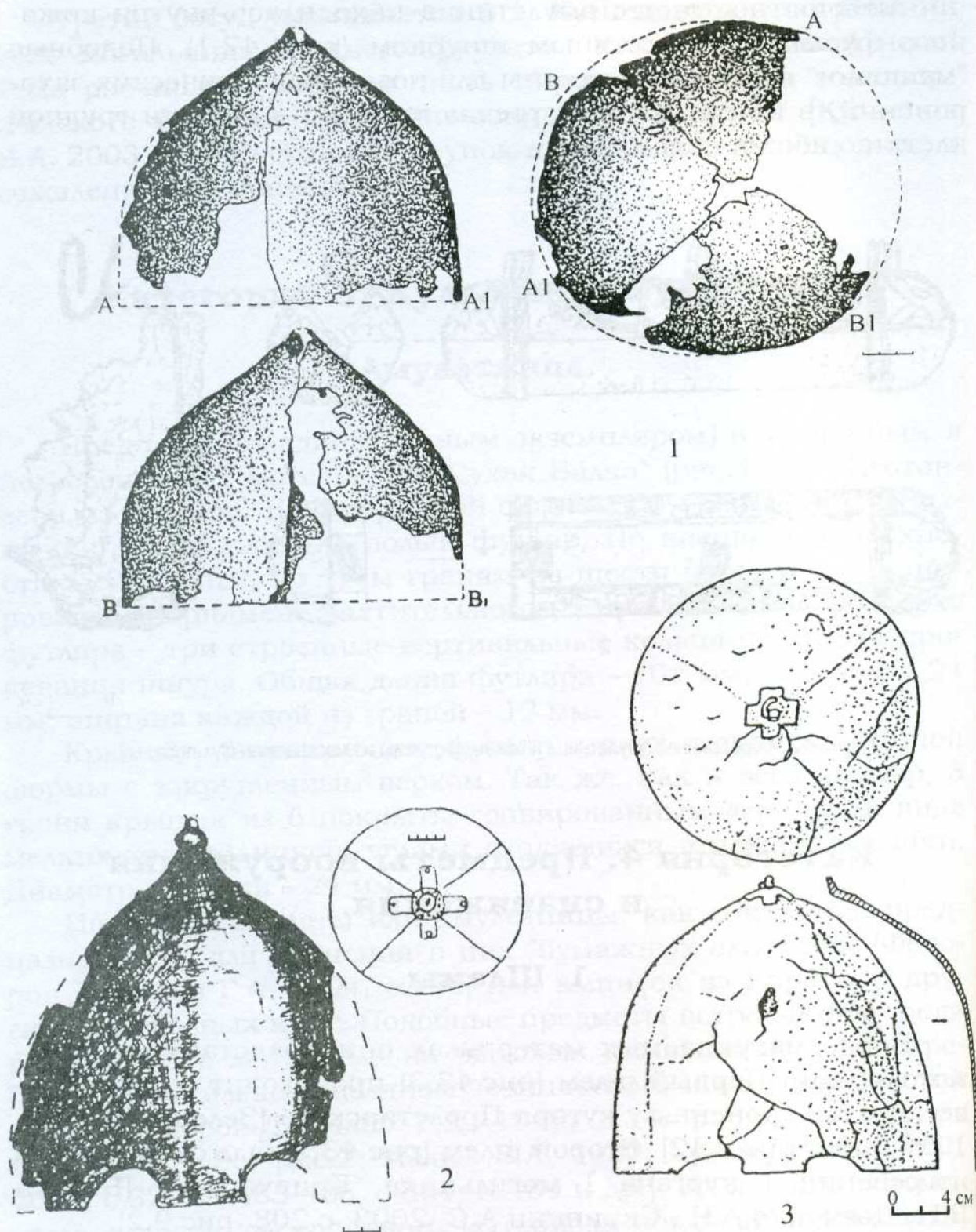

Рис.43. Четырехчастные шлемы из прикубанья:

1. Шлем из Убинского могильника (по Р.Б. Схатуму и В.М. Дымченко);
2. Шлем из погребения 1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" (по В.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину);
3. Шлем из кургана у хут. Пролетарского (по Ю.В. Зеленскому).

шлемы довольно редки. Похожий шлем найден у с. Пешки Киевской губернии [Кирпичников А.Н. 1971, с.31], еще один - в позднекочевническом погребении у ст. Дмитриевская Кавказского района в Закубанье. Похожий шлем был и в половецком погребении Чингульского кургана [Отрощенко В.В., Рассаман Ю.Я., 1986, с.27]) [Зеленский Ю.В. 1997, с.89].

Однако шлемы, приводимые Ю.В. Зеленским в качестве аналогий интересующему нас, вряд ли удачны, так как они относятся к другим типам. Так, экземпляр из Чингульского кургана, вопреки мнению Ю.В. Зеленского, можно сравнивать с типом шлемов, имеющих утолщение на макушке, завершающееся вставленным в него подвижным кольцом. Подобные детали характерны для шлемов иного типа, например, выше упоминавшегося Ю.В. Зеленским шлема из погребения в кургане у ст. Дмитриевская Кавказского района Краснодарского края [Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003]. В свою очередь, шлем из Дмитриевской можно сопоставлять с боевым наголовьем из горноингушского полуподземного склепа XIV-XV веков у сел. Верхний Лейми [Чажкиев Д. Ю. 1985, с.62, рис.1,5]. Серию близких шлемов этого же типа приводят М. В. Горелик и В. В. Дорофеев [Горелик М.В., Дорофеев В.В. 1990, с.130, рис.2, с.132, рис.4]. По этой причине аналогии шлему из кургана у хут. Пролетарского следует искать в других памятниках.

Точно такой же шлем, происходящий из кочевнического кургана могильника "Кривуша-84", был опубликован В.Г. Блохиным, А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкиным. Исследователи очень детально его описывают, и мы считаем целесообразным это описание воспроизвести дословно. "На лицевой стороне шлема, - подчеркивают они, - имелись дугообразные вырезы для глаз. Шлем был составлен из четырех сваренных между собой сегментов, усиленных в верхней части четырьмя прямоугольными пластинами с клепками. Шлем венчало обломанное навершие, отделенное от основания округлым "яблоком". Высота шлема - 22,3 см, диаметр тульи - 21,5 см" [Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003].

Исследователи не исключают того, что этот шлем - золотоордынского времени [Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.194].

Вместе с тем, оба шлема действительно относятся к одному типу, характеризующемуся тем, что такие наголовья состоят из 4-х частей, сваренных между собой и имевших вырезы

для глаз, а на вершине купола крестообразную пластину (рис.21,6; рис.22,23; рис.43,2-3).

Однако этот тип вряд ли стоит даже сравнивать со шлемом из Чингульского кургана, т.к. там он иной "конструкции" [Отрощенко В.В., Рассамахин Ю.Я. 1986, с.22, рис.7,2; Отрощенко В.В., Рассамахин Ю.Я. 1990, рис.1]. Более реальным видится их сопоставление со шлемом из кургана 24 Убинского могильника на Кубани, реконструкция которого недавно была введена в научный оборот [Схатум Р.Б., Дымченко В.М. 2003, с.29-35]. Публикуя реконструкцию этого шлема, оба автора справедливо обращают внимание на то, что данный тип ныне представлен уже несколькими экземплярами. Это шлемы, найденные в кочевническом кургане под ст. Раевской на Кубани. Сразу три экземпляра боевых 4-частных боевых наголовий этого типа были открыты при исследовании Цебельдинского могильника. Пятый образец происходит из-под г. Новороссийска (Краснодарский край). Найден он в погребении №34 могильника из Цемесской бухты [Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997, с.104, рис.13,1]. Очередная находка указывается из погребения в кургане №36 Борисовского могильника из - под г. Геленджика. Следующий образец указан как происходящий из кургана №4 могильника Хазарова щель (Краснодарский край). Еще один шлем, как уже отмечалось выше, был найден в кургане №24 Убинского могильника [Схатум Р.Б., Дымченко В.М., 2003, с.3]. К этому списку, на наш взгляд, стоит добавить и шлем из кургана у хут. Пролетарского и кургана 1 могильника "Кривуша-84". Убинский шлем, на первый взгляд, отличается от них отсутствием как вырезов для глаз, так и крестообразной пластины на макушке наголовья. Однако сильная фрагментарность данного образца во многом может это объяснить.

Следует согласиться с Р.Б. Схатумом и В.М. Дымченко в том, что "узкая датировка этих шлемов затруднена", хотя авторы приняли точки зрения своих предшественников, указывая на то, что шлемы из погребения 21 и 34 Цебельдинского могильника датированы в пределах конца XII-XIII веков, а из погребения 24 концом XII-XIV вв.

Остальные шлемы: из могильников Борисовский, Хазарова щель, погребения в кургане из-под ст. Раевский оба автора не без оснований "датируют XIII-XV веками" [Схатум Р.Б., Дымченко В.М., 2003, с.33]. Между тем, несмотря на размытость

отмеченной выше датировки интересующих нас шлемов, будет совсем не лишним обратить внимание и на следующее.

Основная масса рассматриваемых шлемов территориально расположена достаточно компактно и встречена, в основном, в курганных древностях Прикубанья, с этнокультурной точки зрения соотносимых либо с половцами, либо же с захоронениями предков современных адыгов, хронология памятников которых нуждается в разработке. Впрочем, кардинальных изменений требует и этнокультурная атрибуция кочевнических памятников с такими же шлемами. Не ставя пока такой задачи перед собой, укажем лишь, что на первом этапе осмысления материалов желательным является уточнение датировки как могильников, так и отдельных захоронений, в которых были встречены интересующие нас шлемы. И в первую очередь, это касается захоронения с боевым наголовьем из Убинского кургана №24.

Как это представляется нам, он может быть датирован гораздо уже. Если абстрагироваться от действительно широкой даты убинских захоронений и предметов вооружения оттуда, на протяжении целого ряда лет представляемых предметами вооружения, относимых к периоду "X-XIV вв." [Стрельченко М.А. 1960, с.140-157], то стоит обратить внимание на, что в одном из захоронений Убинского могильника (погребение №70) Н.В. Анфимовым было обнаружено сразу 7 золотоордынских монет. Все они впоследствии были определены Г.А. Федоровым-Давыдовым [Федоров-Давыдов Г.А. 1960, с.151]. Согласно этому определению, они датируются серединой XIV века – это монеты, чеканенные от имени ханов Бирдибека, Кульны, Хызра, Ордумелика, Кильдибека. Монеты – серебряные и, возможно, от одного мониста. Следовательно, монеты из погребения №70 после их изъятия из непосредственного денежного обращения долгое время еще могли использоваться как украшения. По этой причине погребение №70 Убинского могильника может указывать и на относительную датировку всего некрополя более поздним временем: не ранее начала второй половины – конца XIV века. По всей видимости, оно, впрочем, как и основная масса захоронений Убинского могильника, должны относиться к предтимуровской эпохе или, ко времени походов Тимура через Прикубанье. К этому времени может быть отнесен и интересующий нас шлем из Убинского кургана №24.

Что же касается остальных 4-частных шлемов, то и здесь много неясного и требующего уточнений.

Так, погребения могильника Хазарова щель, насколько о них можно судить по имеющимся публикациям [Стрельченко М.А. 2002, с.161-167], вряд ли окажутся ранее второй половины-конца XIV в., поскольку встреченные там предметы хорошо укладываются в этот временной промежуток. Необходимо проверить и сведения о шлеме из погребения у ст. Раевской. Не имея на данный момент такой возможности, мы совсем не исключаем того, что именно с этим захоронением может быть связана и золотоордынская монета Джанибека [Федоров-Давыдов Г.А. 1964, с.207].

Шлем из Цемесской бухты под Новороссийском [Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997, с.104, рис.13,1], если он действительно четырехчастный, как это отмечают Р.Б. Схатум и В.М. Дымченко [Схатум Р.Б., Дымченко В.М. 2003, с.31], происходит с территории изначально подкурганного могильника, отнесенного к концу XII-XIV вв. [Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997, с.109]. Однако находки наконечников стрел из того же погребения, зеркало, костяные изделия и многое другое по аналогиям (зеркало Новопаоловского могильника, наконечники стрел Келийских захоронений и пр.), создают впечатление возможно более узкой датировки захоронения, которую следует ограничивать пределами XIV века. Кстати, это впечатление усиливает и находка из погребения №36 золотоордынской монеты с именем хана Токты [Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997, с.104, рис.13, с.109], вероятно, указывающая на датировку поздней группы захоронений на этом могильнике.

Исходя из этих уточнений, более узкой может быть дата и шлема с территории Борисовского могильника, также упоминаемого Р.Б. Схатумом и В.М. Дымченко, тем более что по поводу относительной хронологии этого же некрополя в литературе высказывались не раз. Здесь будет уместным воспроизвести, к примеру, наблюдения М.Г. Крамаровского, который специально по данному поводу писал следующее. "Борисовский могильник (район Геленджика)" известен по предварительной публикации В.В. Саханева [Саханев В.В. 1914]. В.В. Саханев вскрыл в районе Геленджика 147 погребений из которых 135 датировал VI-IX вв., а 12 отнес к IX-XV вв. Погребальный обряд этой последней по времени группы курганов Борисовского могильника резко отличается от обряда погребений Белореченского ... По нашим наблюдениям, время позд-

ней группы Борисовского могильника отмечается пределами второй половины XIII – начала XV века. (См.: [Миллер А.А. 1909, с.86, с.99-102; Сизов В.И. 1882, с.3-4, с.63-69, с.71-88, с.91-92, с.98-102])" [Крамаровский М.Г. 1985, с.176, прим.18]. Другими словами, самая поздняя группа борисовских захоронений, отличается от белореченской группы, по времени предшествуя Белореченским курганам. Ранняя дата Белореченских курганов нам представляется в пределах отрезка времени, не ранее XV столетия [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2001]. Следовательно, борисовские захоронения должны быть несколько ранее Белореченских курганов, т.е. относиться к XIV столетию.

Таким образом, несмотря на то, что интересующие нас четырехчастные шлемы были встречены в различных погребальных комплексах, все они, примерно одного и того же времени. А это, наверное, дает нам определенные основания считать, что истоки и причины распространения таких однотипных шлемов, имевших хождение у разных этнокультурных групп населения Прикубанья и Причерноморья, стоит увязывать с традициями военного дела, прежде всего, кочевников Золотой Орды середины-конца XIV века. По этой причине, шлемы из кочевнических захоронений в курганах у хут. Пролетарского и в кургане "Кривуша-84", наверное, следует относить к этому же периоду времени.

Более того, описывая реконструируемый шлем из кургана 24 Убинского могильника, Р.Б. Схатум и В.М. Дымченко особо подчеркивали и тот факт, что этот 4-частный шлем "был выкован из четырех пластин-сегментов. Полосы соединены между собой методом сварки" [Схатум Р.Б., Дымченко В.М. 2003, с.29]. Описание этих технологических деталей позволяет нам обратить внимание на еще одно обстоятельство: перечисленные выше 4-частные шлемы технологически близки уже упоминавшимся двум боевым наголовьям из Прикубанья: из кочевнического захоронения близ хут. Пролетарского и из погребения №1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" в Тихорецком районе Краснодарского края [Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.191]. Справедливо указанные авторы соотносят данный шлем и с наголовьем, опубликованным Ю.В. Зеленским.

Сравнивая все указанные шлемы Прикубанья, подчеркнем: приводимые Р.Б. Схатумом и В.М. Дымченко наголовья вроде бы не характеризуются наличием у них вырезов для глаз, присутствующих на шлемах из погребений у сел. Пролет-

тарского и из погребения 1 кургана 1 могильника "Кривуша-84". Не отмечают они и крестообразного навершия на шлемах. Объяснить это можно фрагментированностью шлема из Убинского кургана 24, как впрочем, и других образцов. Если допустить, что такие детали могли присутствовать изначально на шлемах, упоминавшихся Р.Б. Схатумом и В.М. Дымченко, можно полагать (хотя и с определенной долей вероятности), что во всех указанных случаях встречался один и тот же тип боевых наголовий. Однако связывать их с сугубо "черкесскими" шлемами, упоминавшимися в "Задонщине" [Схатум Р.Б., Дымченко В.М. 2003, с.34], не стоит. Скорее всего, мы имеем дело с золотоордынскими боевыми наголовьями, имевшими хождение не только в воинских подразделениях кочевников Золотой Орды, но и в тех местных северокавказских племенах, которые находились в непосредственной зоне политико-экономического диктата этого государственного образования.

Допустимо предполагать, что этот тип шлемов, имея вырезы для глаз, скорее всего, должен был иметь и накладные "брови" с наносником.

Однако, что для нас важнее всего, шлемы эти – золотоордынского времени и могут являться своего рода хронологическим маркером и для погребений кочевников у хут. Пролетарского и погребения 1 кургана 1 могильника "Кривуша-84", позволяя нам относить их ко времени, не ранее XIV столетия.

2. Кольчуги.

Были встречены в двух захоронениях. В первом случае кольчуга была отмечена в погребении кургана у хут. Пролетарского [Зеленский Ю.В. 1997, с.89, рис.1; Зеленский Ю.В. 1998, с.19, рис.1], подробно не описывается. Во втором случае кольчужная рубашка была прослежена в погребении 1 кургана 1 могильника "Кривуша-84". Исследователи погребения описывают ее следующим образом: "На погребенного была надета кольчужная рубашка. Нижний ее край доходил до бедер, рукава – до локтей. Длина рубашки – 0,75 см." [Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003].

К сожалению, в обоих случаях никакой дополнительной информации о покрое и плетении кольчуг не приводится, что ограничивает возможности их интерпретации. Между тем кольчужные рубашки встречались в захоронениях поздних кочевников и ранее, например, в раскопках Н.И. Веселовского

на Кубани. Есть они и в погребениях местного (аборигенного) населения Северного Кавказа. Почти полный экземпляр, сложенный вчетверо, был встречен в захоронении №15 Келийского могильника в горной Ингушетии, датированном монетой Менгу-каана [Нарожный Е.И. 1990, альбом, погр. №15.]. Кольчужная рубашка вместе с двумя монетами нач. XV века была встречена и в полуразрушенном захоронении Алкунского могильника (Ингушетия) [Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. 1990, с.126, рис.1,4].

3. Сабли.

В публикуемых захоронениях сабли встречены в погребении 3 кургана 1 у сел. Новоселицкое (рис.20,12; рис.44,5) на Ставрополье, в погребении кочевника у хут. Пролетарского на Кубани (рис.21,4; рис.44,3-4), в захоронении №1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" (рис.22,2; рис.44,2) и в погребении 1 Калиновского могильника в Чечне (рис.23,6; рис.44,1).

В погребении 3 кургана 1 у сел. Новоселицкое, сабля располагалась справа, вдоль костяка, перекрывая кости руки. Сабля длинная, из железа. Вершина рукояти лежала у головки плечевой кости, конец клинка – ниже правого колена. Клинок сабли слегка изогнут. Черенок по отношению к клинку имеет тупой угол. Сечение клинка треугольное, сечение черенка подпрямоугольное. На клинке сохранился древесный тлен от ножен, на черенке – от деревянной рукояти. На сабле имелись две железные обоймы – крюка для портупей и узкая прямоугольная железная гарда - перекрестие. Между гардой и клинком прослеживалась узкая бронзовая обойма – вероятно, окантовка верхнего края ножен. Длина сабли 112 см, сечение клинка до 4,5х1,0 см, сечение черенка 1,6х1,2 см. Сабля очень сильно корродирована и фрагментирована.

В захоронении у хут. Пролетарского сабля находилась "справа, вдоль костяка, перекрывая кости руки", вершина "рукояти лежала у головки плечевой кости, конец клинка – ниже правого колена. Клинок сабли слегка изогнут" [Зеленский Ю.В. 1997, с.89-90].

В погребении №1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" сабля находилась "вдоль левого бока погребенного. Сабля длинная слабо изогнутая железная с асимметричным перекрестием и небольшим, овальным в сечении навершием, насаженным на рукоять сабли. Навершие крепилось к рукояти с помощью

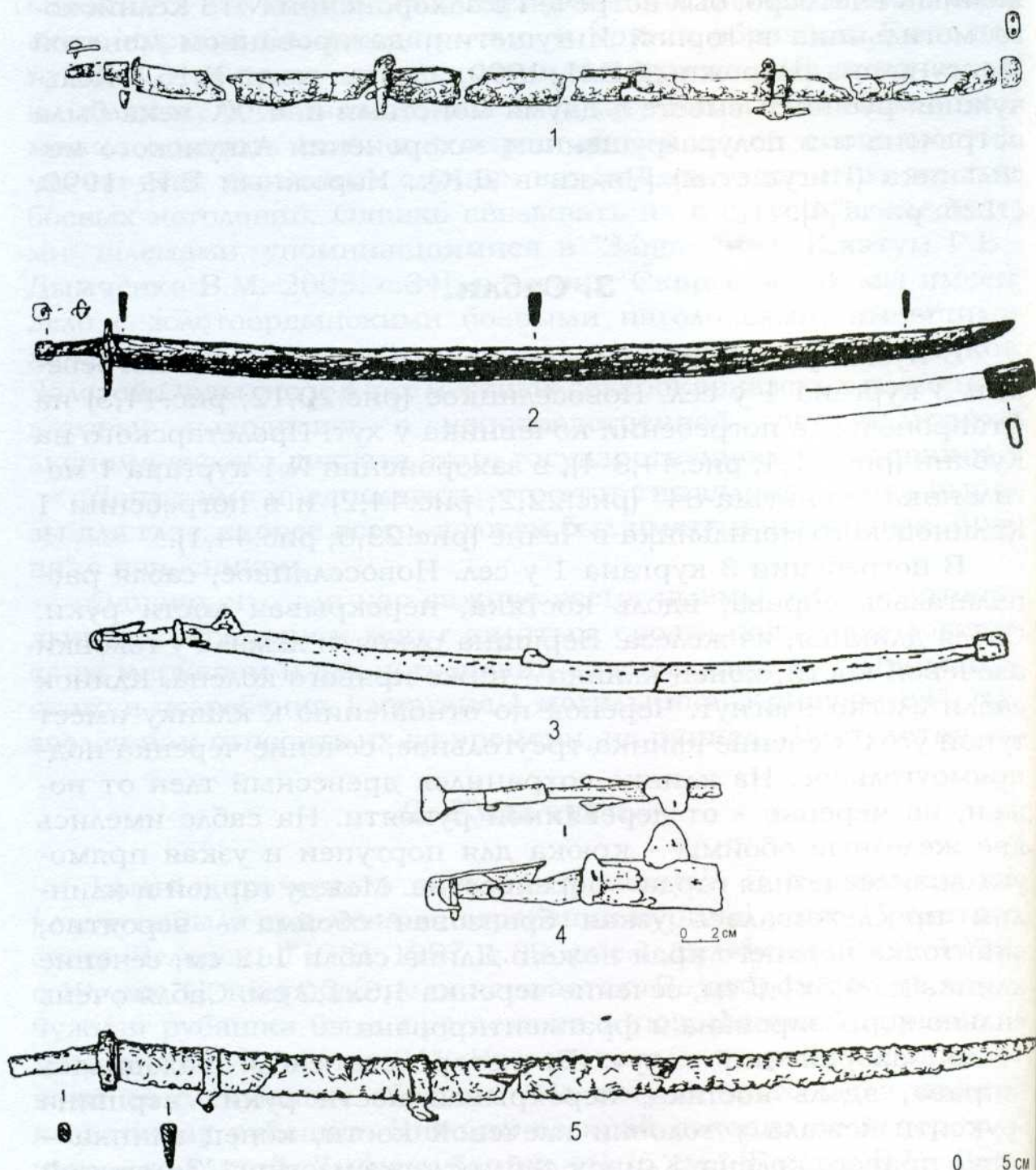

Рис.44. Сабли из позднекочевнических захоронений:

1. По Б.М. Хашегульгову; 2. По А.Г. Блохину, В.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину;
3-4. По Ю.В. Зеленскому; 5. По В.А. Корняко, А.Г. Атавину.

стержня, на конце которого имелось колечко. На лезвии сабли сохранился светло-коричневый тлен от деревянных ножен. На острие сабли сохранился железный наконечник ножен. Длина клинка – 118 см, ширина лезвия – 4 см, длина рукояти с навершием – 10 см. Сабля лежала рукоятью к черепу.

В погребении из кургана 1 Калиновского могильника железная сабля сильно фрагментирована и лежала поверх костяка, прямо по середине грудной клетки с запада на восток (рис.23,1), острием к востоку. Общая длина сабли – 105 см. Острие подтреугольное. Черен рукояти сильно отогнут в сторону лезвия. Черен подпрямоугольный в сечении. Лезвие отделено от черена напускным перекрестьем в виде пластинки. Оно – ассиметричное. Поперек лезвия отмечены две пластинки от крепления портупей. На острие – обойма от ножен. На нижней плоскости обоймы – слабо рельефное изображение S-видной фигуры. Лезвие сабли слабоизогнутое.

Рассматривая находки сабель в выше отмеченных захоронениях, их публикаторы по-разному оценивают их. Как полагают В.А. Кореняко и А.Г. Атавин, " в погребении 3 датирующим предметом является, прежде всего, сабля, которая относится к отделу Г, по классификации С.А. Плетневой, и может быть датирована первой половиной XII в."

Ю.В. Зеленский описание сабли из захоронения в кургане у хут. Пролетарского не приводит, отмечая лишь то, что эта сабля была длиной в 1,05 м (рис.44,3), а также: "Длина и кривизна сабли свидетельствуют в пользу ее датировки XII – нач. XIII вв. В типологии Г.А.Федорова – Давыдова такие сабли отсутствуют. В.А. Кригер и В.А. Иванов, дополнив типологию Г.А. Федорова – Давыдова, выделили данные сабли в тип ДII [Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с.12, рис.7,15], а С.А. Плетнева - в тип В. Она считала, что такие сабли бытовали в XII – нач. XIII вв. Характерной особенностью сабель этого периода было оформление окончания клинков в виде свернутой трубочки овальной формы. Такие сабли были найдены в курганах могильника Лебедевка в Приуралье, в половецком погребении у г. Павлограда на Украине, в чернокоблицком погребении в Поросье" [Зеленский Ю.В. 1997, с.89-90]. В другой своей работе тот же исследователь меняет датировку всего комплекса, что, вероятно, должно отразиться и на датировке вещевого набора, включая и саблю. Дату этого погребения без всяких объяснений Ю.В. Зеленский определяет в пределах "XIII-XIV вв." [Зеленский Ю.В. 1997, с.18]. Между тем, несмотря на на-

личие различных точек зрения в отношении возможностей типологической классификации сабель (Историограф. вопроса см.: [Евглевский А.В., Потемкина Т.М. 2000, с.117-140 и сл.]), сравниваемые здесь сабли имеют различные кривизну лезвий, длину. Тем не менее, они характеризуются наличием почти одинаковых насадок на рукояти, а также – близких обойм на ножнах. Кроме того, у сабли из кургана 1 группы 2 Калиновского могильника и у сабли из погребения в кургане могильника "Кривуша-84" были почти тождественные перекрестия, что эти сабли, как нам кажется, синхронизирует. Помимо всего, отдельные детали оформления ножен, впрочем, как и сами клинки сабель и указанные перекрестья, находят близкие аналогии среди сабель XIII-XIV вв. Келийского могильника в горной Ингушетии. Отсюда и наше убеждение в том, что сабли из всех сравниваемых захоронений, если и имеют хронологическую разницу, то она вряд ли была значительной.

4. Колчаны и их детали.

Ю.В. Зеленский упоминает об остатках, возможно, кожного колчана, которые были зафиксированы в курганном захоронении кочевника у хут. Пролетарского [Зеленский Ю.В. 1997, с.89]. Иными сведениями на этот счет мы более не располагаем. Обращает на себя внимание один железный предмет, определенный как колчанная петля [Зеленский Ю.В. 1997, с.90, рис.2,13] (рис.56,1).

В погребении №1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" была встречена такая же железная колчанная петля (рис.56,2-5) [Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.208, рис.9,10].

Подобные железные предметы, скорее всего, от колчанов, хорошо нам известны по раскопочным материалам Келийского могильника в горной Ингушетии (рис.56), хорошо датирующегося монетными находками золотоордынской эпохи [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1988. с.44-46]. Горноингушские колчаные петли синхронизируют остатки колчаных наборов из погребений в курганах у хут. Пролетарского и могильника "Кривуша-84", позволяя считать возможным их существование в золотоордынскую эпоху.

Именно в горных памятниках Ингушетии нами были встречены и почти целые образцы кожаных колчанов [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1994, с.90, рис.17,10], позволяю-

щие представлять их конструктивные особенности и в тех случаях когда, как это описывает Ю.В. Зеленский, сами колчаны не сохранились. Данная аналогия, возможно, указывает и на относительную датировку вышеотмечавшихся позднекочевнических колчанов.

Колчан из бересты встречен в захоронении 1 кургана 1 группы 2 Калиновского могильника в Чечне (рис.26,3). Подобные колчаны хорошо известны по материалам раскопок курганных древностей Восточной Европы [Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.1989, с.82] и всей Евразии [Малиновская Н.В. 1974, с.132-175], хотя в значительном числе случаев подобные колчаны имеют декоративные орнаментированные пластинки. В качестве прямой и тождественной аналогии интересующему нас колчану можно привести берестяной колчан из погребения №15 раскопа 2 Келийского могильника XIII-XIV вв. из горной Ингушетии (рис.26,4).

В захоронении 1 могильника "Кривуша-84" была встречена одна фрагментированная костяная накладка (рис.45,5), скорее всего, являвшаяся декоративной пластинкой от покрытия колчана.

5. Костяные накладки.

В кочевническом захоронении из кургана у сел. Новоселицкое на Ставрополье костяные накладки находились на левой бедренной кости погребенного. Представлены 4-мя фрагментами неорнаментированных костяных пластинок, имеющих сегментовидное сечение. Ширина обломков 1,0 – 1,3 см, толщина до 0,43 см. Общая длина изделия не установлена. Внешняя, выпуклая поверхность зашлифована. Обратная сторона – плоская, слегка вогнутая, имеет следы грубой обработки в виде косой сетки (рис.45,11-14). Наличие выше отмечавшейся "сетки" в виде нарезных полосок с оборотной стороны этих накладок, как представляется, позволяет данные костяные пластинки рассматривать как накладки на лук, приклеивавшиеся к деревянной основе. Обычно такие пластинки были узкими [Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1983, с.45-48]. Судя по форме одной из них (рис.45,14), она могла быть накладкой на рукоять лука: вырез в центральной ее части должен был обеспечивать гибкость (упругость) лука при его сгибе. Остальные накладки (рис.45,11-13) могли быть накладками на рукоять.

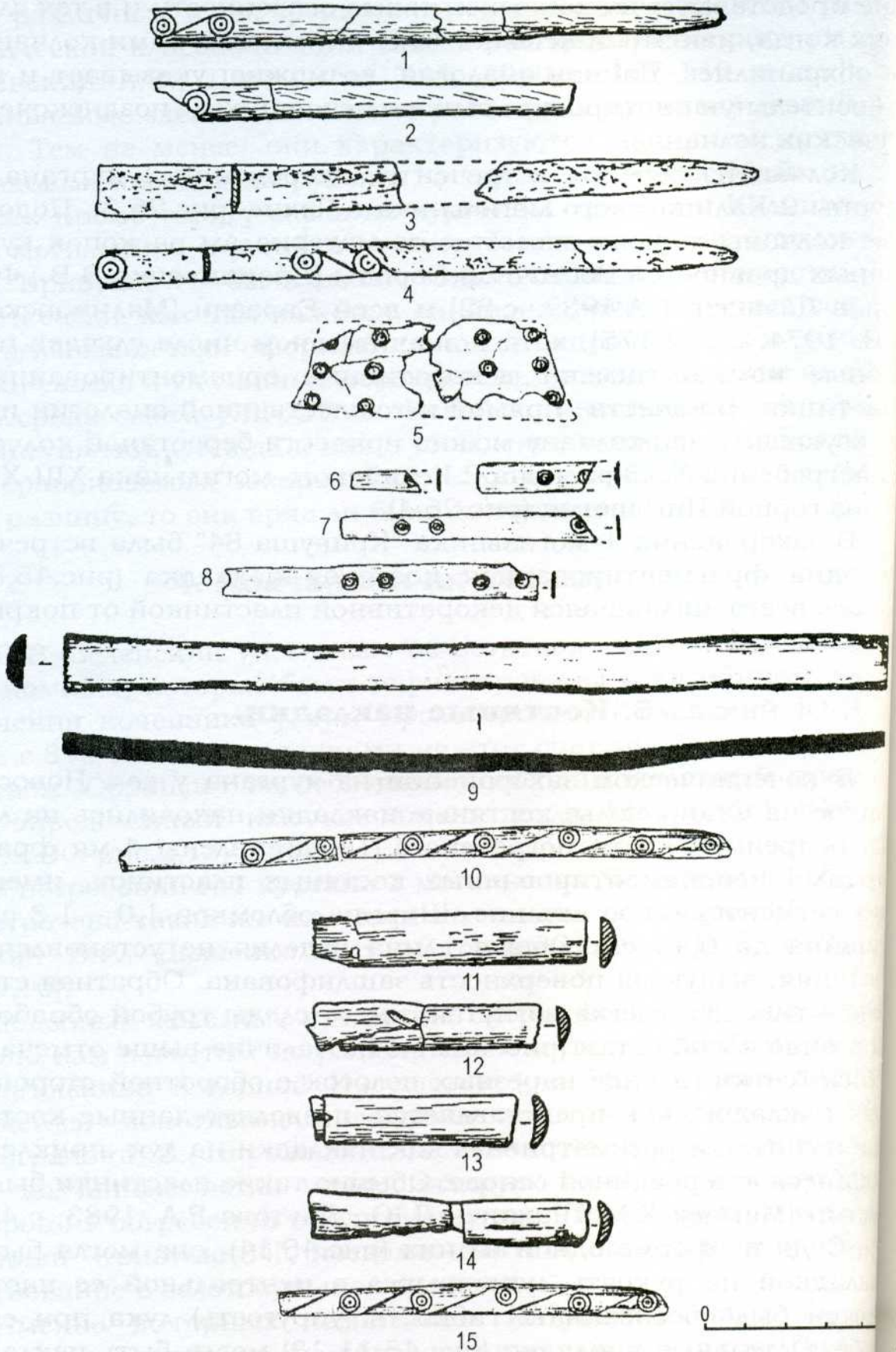

Рис.45. Изделия из кости и рога.

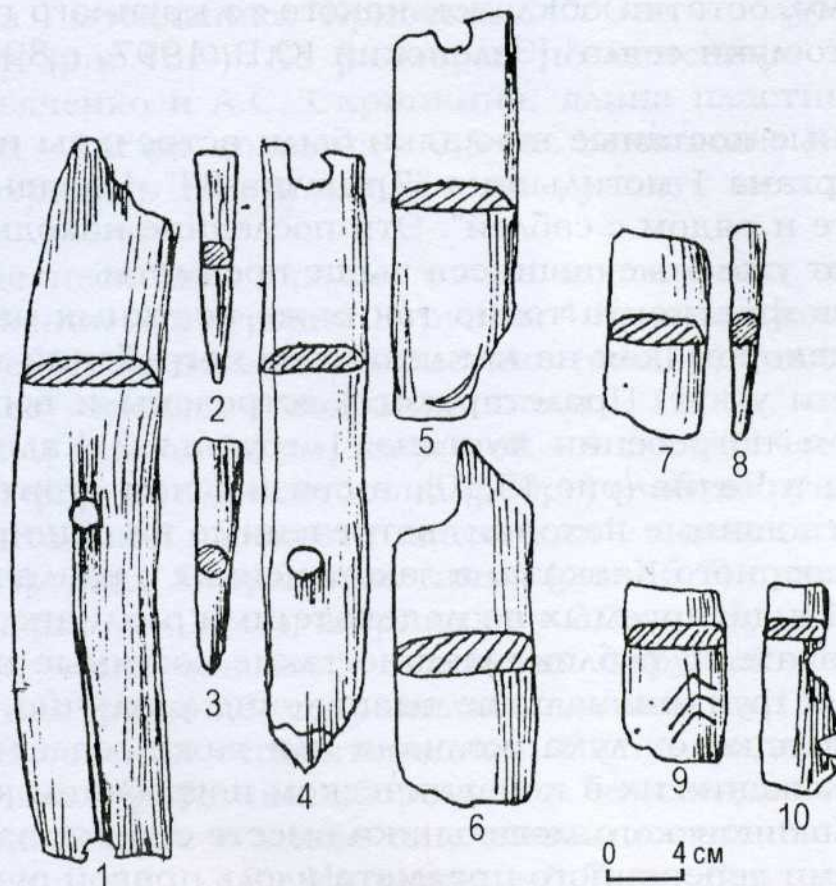

Рис.46. Изделия из кости и рога.

В том же захоронении были встречены и две другие накладки (рис.45,1-2), декорированные глубоко врезанным циркульным орнаментом. Они, по описанию В.А. Коренько и А.Г. Атавина, перекрывали верхнюю часть клинка сабли. Внешняя поверхность зашлифована, обратная имеет частые косые бороздки, небрежно нанесенные острым инструментом. Длина одного фрагмента 14,1 см, другого 10,6 см. Размеры подпрямоугольного сечения до 1,0х0,2 см.

В.А. Коренько и А.Г. Атавин эти накладки склонны были рассматривать как "остатки обкладок седла или колчана, аналогичные найденным в Поросье в курганах XI в. 250/1 и 269 у с. Цозаровки и в курганах 303 и 367 у с. Зеленки (первая половина XII и конец XII – начало XIII в.)".

Близкие по форме костяные обкладки (рис.45,3-4), украшенные циркульным орнаментом, упоминает Ю.В. Зеленский из погребения кочевника у хут. Пролетарского, описывая их как "3 стержневидных заостренных обломка (длина наибольшего 2,7 см). Эти костяные фрагменты представляли собой,

по-видимому, остатки обкладок какого-то крупного предмета скорее всего луки седла" [Зеленский Ю.В. 1997, с.89-90, с.90 рис.2,3-4].

Различные костяные накладки были встречены и в погребении 1 кургана 1 могильника "Кривуша-84". Находились они "на кольчуге и рядом с саблём". Эти последние находки сильно напоминают уже отмечавшиеся выше предметы.

Еще два фрагмента точно таких же костяных накладок с таким же декором (как на накладках из погребений у сел. Новоселицкое и у хут. Пролетарского) встречены и в позднекочевническом погребении кургана 1 группы 2 Калиновского могильника в Чечне (рис.45,10), в связи с чем стоит прокомментировать данные находки, встреченные на обширной территории Северного Кавказа, в захоронениях с различной ориентировкой и датируемых исследователями различно.

Исследователи, публиковавшие такие костяные наклейки трактуют их функциональное назначение различно, полагая, что это наклейки от лука, колчана или даже седла. Вместе с тем, расположение их в кочевническом погребении кургана 1 группы 2 Калиновского могильника вместе с невыразительными остатками деревянного предмета вдоль правой руки позволяет рассматривать эти наклейки как концевые (?) наклейки от лука. На такую же постановку вопроса указывает форма предметов, имевших сужающееся окончание, а на обороте - косые нарезки для приклеивания. Однако для нас сейчас важно даже не это. Выше мы уже подчеркивали ту разность в датировке публикуемых погребений, при определении дат которых, определяющую роль играл вещевой набор и встреченные им аналогии. Указанные наклейки не исключение. Между тем, следует указать и на тот факт, что в 1986 году [Виноградов В.Б., Савенко С.Н., Нарожный Е.И.1988, с.114-116] совершенно тождественные наклейки (рис.45,15) нами были подняты на территории Самашкинского золотоордынского поселения в Чечне, открытого Т.М. Минаевой еще в 1945 году [Минаева Т.М. 1958]. Эта наклейка, как представляется, может служить одним из аргументов в пользу уточнения датировки подобных предметов и отнесения их к золотоордынской эпохе.

Однако рассмотренные выше костяные изделия в интересующих нас захоронениях не единственные. К примеру, еще одна фрагментированная пластинка из кости была прослежена и "вдоль сабли в нижней ее части" того же захоронения 1

кургана 1 могильника "Кривуша-84". Она – полусферическая в сечении (рис.45,9). Ее размеры, по описанию В.Г. Блохина, А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкина: длина пластины – 21,5 см, ширина – 1,2 см, толщина – 0,5 см. Заманчиво и этот предмет рассматривать как накладку на рукоять несохранившегося лука.

Еще несколько предметов из кости было встречено и в захоронении №2 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне. Приведенные на рисунке (рис.46) такие предметы – наиболее хорошо сохранившиеся. Одна из пластинок (рис.46,1) длиной 20 см, шириной – 4 см. В сечении трапециевидной формы. Одна сторона (ребро) слабовыпуклая. В центре горизонтальной плоскости пластинки – сквозное отверстие округлой формы. Вторая пластинка (рис.46,2) прямая. Сохранилась в длину на 17 см, ширина ее – 3,2 см. По центральной оси изделия – два сквозных отверстия округлой формы. Третья пластинка (рис.46,5) сохранилась в длину на 11 см, ширина – 4 см. В сечении сегментовидная. Внешняя поверхность всех пластинок обработана, обратная – без следов тщательной обработки. Вместе с этими пластинками отмечены и костяные гвозди (рис.46,2-3,8). Их длина – 6-7 см. Верхняя часть гвоздей – подквадратная в сечении, средняя – округлая. Функциональное назначение пластин с гвоздями не ясно. Заманчиво их связывать с остатками седла, однако у нас нет уверенности в такой их атрибуции, поскольку вместе с пластинками остатков дерева и кожи не прослежено.

Еще два мелких фрагмента от пластинок (рис.46,6-7) в сечении имели сегментовидную форму и по оборотной, необработанной стороне – косо расположенные (в виде сетки) врезанные линии. Возможно эти фрагменты рассматривать как накладки на лук, хотя фрагмент лука (рис.47,24) был отмечен над погребением (на деревянной решетке).

Еще несколько фрагментов костяных накладок (рис.46,9-10) по внешней поверхности имели врезанный декор. Почти тождественные накладки и такой же орнамент нами неоднократно встречался на костяных ручках от ножей XIII-XIV вв. в горной зоне Северного Кавказа (Келийский, Шуанский склеповые могильники). Вполне вероятно, что и в данном случае они являлись накладками на рукоять ножа из погребения №2 кургана 1 группы 4 Калиновского курганного могильника в Чечне.

6. Наконечники стрел.

В захоронении кочевника из-под сел. Новоселицкое был встречен один фрагментированный наконечник стрелы. Он находился под верхней частью клинка сабли. Представлял собой обломок черешка со следами древесного тлена на нем. Форма самого наконечника стрелы не устанавливается. Длина обломка 2,0 см, размеры сечения до 0,75x0,5 см. Этот железный обломок был вставлен в костяную насадку – так называемый "свистунок". Костяная насадка биконической формы, с продольным и сквозным отверстием, внешняя поверхность зашлифована. Длина 2,2 см, диаметр у срезов 0,8 см, диаметр по ребру 1,3 см, диаметр отверстия 0,7 см (рис.20,9; рис.47,15).

Наконечники стрел были встречены и в захоронении у хут. Пролетарского. Это, как их описывает Ю.В. Зеленский, "три черешковых наконечника стрел – срезень, двулопастной (? – Е.Н.) и четырехгранный" (рис.21,14-16; рис.47,16,25-26). "Двулопастные наконечники, – отмечает Ю.В. Зеленский, – Г.А. Федоров-Давыдов выделил в тип ВIII. Аналогии им известны в Тлявгуловских курганах Приуралья. Такие же наконечники, датируемые XIII-XIV вв., найдены в курганах белореченской культуры и в Молдавии в Старом Орхее, в слоях XIV в". [Зеленский Ю.В. 1997].

Между тем, данный наконечник стрелы не является "ни срезнем", "ни двулопастным" наконечником. Если речь идет о самом крупном наконечнике стрелы (рис.47,16), то его обычно описывают как находки "в виде лопаточки с тупо – или прямоугольным острием" [Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1983, тип.А6]. К золотоордынской эпохе относятся и два других наконечника стрелы из того же захоронения (рис.47,25-26).

Наконечники стрел были зафиксированы и в погребении №1 кургана 1 могильника "Кривуша-84". Все они "были отмечены около сосуда и в районе правого колена погребенного. Всего было найдено 13 железных черешковых наконечников стрел (рис.47,1-12,21). Один – плоский треугольный, три – бронебойные узкие, пирамидальные, три – бронебойные шиловидные квадратного сечения с простым упором, два – бронебойные ланцетовидные квадратного сечения, два – бронебойные пулевидные круглого сечения, один – бронебойный килевидный, один – обломок" [Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003]. Касаясь датировки этих наконечников стрел, стоит разделить точку зрения А.В. Евглевского и Т.М. Потем-

киной, справедливо отнесших наконечники стрел из этого комплекса к золотоордынской эпохе [Евглевский А.В., Потемкина Т.М. 2000, с.220, прим.1].

Наконечники стрел из погребения №2 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника (рис.47,13-14,22-23) – золотоордынского времени.

Таким образом, эти экземпляры дают все основания для того, чтобы интересующие нас погребения относить к XIII-XIV вв. Особо обратим внимание на находку костяного "свистунка" из погребения 3 кургана 1 у сел. Новоселицкое на Ставрополье. Данная находка – достаточно редкая для Северного Кавказа, хотя самые поздние из них нам известны по раскопкам Белореченских курганов на Кубани [Левашова В.П. 1956, с.178, с.179, рис.3,13]. Вместе с тем, подобные насадки на наконечники стрел характерны больше для территории Центральной Азии, где наиболее ранние их образцы встречены в древностях, связываемых с киданями. [Худяков Ю.С. 1991, с.77]. Влияние их на монголов и, в особенности, на военное дело, общеизвестно [Худяков Ю.С., Цэмэнжорж Д. 1988, с.22-28; Горелик М.В. 2002]. Сегодня хорошо известны и иные Чингизидские привнесения из области вооружения, распространившиеся вместе с ними по территории Восточной Европы, своим происхождением связываемые с заимствованиями из военного дела киданей [Горелик М.В. 2002; Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.И. 2003, с.195-111]. Подобные привнесения ныне известны не только на территории Восточной Европы, но и на Северном Кавказе и были "разнесены", как считается, вместе с ордами Чингизидов. Таким же образом, к числу Чингизидских привнесений, вероятно, следует относить и "свистунок" из погребения 3 в кургане у с. Новоселицкое на Ставрополье. А это, вкупе с другими находками отсюда, датировку погребения, предложенную В.А. Кореняко и А.Г. Атавиным, должно существенно скорректировать: позволяет рассматривать данное погребение, как захоронение, как минимум, не раннее первой половины XIII века.

7. Фрагмент рукояти плети.

Находки различных деталей от плетей, как правило, в позднекочевнических захоронениях представлены ручками плетей, встреченными как в виде подъемного, так и раскопчного материала с территории бытовых памятников [Заки-

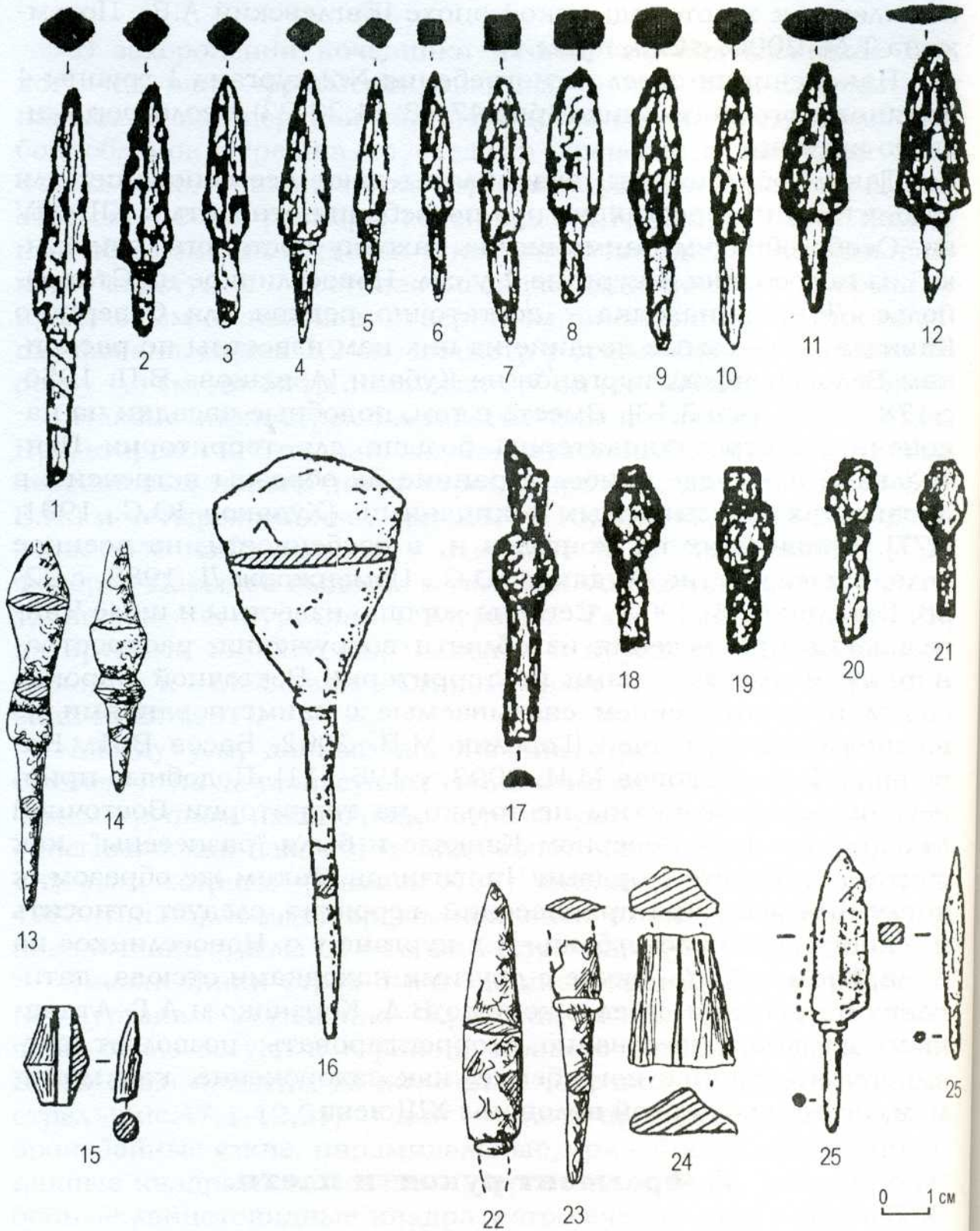

Рис.47. Наконечники стрел, фрагмент лука (24), "свистунок" из кости (15) из позднекочевнических захоронений.

рова И.А. 1988, с.228, рис.100,11, с.229, рис.101,1]. Есть они ныне и среди погребального инвентаря поздних кочевников [Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. 2001, с.162, рис.2,2].

В погребении 1 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника рукоять плети – из бронзовой пластины, свернутой в виде расширяющегося кверху раструба. Раструб искусственно поврежден и фрагмент верхней части отогнут внутрь. Нижняя часть трубки сужается и запаяна накладной пластиной. Вся внешняя поверхность рукояти имеет сквозные отверстия; сохранились и отверстия для крепления (посредством гвоздиков) рукояти к деревянной основе самой плети. находка, если учитывать иные категории погребального инвентаря из этого же захоронения, золотоордынского времени.

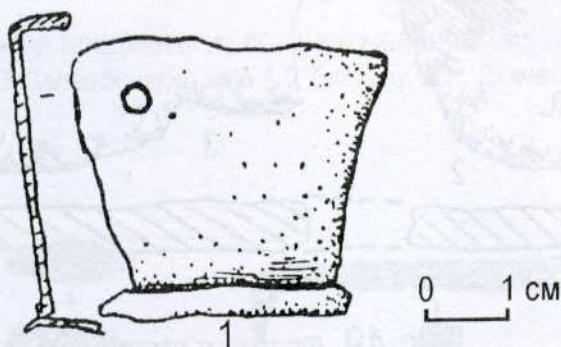

Рис.48. Фрагмент оббивки рукояти плети (бронза).

8. Фрагменты стремени.

Фрагменты одного стремени были встречены только в погребении 1 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне (рис.49,1). Это фрагменты широкой подножки и дужки (рис.49,1). К сожалению, у стремени отсутствуют остальные части корпуса и прорезь, что не позволяет нам уверенно соотносить находку с тем или иным типом стремян по классификации Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.12]. Тем не менее, если сравнивать имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты с двумя стремянами, к примеру, из другого разрушенного захоронения кургана №3 Калиновского могильника [Хашегульгов Б.М. 1989, курган 3. альбом], датированного монетой Хызра [Нарожный Е.И. 1998, с.329], то они могут быть отнесены к золотоордынской эпохе.

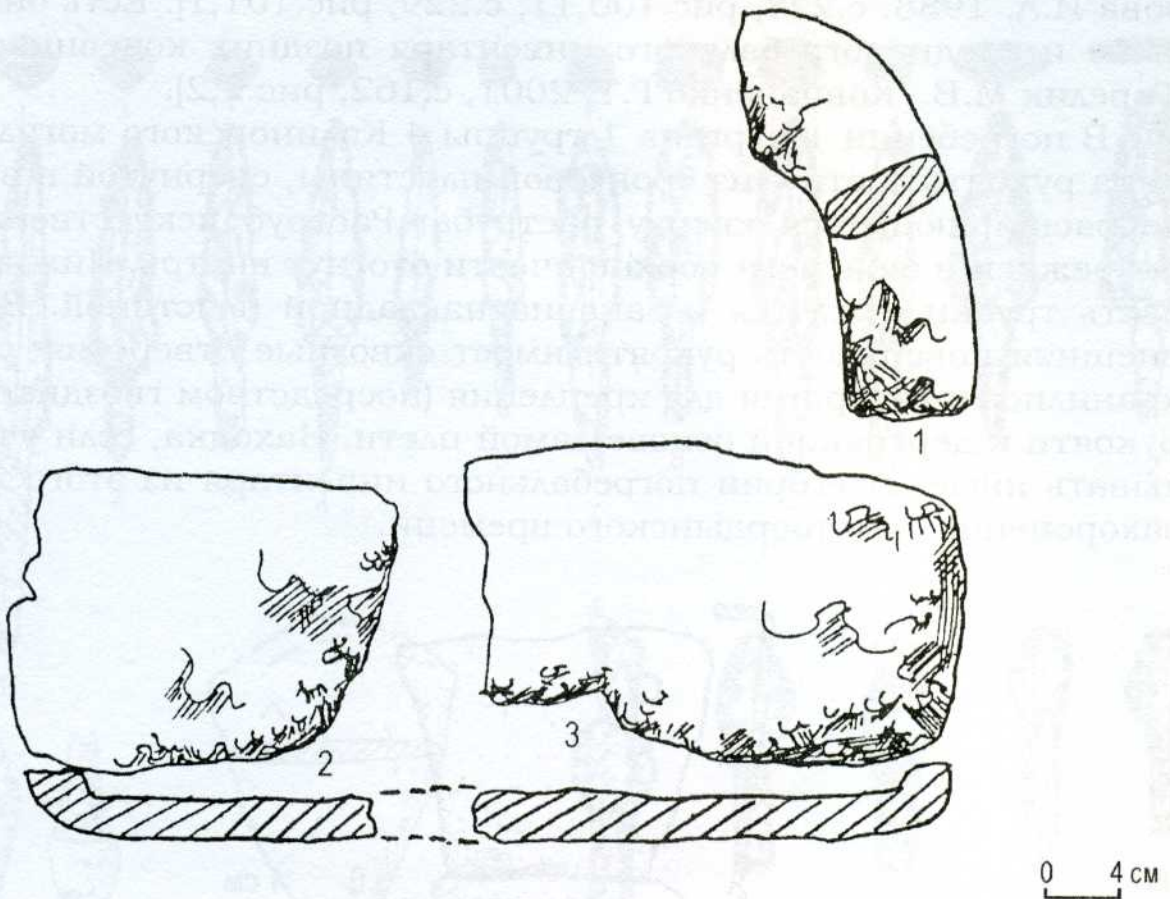

Рис.49. Фрагмент стремени.

Категория 5. Прочие предметы.

Это фрагмент бронзовой крученой проволоки (рис.51,8) из погребения №1 могильника "Сухая Балка". Проволока в сечении круглой формы. Ее диаметр – 0,6 мм. Функциональное назначение предмета неизвестно. Правда, в раскопочных материалах Келийского могильника XIII-XIV вв. из горной Ингушетии близкие предметы использовались в качестве крепления ножен ножа или иных предметов в ножнах или в чехле, носившихся на поясе.

К числу прочих предметов мы относим и железные П-образные скобы (рис.51,3-4) из того же погребения №1 могильника "Сухая Балка". Скобы кованые и относятся к системе крепления деревянного гробовища. Подобные скобы П-образной и С-видной формы известны по раскопкам позднекочевнических и грунтовых могильников эпохи средневековья. Любопытно, что такими скобами скрепляли гробовища и

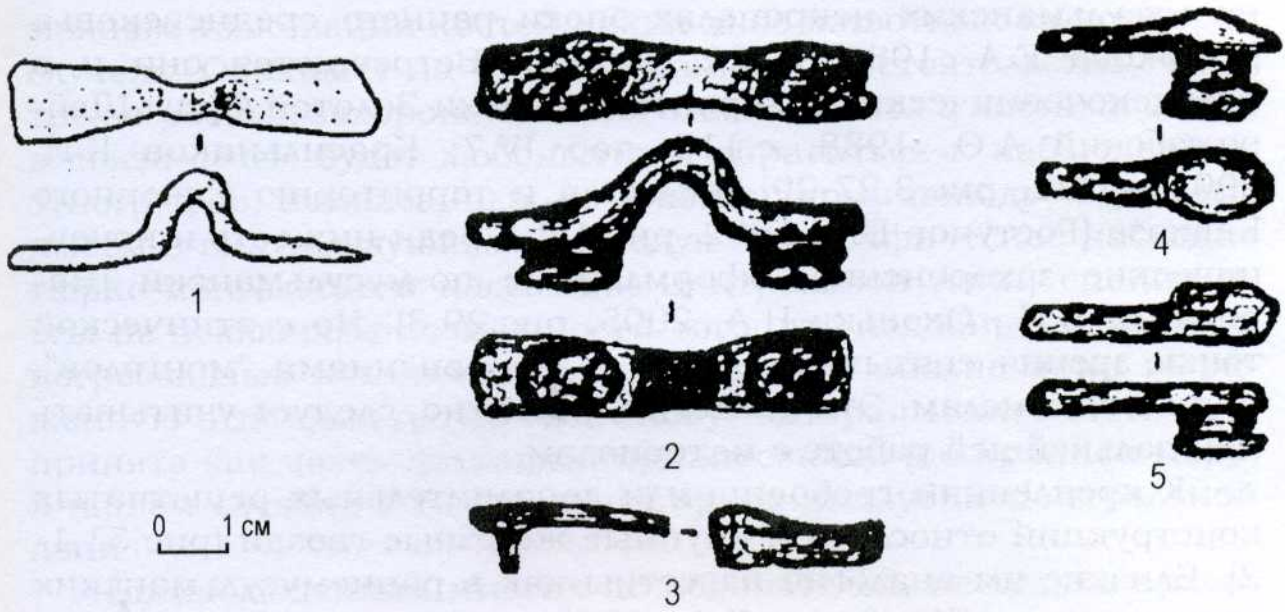

Рис.50. Железные предметы из позднекочевнических захоронений:
1. По Ю.В. Зеленскому; 2-5. По А.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину.

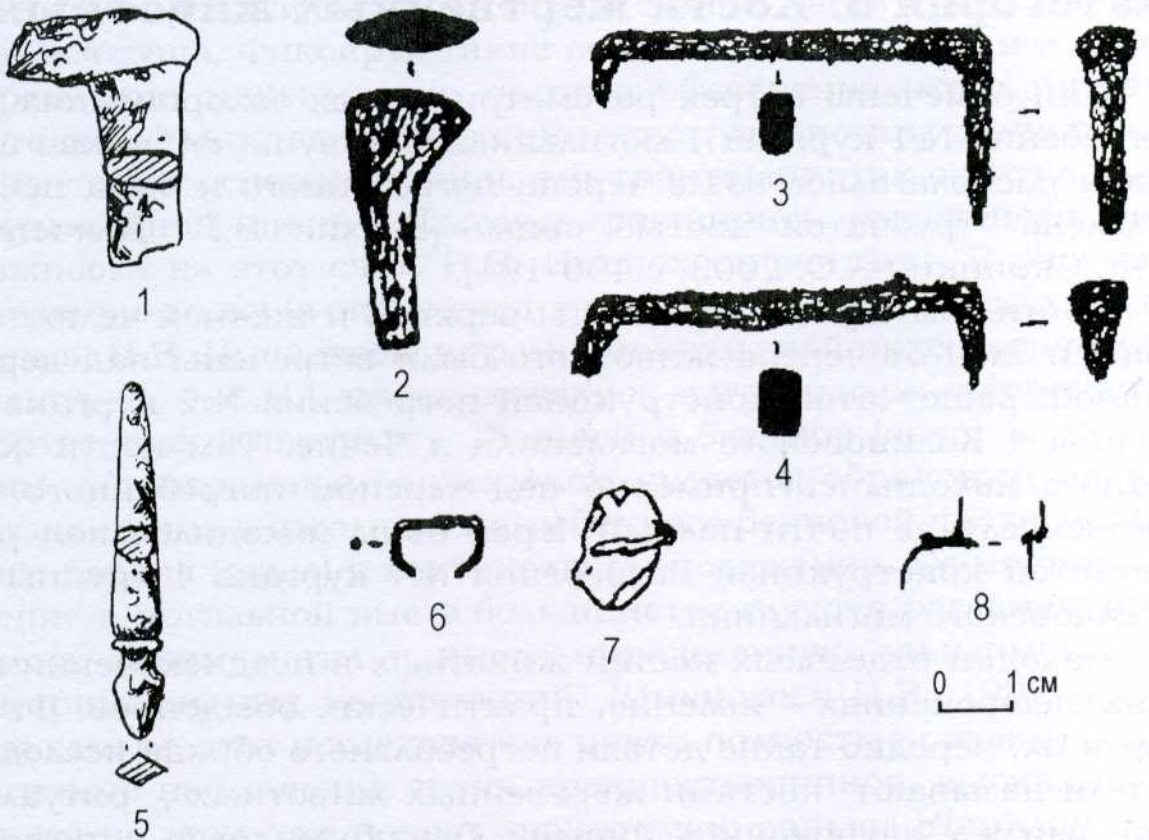

Рис.51. Прочие предметы из позднекочевнических захоронений.

на мусульманских некрополях эпохи раннего средневековья [Халикова Е.А. 1986, с.122, рис.17]. Встречаются они и в позднекочевнических захоронениях эпохи Золотой Орды [Добролюбский А.О. 1988, с.110, табл.IV,7; Красильников К.И. 2001, с.222, рис.3,27-29], включая и территорию Северного Кавказа [Ростунов Е.В. 1992. рис.13]. Среди них есть и кочевнические захоронения, оформленные по-мусульмански [Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005, рис.29,3]. Но с этнической точки зрения связываются они с захоронениями "монголов", принявших ислам. Эти аналогии, вероятно, следует учитывать при дальнейшей работе с материалом.

К креплениям гробовищ или дополнительных решетчатых конструкций относятся и крупные железные гвозди [рис.51,1-2]. Близкие им аналогии известны как в раннемусульманских захоронениях [Халикова Е.А. 1986, с.122, рис.17], так и в позднекочевнических захоронениях Северного Кавказа [Ростунов Е.В. 1992, рис.367,1-2; рис. 3721-3,5, рис.363,1-4 и сл.].

Категория 6. Кости жертвенных животных.

Они отмечены в трех рассматриваемых захоронениях. В погребении №1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" такая находка располагалась возле черепа погребенного и была представлена "трубчатой костью овцы" [Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.190-191].

Во втором случае фрагменты верхней и нижней челюстей овцы и тлен от черепа животного были встречены над деревянной, решетчатой конструкцией погребения №2 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне. Там кости животного находились примерно над черепом погребенного. В третьем случае почти полный череп овцы находился над решетчатой конструкцией погребения №4 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника.

Находки отдельных костей животных в позднекочевнических захоронениях – явление, практически, обыденное. Фиксируя их, нередко такие детали погребального обряда исследователи называют "костями жертвенных животных", "ритуальной" или же "заупокойной пищей". Однако никогда нет твердой уверенности в том, к какому из этих определений стоит относить интересующие нас находки, включая и вышеотмеченные. Впрочем, нет такой же уверенности и в ином воз-

можном толковании костей каких-либо животных во всех трех случаях. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в трех и разных захоронениях мы сталкиваемся с костями овцы, в связи с чем будет любопытным обратиться к наблюдениям этнографов, высказанных по аналогичному поводу. Здесь мы имеем в виду следующее. Исследуя этнографическое наследие тюрко-монгольского населения Центральной Азии, специалисты не исключают возможности того, что подобные находки в погребальных комплексах могли иметь и вполне ярко выраженную этнокультурную подоснову, которая может быть воспринята как часть традиции, привнесенной (по крайней мере, в нашем случае), в Восточную Европу из глубин Центральной Азии.

По наблюдениям многих исследователей, не только археологов, но и этнографов, наличие внутри погребальной ямы или в насыпи кургана полной туши, отдельных ее частей и костей барана (овцы) было характерно для монголов.

Как правило, особой "популярностью" в ритуальном и погребальном церемониале средневековых монголов играла нога (стегно) барана или овцы, значительная часть с позвонками или вся туша. Фиксируя такие остатки, исследователи в своем стремлении максимально полного объяснения этого ритуала нередко ссылаются на описания этнографических данных, которые дают основания лишь для трактовки этих остатков как "заупокойной пищи". Пытаясь расширить имеющиеся возможности на этот счет, Н.В. Именохоев считает: "В рассматриваемую эпоху (в эпоху средневековья – Е.Н.) в рамках выделяемой Н.В. Именохоевым раннемонгольской археологической культуры" – Е.Н.) практиковались ритуальные захоронения жертвенных животных – лошадей и баранов (овец) ... Всеобщим и "генеральным" признаком является обрядовый ритуал установления в изголовье погребенного берцовой части задней ноги барана (овцы) в вертикальном положении. Ее местоположение в могильной яме в большинстве случаев регламентировалось типом могил и имело определенную зависимость от внутримогильных конструкций" [Именохоев Н.В. 1992, с.35]. Тем самым, этот исследователь почти полностью разделал аналогичные наблюдения своих предшественников, высказывавшихся по этому же поводу значительно раньше [Данилов С.В. 1985, с.87-88]. Применительно к Восточной Европе захоронения частей барана или овцы фиксировалось значительно реже и не только внутри, но и над погребальной ямой, или на отда-

ленной периферии от нее, под курганной насыпью. Иная семантика этих частей туши, впрочем, как и всего захоронения барана, определяется другими авторами. Некоторые из них видят в подобных деталях обряда своеобразную реминисценцию древнемонгольской традиции – почитания "старинного культа барана" [Галданова Р.Р. 1992, с.74].

При этом та самая "старинная традиция" нередко четко разделяла функции, выполнявшиеся в захоронении как тушей барана, так и тушей овцы в погребальных ритуалах древних и средневековых монголов. "У монгольских народов баран, наряду с лошадью, считался животным "халууи", т.е. единородным и единокровным, а также " эрдени", т.е. драгоценным и священным. Овца – неизменно жертвенное животное. Ритуальная масть овцы должна быть белой, иногда – белой с желтой головой; иногда – белой с черной головой и белым пятном на лбу. Мясо барана, его кости, шкура, шерсть, рога всегда воспринимаются как обладающие магической очищающей и плодоносной силой " [Галданова Р.Р. 1992, с.74-75].

Что же касается разрозненных костей барана, то они всегда "наделялись отдельными и определенными функциями, использовались в бытовой и обрядовой практике: при исполнении обрядов "жизненного цикла", для придания почетности в случае смерти старцев, после чего их клали в могилу" [Галданова Р.Р. 1992, с.74-75]. В свете этих сугубо этнографических наблюдений, нахождение в вышеотмечавшихся захоронениях отдельных костей или частей туши овцы или барана можно рассматривать как отголоски каких-то специальных, ритуальных действий, реализовавшихся в момент совершения захоронения и связывать их с проявлениями этнографических (традиционных), "монгольских" церемониальных действий. Однако, если такое определение роли "жертвенных" костей животного в "монгольских" погребениях 2 и 4 Калиновского могильника могут быть сопоставлены с указанной традицией, то некоторые сомнения на этот счет могут возникнуть при атрибуции погребения 1 в кургане могильника "Кривуша-84", напомним, атрибутированного как захоронение половца. Тем не менее и в этом случае может быть найдено объяснение ситуации, к чему, мы еще вернемся.

Рассмотрев вещевые наборы, выявленные на могильнике "Сухая Балка" и некрополе городища Верхний Джулат (насколько это было возможным), а также из "прочих захоронений" поздних кочевников Северного Кавказа, мы можем кон-

статировать тот факт, что наборы таких предметов, за редким исключением, вполне традиционны для захоронений поздних кочевников Восточной Европы. Они немногочисленны, разнообразны и, вроде бы, не дают четких оснований для определенной временной их датировки. Известные же им аналогии указывают лишь на достаточно длительный временной размах их бытования. Между тем, приведенные выше комментарии к тем или иным категориям вещевых находок из позднекочевнических захоронений, используемых нами в работе, все-таки дают повод для некоторых обобщений.

Находки отдельных типов стеклянных бус, к примеру (и это уже отмечалось выше), встречающихся в двух захоронениях (№1 и №3) могильника "Сухая Балка" и в погребении №6 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника демонстрируют то, что эти погребения синхронны. Данное обстоятельство, несмотря на то, что в первом случае захоронения характеризуются устойчивой западной ориентировкой погребенных, а во втором – северной, дают определенный повод и для некоторых уточнений. Аналогичную картину показывают нам и костяные пуговицы, встреченные в погребении №3 в кургане у с. Новоселицкое на Ставрополье, в курганах у хут. Пролетарского, могильника "Кривуша-84" в Краснодарском крае и погребении №1 группы 2 Калиновского могильника в Чечне. Ту же самую относительную синхронность погребений с различными ориентировками демонстрируют и находки бронзовых бубенчиков. Аналогичный вывод в отношении сразу нескольких захоронений позволяют нам делать и концевые, декорированные концентрическим орнаментом, костяные накладки. Обнаруженные в курганных захоронениях у с. Новоселицкого, хут. Пролетарского, могильника "Кривуша-84" и в кургане 1 группы 2 Калиновского могильника, эти накладки указывают на примерно одинаковое время бытования этих предметов и, следовательно, захоронений, в которых они обнаружены. Еще одна находка такой накладки с территории золотоордынского поселения в Чечне, на наш взгляд, ограничивает верхнюю хронологическую грань бытования таких предметов, использовавшихся и во время существования Золотой Орды. Если между погребениями с такими накладками и существовал какой-то хронологический разрыв, то он, вероятно, должен быть незначительным. Данный вывод подталкивает к тому, что рассматриваемые нами различные погребальные комплексы, имевшие и различную ориентировку погребенных, скорее всего, отлича-

лись не только по этническим признакам. Становится заманчивым предположить, что помимо этнических различий, определявших разную ориентировку, могли существовать и какие-то иные, возможно, хронологические причины, обусловившие смену традиционных ориентировок на одну устойчивую ("всеобщую"), головой на запад.

В развитие этих же наблюдений укажем и на существование в тех же захоронениях других, типологически близких предметов: сабель, шлемов, наконечников стрел и пр.

Однако для проверки и развития этих наблюдений одного только вещевого материала может оказаться недостаточно. По этой причине мы обратимся к сравнительному анализу погребального обряда захоронений, чему посвящена следующая глава.

Литература

- Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997.** Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып.3. – Армавир-М.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. 1984.** Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск.
- Атавин А.Г., Каменецкий И.С. 2002.** Харинка: средневековый слой // НАВ. Вып.5. – Волгоград.
- Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.П. 2003.** О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып.2. – Армавир.
- Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003.** Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып.3. – Краснодар.
- Васильев Д.В. 1998.** Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // ДВДС. Вып.6. – Волгоград.
- Валеев Ф.Х. 1975.** Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола.
- Винников А.З., Цыбин М.В. 2002.** Материалы Новохарьковского могильника // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. – Воронеж.
- Виноградов В.Б. 1973.** Отчет о результатах археологических работ в 1973 году. – Грозный // Архив ЦАИ АГПУ.
- Виноградов В.Б. 1977.** О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных памятников Северного Кавказа // ИСКНЦ ВШ. Общественные науки. №1. – Ростов-на-Дону.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1988.** Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII-XIV вв. // Тезисы докладов научной конференции "Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных)". – Тбилиси.

- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1994.** Погребения Келийского могильника (горная Ингушетия) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. – Краснодар.
- Виноградов В.Б., Савенко С.Н., Нарожный Е.И. 1988.** Работы Чечено-Ингушского университета // АО 1986 года. – М.
- Волков И.В. 2002.** Адыгские памятники Ачуевского мыса // МИАК. Вып.2. – Краснодар.
- Войтов В.Е. 1990.** Могильники Каракорума (По материалам работ 1976-1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск.
- Галданова Р.Р. 1992.** Семантика архаичных элементов одежды у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск.
- Горелик М.В. 2002.** Армии монголо-татар X-XIV в. – М.
- Горелик М.В., Дорофеев В.В. 1990.** Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока. Вып.2. – Л.
- Горелик М.В., Ковпаненко Г.Г. 2001.** Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. – Пенза.
- Даутова Р.А. 1979.** О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII-XVIII вв. горной Чечено-Ингушетии // АВВЭИСК. – Грозный.
- Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 1989.** Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (По результатам раскопок Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. – Грозный.
- Данилов С.В. 1985.** Жертвоприношения животных в погребальном обряде монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1989.** Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М.
- Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шанкорь О.А., 1995.** Археологические исследования у сел. Абганорово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. – Волгоград.
- Добролюбский А.О. 1988.** Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. – Киев.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. 2000.** Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. – Донецк.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. 2000а.** О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских кочевников развитого средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. – Донецк.
- Закирова И.А. 1988.** Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.
- Зеленский Ю.В. 1997.** Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // ИАА. Вып.3. – Армавир-М.

- Зеленский Ю.В. 1998.** Половецкие погребения из Прикубанья и Закубанья // ДК. Вып.6. – Краснодар.
- Иванов В.А., Кригер В.А. 1988.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). – М.
- Ильюков А.С., Казакова Л.М. 1988.** Курганы Миусского полуострова. – Ростов-на-Дону.
- Именохоев Н.В.** Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск.
- Кравченко А.А. 1989.** Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV вв.). – Киев.
- Красильников К.И. 2001.** К вопросу о монгольском периоде на Среднем Подонцовье // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.15. Средневековые древности Евразийских степей. – Воронеж.
- Крамаровский М.Г. 1985.** Серебро Лепанта и художественный металл Северного Причерноморья XIII-XV веков (По материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. – Л.
- Крамаровский М.Г. 2001.** Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб.
- Кирпичников А.Н. 1971.** Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств XI-XIII вв. // САИ. Вып.Е1-36. – М.
- Кокорина Н.А. 2002.** Керамика Волжской Булгарии второй половины XI - начала XV вв. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). – Казань.
- Ковычев Е.В. 1981.** Монгольские памятники в Восточном Забайкалье // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск.
- Кореняко В.А., Атавин А.Г. 1986.** Позднекочевнические погребения в курганах у сел. Новоселицкое (Ставропольский край) // КСИА. Вып.183. Средневековая археология Восточной Европы. – М.
- Крупнов Е.И. 1941.** История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века. Рук. Дис...к.и.н. – М.
- Крупнов Е.И. 1971.** Средневековая Ингушетия. – М.
- Кузьмин В.Н. 2000.** Позднекочевническое погребение на территории г. Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1998 году. – Азов.
- Кузнецов В.А. 1993.** Нижний Архыз в X-XII вв. – Ставрополь.
- Кузнецов В.А. 2003.** Эльхотовские ворота в X-XV вв. – Владикавказ.
- Ларенок В.А. 1991.** Позднекочевнический могильник на р. Сал // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. – Азов.
- Ларенок В.А. 1992.** Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у хут. Семенкин // ДД. Вып.1. – Азов.
- Левашова В.П. 1956.** Белореченские курганы // Труды ГИМа. Вып.22. – М.
- Малиновская Н.В. 1974.** Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. – М.
- Мальм В.А. 1980.** Симферопольский клад. Буклет. – М.

- Мамаев Х.М., Чаккиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1983.** Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. – Грозный.
- Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. 2001.** Серьги и подвески в виде знака вопроса на территории Северного Кавказа (Некоторые вопросы генезиса и хронологии) // Северный Кавказ в межцивилизационных контактах и диалогах: от древности к современности. Тезисы региональной научной конференции, посвященной 10-летию исторического факультета АГПИ (24-25 октября 2001 г.). – Армавир.
- Мамонтов В.И. 1993.** Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка-II // ДВДС Вып.3. – Волгоград.
- Мамонтов В.И., Ситников А.В. 1995.** Памятники средневековья у станции Глазуновской // ДВДС Вып.5. – Волгоград.
- Марченко И.И., Тургиев Т.Б. 1980.** Грунтовый могильник у сел. Дзаурикау // Проблемы археологии Северной Осетии. – Орджоникидзе.
- Марченко И.И., Пьянков А.В. 2002.** Курган №37 могильника Лобанова щель // МИАК. Вып.2. – Краснодар.
- Миллер А.А. 1909.** Раскопки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // ИАК. Вып.33. – М.
- Милорадович О.В. 1963.** Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА №114. Средневековые памятники Северной Осетии. – М.
- Минаева Т.М. 1957.** Археологические работы в долине р.Сунжи // Сборник трудов историко-филологического факультета. Вып.13. – Ставрополь.
- Мужухоев М.Б. 1977.** Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII-XVIII вв. – Грозный.
- Нарожный Е.И. 1990.** Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований Келийского могильника в 1987 году. – Грозный // Архив ЦАИ АГПУ.
- Нарожный Е.И. 1998.** Восточные и Западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья (Археолого-историческое исследование). Рукоп. Дис... к.и.н. 07.00.06-Археология. – Армавир.
- Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чаккиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1990.** Полуподземные склепы Келийского могильника (По материалам охраненных археологических исследований в 1987 году) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005.** Новопавловский могильник в системе евразийских древностей XIV-XV веков. – Ставрополь (в печати).
- Нарожный Е.И., Подгорный М.П. 1989.** Серьги в виде знака вопроса из раскопок Келийского могильника // Студенческие археологические открытия 1987-1988 гг. Тез. докл. и сообщ. – Грозный.
- Нарожный Е.И., Рахимкулова Ф.Б. 1991.** Два перстня-печати из высокогорной Ингушетии // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охраненных археологических исследований 1989-1990-х годов. – Грозный.
- Недашковский Л.Ф. 2000.** Золотоордынский город Укек и его округа. – М.

- Плетнева С.А. 1981.** Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти т. – М.
- Полубояринова М.Д. 1988.** Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.
- Полубояринова М.Д. 1991.** Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М.
- Полякова Г.Ф. 1996.** Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов и литейщиков. – Казань.
- Отрощенко В.В., Рассамахин Ю.Я. 1986.** Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археология. №53. – Киев.
- Отрощенко, В.В., Рассамахин Ю.Я. 1991.** Половецкий хан у Чунгульского кургану // Золото Степу. – Шлезвиг.
- Полякова Г.Ф. 1996.** Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань.
- Ростунов Е.В. 1992.** Отчет о раскопках курганов у сел. Коби (Шелковской район Чечни). – Грозный // Архив ЦАИ АГПУ.
- Саханев. В.В. 1914.** Раскопки на Северном Кавказе в 1911 году // ИАК. Вып.12. – М.
- Сизов В.И. 1912.** Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК. Вып. II. – М.
- Стрельченко М.Л. 1960.** Вооружение адыгейских племен в X-XV вв. (По материалам Убинского могильника) // Наш край. Вып.1. – Краснодар.
- Стрельченко М.Л. 2002.** Адыгейский средневековый могильник Хазаровой щели (Туапсинский район) // МИАК. Вып.2. – Краснодар.
- Схатум Р.Б. Дымченко В.Н. 2003.** Шлем из кургана №24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция // Магистеріум. Вып.1. – Краснодар.
- Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. 2001.** Погребения первой половины II тыс н.э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул.
- Умаров С.Ц. 1972.** Средневековая материальная культура горной Чечни XIII-XVIII вв. Рукоп. Дис. ... к.и.н. 07.00.06. Археология. – М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1960.** Находки Джучидских монет // НЭ. Т.1 – М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1981.** Торговля нижевожских городов Золотой Орды 1998 // МИАП. Вып.1. – Йошкар-Ола.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1994.** Золотоордынские города Поволжья. – М.
- Фидаров Р.Ф. 2004.** Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. Вып.1 – Владивказ.
- Шалобудов В.Н. 1982.** Позднекочевнический могильник XIV века у села // Древности степного Поднепровья (III-I тысячелетия до н.э.). – Днепрпетровск.
- Халикова Е.А. 1988.** Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X-XIII вв. – Казань.

- Хашегульгов Б.М. 1989.** Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследованиях курганов в Наурском районе ЧИАССР. – Грозный // Архив ЦАИ АГПУ.
- Хлебникова Т.А. 1984.** Керамика памятников Волжской Булгарии (К вопросу об этнокультурном составе населения). – М.
- Худяков Ю.С. 1991.** Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск.
- Худяков Ю.С., Цэмэндорж Д. 1988.** Реконструкция комплекса вооружения панцирного воина из могильника Цогт-Хтргист-Холхой в Гоббийском Алтае // Проблемы военной истории народов Востока. Вып. 1. – М.
- Чаккиев Д.Ю. 1985.** Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. – Грозный.
- Чаккиев Д.Ю. 1992.** Оружие вайнахоа // Сабли рая. Горское оружие в Кавказской войне. – Грозный.
- Чаккиев Д.Ю., Нарожный Е.И. 1989.** Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. – Грозный.
- Чаккиев Д.Ю., Нарожный Е.И. 1990.** Погребение знатного горского воина начала XV века из сел. Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск.

Глава 3. Погребальный обряд

1. О погребальном обряде и об этнической принадлежности Верхне-Джулатского могильника: версия автора раскопок.

Интересующая нас проблема вполне традиционна для глубоко археологических исследований и прямо вытекает из рассмотрения погребальных комплексов, погребального инвентаря, и позволяет, в конечном итоге, выходить уже на уровень этнокультурной атрибуции тех или иных погребений. Между тем, подобная работа сопряжена не только с предварительной проработкой имеющейся литературы, синхронных материалов и прочего. Во многом определяющим в такой оценке является и субъективное стремление того или иного исследователя к усложнению или, наоборот, упрощению такой задачи. В итоге получается вполне связное, а иногда внешне убедительное повествование, заставляющее принимать только на веру обобщающие заключения. Чтобы не быть голословным, обратимся для начала к анализу погребального обряда и этнокультурной атрибуции погребенных на могильнике Верхний Джулат в версии известного кавказоведа В.А. Кузнецова. Цитируя наблюдения этого автора максимально полно, мы стремились лишь продемонстрировать то, как в современном кавказоведении иногда весьма "просто" решаются подобные проблемы. Впоследствии они становятся всех устраивающими и включаемыми в обобщающие исследования по археологии и истории Северного Кавказа. Всех несогласных с полученными выводами В.А. Кузнецов запросто "обвиняет" в неких "вольных упражнениях в археологии". При этом, как вытекает из подобного рода "заключений", кавказовед не сомневается в справедливости подобных упреков, совершенно не задумываясь о том, что он и сам зачастую способствует их появлению или порождает такие, даже не отдельные "вольные упражнения", а целую их систему [Нарожный Е.И. 2004, с.104-107]. Чтобы убедиться в этом, обратимся, прежде всего, к его этнокультурной оценке могильника на городище Верхний Джулат.

Пытаясь решить вопрос этнокультурной атрибуции захоронений, встреченных под "городской площадью" Верхнего Джулата, В.А. Кузнецов обращает внимание своих читателей на то, что "для всех описанных погребений характерна запад-

ная или близкая к ней ориентировка и вытянутое положение, отсутствие вещей". Все это привело его к выводу: "Складывается впечатление о том, что могильник христианский. Но некоторые могилы (напр. 16,17,21,22) с северной стороны имели каменную кладку в один ярус – интересная деталь, встреченная впервые. Как отдаленную аналогию приведу, – рассуждает далее В.А. Кузнецов, – подкурганые погребения у аула Кубина в Карачаево-Черкессии, раскопанные Т.М. Минаевой и датированные ею XI-XII вв. По мнению Т.М. Минаевой, погребения у аула Кубина оставлены половцами, что подтверждается наличием конской туши или ее частей в одном из кубинских захоронений. В рассматриваемых здесь (Верхний Джулат – Е.Н.) могилах конских туш нет. Но наличие каменных оградок в погребениях Кубины и Верхнего Джулата их сближает" [Кузнецов В.А. 2003, с.161].

Далее, развивая свои наблюдения, В.А. Кузнецов высказывается более определенно. Найдя в общеизвестной книге Г.А. Федорова-Давыдова по археологии кочевников Восточной Европы точку зрения о том, что "половцы были одним из преобладающих этносов в золотоордынских степях", и то, что "в Орде господствовал кипчакский язык" [Кузнецов В.А. 2003, с.161], кавказовед размышляет далее. "Отсутствие курганных насыпей на Верхнем Джулате, – подчеркивает он, – объяснимо строительством мостовой над могильником – насыпи мешали и их снесли; более того, Г.А. Федоров-Давыдов писал: "Как только эти кочевники попадают отдельной группой в чуждую им этническую среду, так их этнические признаки и, прежде всего, курганные обряды погребения исчезают". "Сошлемся также и на свидетельство Гильома Рубрука о погребениях половцев в курганах, мавзолеях каменных и кирпичных и другие погребения в направлении востока, имевшие большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади. Именно подобные, но поставленные в ряд с одной стороны камни вдоль могилы мы и имеем на Верхнем Джулате – возможно, местная модификация половецкого обряда, изменившегося под воздействием условий. Если бы удалось доказать кипчакско-половецкую принадлежность могильника, это оказалось бы важным свидетельством смешанности населения Верхнего Джулата в XIV веке и подтвердило бы наблюдение В.М. Батчаева о том, что основной причиной заселения половцами плоскостной Алании в

XIII-XIV вв. являлось крушение традиционной системы кочевого скотоводческого хозяйства, как следствие монгольского завоевания, а это заселение привело к появлению смешанной алано-половецкой среды Центрального Предкавказья" (выделено мною – Е.Н.) [Кузнецов В.А. 2003, с.162].

Таким образом, сначала дав предварительное суммарно-обобщающее описание 28 верхне-джулатских захоронений, обнаруженных, якобы, под "городской площадью" этого городища, В.А. Кузнецов тут же переходит к определению места и роли такой "площади" в жизни городища (и не только его – Е.Н.), вполне определенно представляет этническую атрибуцию погребенных и весьма быстро находит "подтверждения" особенностям погребального обряда на могильнике в описаниях Г. Рубрука. Для неискушенного читателя, может быть, такие оценки и могут показаться не только серьезными, но и, своего рода, знаковыми. Однако, несмотря на всю понятность и стройность доказательной базы Владимира Александровича, рассуждения эти вряд ли объективно исчерпывают поставленную им проблему – проблему этнокультурной атрибуции захороненных на Верхнем Джулате и не только на этом некрополе.

Во-первых, мы не станем сравнивать верхнеджулатские захоронения с описанием захоронений кочевников в четырехугольных оградках из процитированного В.А. Кузнецовым сообщения Г. Рубрука. Рубрук действительно описывал оградки "тюркского облика", характеризовавшиеся наличием у них четырех высоких камней или изваяний, установленных по углам таких сооружений. Подобные сооружения хорошо известны и являлись присущими для тюркоязычных обитателей Евразии [Азбелев П.П. 1994, с.129-138; Костюков В.П. 1994, с.138-157; Ермоленко Л.Н. 1991; Ермоленко Л.Н. 1994; с.157-165], либо, как предполагают другие авторы, монголам [Именохоев Н.В. 1992; Костюков В.А. 2004, с.245-266]. Ныне известны и оградки вокруг половецких святилищ, выявленных на территории Ростовской области [Волков И.В., Ларенок П.А. 1988, с.84-87; Гугуев Ю.Д., Гуркин С.В. 1992, с.114-143; Гугуев Ю.Д. 2001, с.72-82] и на Украине [Евглевский А.В. 1996, с.214-224]. Но и эти оградки, по нашему мнению, относятся к более позднему, золотоордынскому времени [Нарожный Е.И. 2003, с.245-274], и сопоставлять их с описаниями Г. Рубрука будет не совсем верным. Их вряд ли можно сравнивать с остатками вымосток над погребениями Верхнего Джулата и с остатками об-

кладок вокруг нескольких верхнеджулатских захоронений, описанных В.А. Кузнецовым.

Во-вторых, сопоставляя т. н. оградки с могильника Верхнего Джулата с оградками над подкурганскими захоронениями близ аула Кубина в Карачаево-Черкессии, речь можно вести лишь о внешнем их сходстве. Вряд ли сегодня может считаться актуальной и точка зрения о "половецкой" принадлежности захоронений близ аула Кубина, поскольку она слишком зыбка и ничем, кроме предварительно высказанного предположения Т.М. Минаевой почти полвека назад, не аргументирована. Наличие в тех захоронениях неполной туши лошади или ее частей, ныне, как известно, воспринимается сугубо половецкими деталями обряда далеко не всеми специалистами. Достаточно убедиться в этом, если обратиться к специальным исследованиям А.Г. Атавина [Атавин А.Г. 1984, с.149 т др.].

В-третьих, обосновывая сходство кубинских оградок с верхнеджулатскими, В.А. Кузнецов не стал вспоминать и о точке зрения Е.П. Алексеевой, в свое время предполагавшей, что подобные оградки являются чуть ли не традиционными для Северного Кавказа еще с глубокой древности [Алексеева Е.П. 1971, с.180-184], что могло стать одним из аргументов в пользу его предположения. Близкие оградки ныне известны и на территории Причерноморья [Новичихин А.М. 2002, с.71-77; Марченко И.И., Пьянков А.В. 2002, с.168-213; Козюменко Е.В., Раев Б.А. 2002, с.214-256], одновременные верхнеджулатским. Однако генезис этих оградок также не понятен и вызывает разнотолки.

Вместе с тем, совсем недавно П.В. Соковым была справедливо обоснована версия, согласно которой кубинские оградки синхронизируются с оградками эпохи раннего средневековья, известными на кавминводских катакомбных могильниках [Рунич А.П. 1977, с.228-236; Абрамова М.П. 1982, с.125-138], а также с оградками, выявленными на горькобалковском могильнике №2 VIII-IX вв. на Средней Кубани [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. 2003, с.112-141; Соков П.В. 2003, с.12-13; Соков П.В. 2004, с.14-16]. Их генезис этот же автор связывает с территорией Казахстана [Соков П.В. 2003, с.12-13; Соков П.В. 2004, с.15], где находит многочисленные параллели им в материалах VIII-IX вв. Тогда тождество кубинских и верхнеджулатских оградок, провозглашаемое В.А. Кузнецовым, отпадает само собой, т.к. сравниваются заведомо разновременные, хотя внешне и схожие погребальные конст-

рукции, разделенные временным диапазоном чуть ли не в полтысячи лет. По этой причине необходимо искать иные возможности в трактовке этих сооружений.

В-четвертых, не воспринимая аналогию кубинских и верхнеджулатских "оградок", как сооружений синхронных и идентичных, вероятно, следует усомниться и в предлагаемой В.А. Кузнецовым этнокультурной (половецкой) атрибуции верхнеджулатских захоронений, поскольку, помимо ничем не аргументированного предположения, этот автор больше ничего не приводит в пользу такого отождествления. К тому же, пытаясь максимально "подвести" именно к "половецкой" интерпретации раскопанных памятников, В.А. Кузнецов, вероятно, не учел, что несколькими десятками страниц выше он отрицал даже самую возможность проникновения половцев в территориальные пределы исторической "области Ардоз", в границах которой, по его мнению, находился и Верхний Джулат. В частности, исследователь писал: *"Область Ардоз, судя по всему, для половцев и иных групп тюрков осталась недоступной, тюркско-половецких археологических памятников здесь нет. Видимо, половцы не смогли перевалить через лесистый Терско-Сунженский хребет (?-Е.Н.) и не прорвались через Эльхотовские ворота в область Ардоз, остававшуюся в руках алан. Данное обстоятельство исключительно важно для понимания средневековой истории и этногенеза осетин – область Ардоз вырисовывается перед нами как истинная колыбель осетинского народа и, в первую очередь, ее иронской части вместе с прилегавшими горными ущельями. Сохранив суверенитет над этой территорией, восточные аланы сохранили себя"* [Кузнецов В.А. 2003, с.119-120] Это явное противоречие заставляет сильно задумываться: с каким же из высказываний В.А. Кузнецова стоит солидаризироваться – с тем, в котором утверждается о полном отсутствии здесь археологических древностей, оставленных половцами? Или же с тем, в котором читатель подводится к мысли об исключительно половецкой принадлежности всех 28 захоронений под "городской площадью" Верхнего Джулата? Тех самых, которые в случае обнаружения более веских аргументов, по мнению В.А. Кузнецова, могут оказаться важнейшим подтверждением и доказательством наблюдениям В.М. Батчаева о "появлении смешанной алано-половецкой среды на Центральном Кавказе" [Кузнецов В.А. 2003, с.162].

По всей вероятности, В.А. Кузнецов не столько стремился к выяснению той самой "объективной истины", сколько пытался придать максимум "научной важности" раскопанным им археологическим материалам, якобы, расставляющим все точки над *i*. Как бы там ни было, но аргументация В.А. Кузнецова, к сожалению, не убеждает. Скорее всего, необходимо попытаться абстрагироваться от обобщающих выводов этого исследователя и вновь вернуться к археологическим материалам. Тем более, очень трудно допускать возможность того, что некогда возвышавшиеся в центре верхнеджулатского городища курганы кому-то действительно "помешали", и обитатели Верхнего Джулата стали "сносить" эти насыпи для того, чтобы на месте заведомо известного курганного могильника (что называется "на костях") соорудить "городскую площадь" и, вероятно, иные общественные учреждения.

При известной ментальности и достаточно пиететном отношении "к могилам предков" представителей любого северокавказского этноса предположение выглядит странным. Тем более, аланское население продолжало оставаться и в золотоордынское время, являясь одним из основных этнокомпонентов среди остальных обитателей Верхнего Джулата [Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. 1963, с.107-121; Кузнецов В.А. 2003, с.160-170 и сл.]. Тогда, если даже и допустить реальность предположения В.А. Кузнецова, речь, вероятно, следует вести о кардинальной смене состава населения Верхнего Джулата, сознательно "уничтожавшего" эти насыпи. Но имеющиеся археологические материалы, кажется, повода для такой постановки вопроса все же не дают.

Можно предполагать также, что между периодом функционирования курганного могильника и временем возможного строительства пресловутой "площади" Верхнего Джулата, должен был существовать длительный хронологический перерыв, на протяжении которого курганные насыпи запыли и стали незаметными. Тогда, если принять точку зрения В.А. Кузнецова, датирующего могильник, подстилавший "городскую площадь" пределами XIV века, эта "площадь" по времени вряд ли ранее XV столетия. Однако достоверными сведениями о складывании в пределах этого столетия условий, в рамках которых благоустройство города подобного рода могло стать реальностью, мы не располагаем. Скорее всего, дело здесь в другом.

Описывая "городскую площадь" и приводя лишь одну фотографию раскопа на ее территории (рис.19,1), В.А. Кузнецов

настаивает на том, что вымостка этой "площади" была из булыжника и местами, якобы, выбрана. Тем самым, кавказовед попытался объяснить отсутствие четко прослеживавшейся "мостовой". При внимательном рассмотрении все той же самой фотографии (рис. 19,1) заметным становится другое: скопления из булыжника имеют разрывы между собой, а сами вымостки – с четкими контурами округлой, округло-овальной или овальной формы. Эти скопления из булыжника, особенно, если судить по наиболее сохранившимся из них и заметным на фото, представляют собой вытянутые овалы, сильно напоминающие вымостки над захоронениями на могильнике "Сухая Балка", кстати говоря, территориально не так уж и удаленного от Верхнего Джулата. Близкая их расположенность, во многом, может объяснить и упомянутые В.А. Кузнецовым "нарушения" кладки "мостовой", которые, вероятнее всего, являлись свободным пространством между такими надмогильными вымостками.

С другой стороны, кавказовед, к сожалению, не опубликовал ни общего плана "площади", не привел ни одного чертежа или стратиграфического разреза. В распоряжении заинтересованного читателя нет и плана с общей системой расположения погребенных под этой же "площадью", их нивелировками и пр. Однако, описывая эти погребения даже суммарно, исследователь особо подчеркивает: все грунтовые ямы фиксировались, как минимум, "с третьего штыка". Надо полагать, что при высоте стандартного штыка, глубина фиксации этих ям должна была быть в пределах: – 50-60 см от современной дневной поверхности. А это опять-таки сильно сближает верхнеджулатскую "городскую площадь" и захоронения под ней с ситуацией, прослеженной на могильнике "Сухая Балка". Сопоставляя все имеющиеся данные, мы все больше убеждаемся в одном: все захоронения на могильнике Верхнего Джулата, воспринятые как могильник под "городской площадью", и погребальные комплексы на могильнике "Сухая Балка" – это два синхронных некрополя. Возможно, что изначально оба могильных поля имели и курганные насыпи, под которыми находились булыжные вымостки, располагавшиеся над захоронениями. Следовательно, оба некрополя следует рассматривать как погребальные памятники, оставленные если не одним и тем же этническим массивом, то – разными, но, родственными его группами. Однако с каким конкретным этнокультурным массивом следует связывать оба могильника, пока сказать сложно.

Чтобы решить эту проблему, укажем и на другие аналогичные подкурганные захоронения, известные нам.

2. О каменных вымостках на могильниках и их аналогиях.

Сегодня помимо "Сухой Балки" и могильника на городище Верхний Джулат, на Северном Кавказе существуют и другие подкурганные захоронения, имевшие близкие каменные вымостки над грунтовыми ямами. По крайней мере, мы можем сослаться на сведения В.А. Бабенко, упоминающего такие курганы на могильнике "Айгорский-2" на территории Ставропольского края, на котором были изучены "курганы XIII-XIV вв. с каменными конструкциями" [Бабенко В.А. 2001, с.105]. К сожалению, эти материалы пока не опубликованы и реально сравнивать их с "Сухой Балкой" или же с могильником Верхнего Джулата мы не можем.

Однако помимо территории Северного Кавказа многочисленные аналогии курганам с каменными вымостками над грунтовыми ямами были широко представлены и на территории Восточной Европы. Г.А. Федоров-Давыдов по поводу таких курганов писал, что их, вкупе с другими признаками, можно соотносить с захоронения, оставленными, если не "монгольскими" племенами, вторгшимися в Восточную Европу, то с сопутствующими "монголам" обитателями Центральной Азии, Сибири или Алтая.

Аналогии близким конструкциям есть и в раскопчных материалах с территории Южного Урала [Иванов В.А., Кригер В.А.1988, с.46], отнесенных В.А. Ивановым и В.А. Кригером к золотоордынскому периоду и сопоставленных с захоронениями кипчаков. Между тем, с этой точкой зрения ныне соглашаются далеко не все специалисты, включая и одного из указанных выше авторов. Чтобы не быть голословным, приведем мнение, сформулированное уже после выхода в свет совместной монографии. Сегодня, говоря о возможной этнической характеристике тех же самых заволжских и приуральских захоронений, исследователи высказываются не столь категорично. И "вопрос о конкретной этнокультурной принадлежности", ... интересующих нас подкурганных захоронений, они относят к категории "по-прежнему ... открытых." А "ответ на него можно будет получить только после широкомасштабных и це-

ленаправленных поисков материала с территории кимако-кипчакского этнополитического союза на юге Западной Сибири и Центрального Казахстана" [Иванов В.А., Яминов А.Ф. 1993, с.160].

Между тем, если искать прямые и тождественные аналогии погребальным комплексам с Верхнего Джулата и "Сухой Балки", то их можно найти далеко от территориальных пределов Северного Кавказа, например, среди подкурганых кочевнических захоронени, известных на территории Забайкалья [Коновалов П.Е., Данилов С.В. 1981, с.64-73; Ковычев Е.В. 1981, с.73-79; Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. 1984, рис.11-12 и сл.; Именохоев Н.В., Коновалов В.Е. 1985, с.69-86]. Именно с ними, как наиболее близкими памятниками, мы и попытаемся сравнивать северокавказские археологические объекты.

На территории Забайкалья подобные курганные могильники фиксируются примерно в таких же ландшафтных условиях, что и могильник "Сухая Балка" в Северной Осетии. Погребения выделяются на поверхности земли чаще уплощенной каменной кладкой овальной, округлой и подпрямоугольной форм размерами, в среднем, 1,3х3 м; реже встречаются куполообразные каменные курганы высотой почти 1 м [Именохоев И.В., Коновалов П.Е. 1983, с.69-71 и сл.]. То же самое демонстрируют и другие материалы с территории Западного и Восточного Забайкалья [Коновалов П.Е., Данилов С.В. 1981, с.63-73; Ковычев Е.В. 1981, с.73-79].

Для более лучшего зрительного восприятия сравниваемых памятников воспроизведем несколько рисунков таких погребений с территории Прибайкалья (рис.52-59). При дальнейшем сравнении северокавказских (Верхний Джулат и "Сухая Балка") археологических материалов с байкальскими мы будем опираться на обобщающую таблицу, составленную И.В. Именохоевым и П.Е. Коноваловым (рис.60).

Указанные авторы констатируют тот факт, что байкальские курганы имели насыпи различных конфигураций. К сожалению, на Верхнем Джулате и на "Сухой Балке" курганные насыпи не сохранились, и это лишает нас возможности сравнивать.

Что же касается байкальских вымоеток под насыпями, то они имели самые различные конфигурации: округлой, овальной и подпрямоугольной формы (рис.60,1) [Именохоев И.В. 1992, с.23-48; Коновалов П.Е. 1985, с.70, рис.1,1].

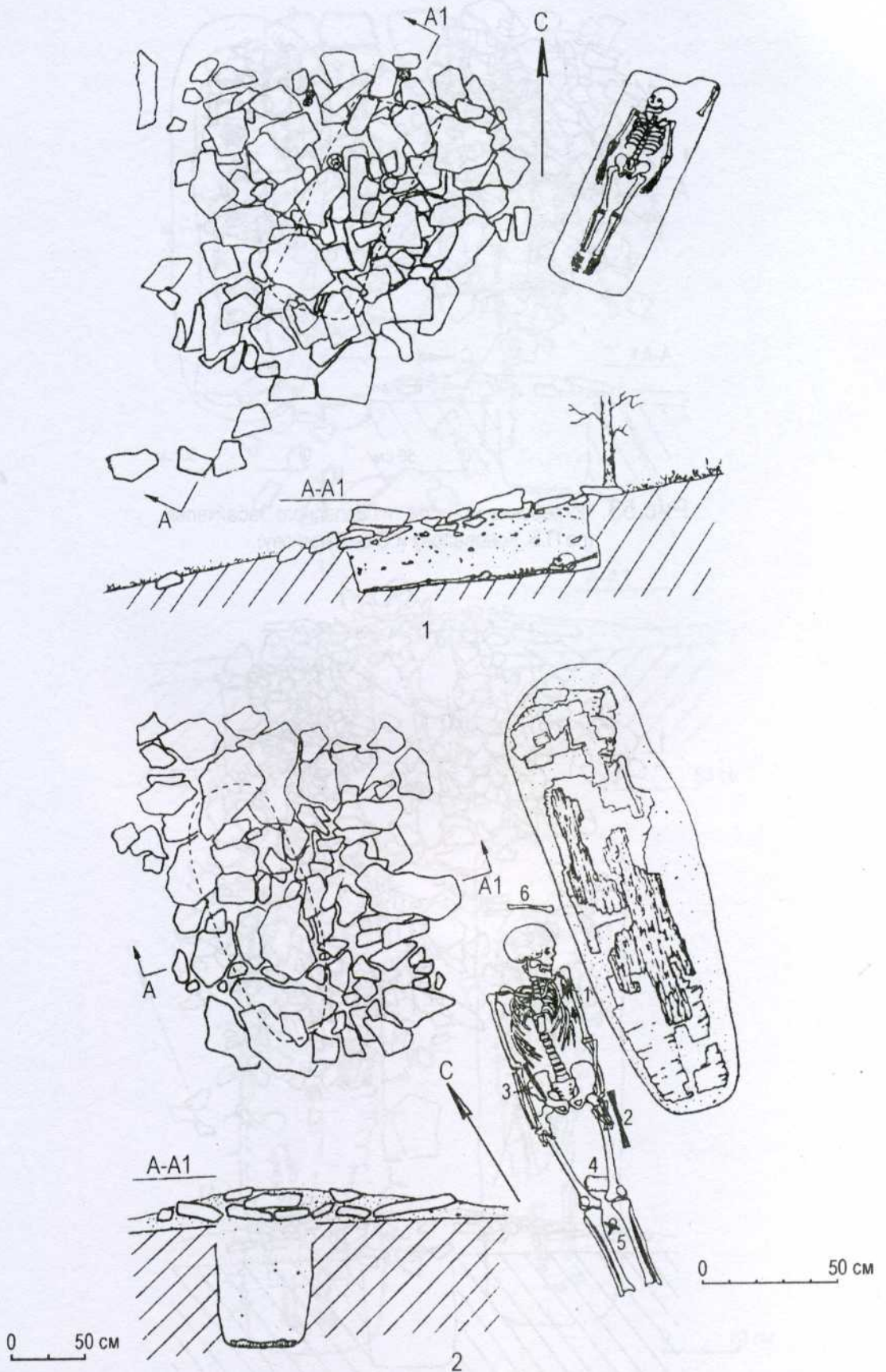

Рис.52. Курганы монголов из Западного Забайкалья (по П.Б. Коновалову и С.В. Данилову).

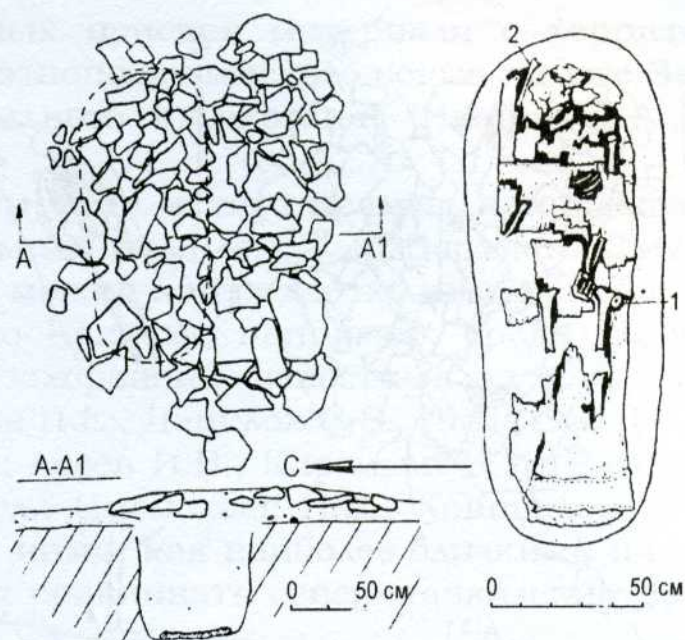

Рис.53. Погребение монгола из Западного Забайкалья
(по П.Б. Коновалову и С.В. Данилову).

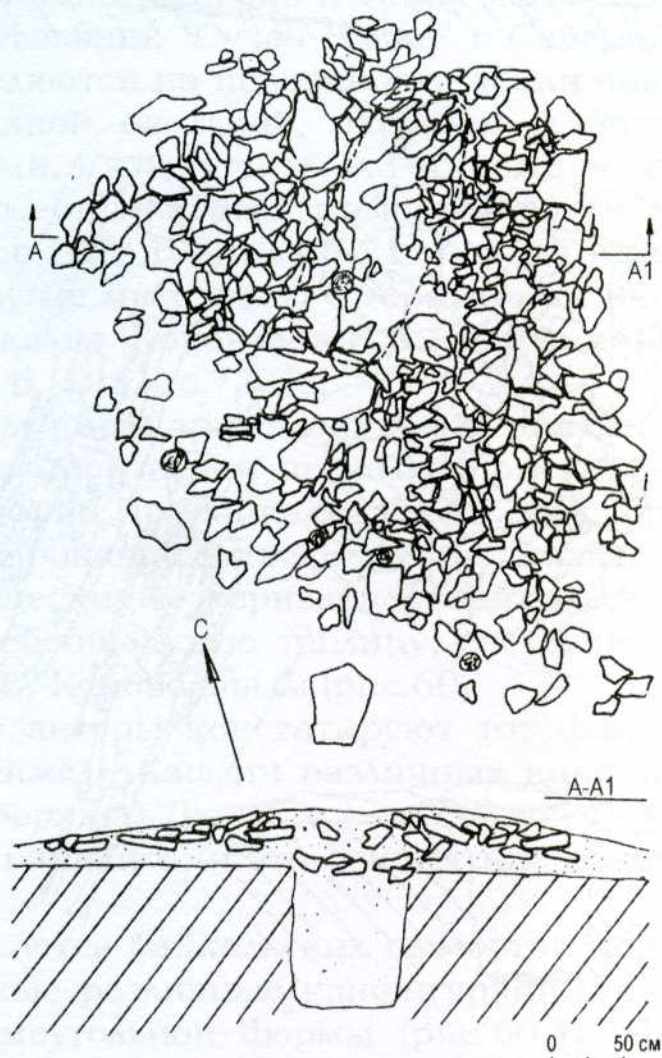

Рис.54. Погребение монгола из Западного Забайкалья
(по П.Б. Коновалову и С.В. Данилову)

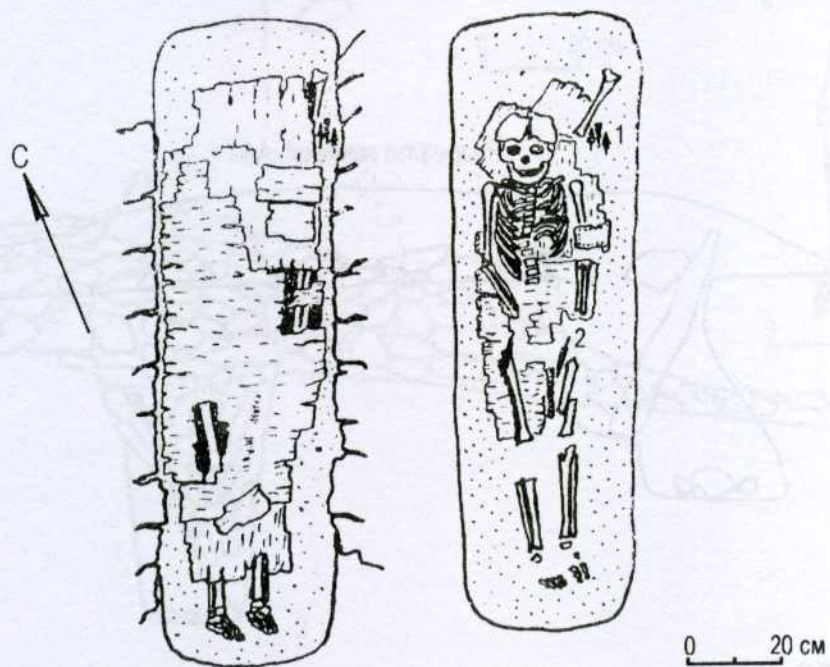
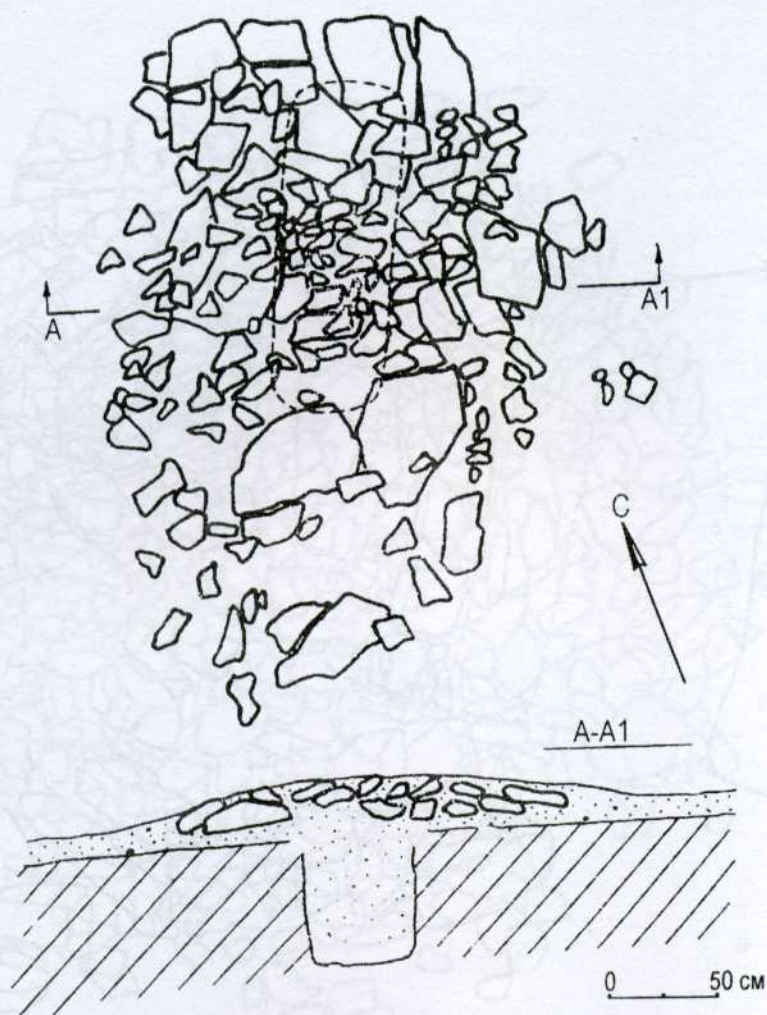

Рис.55. Погребение монгола из Западного Забайкалья (по П.Б. Коновалову и С.В. Данилову).

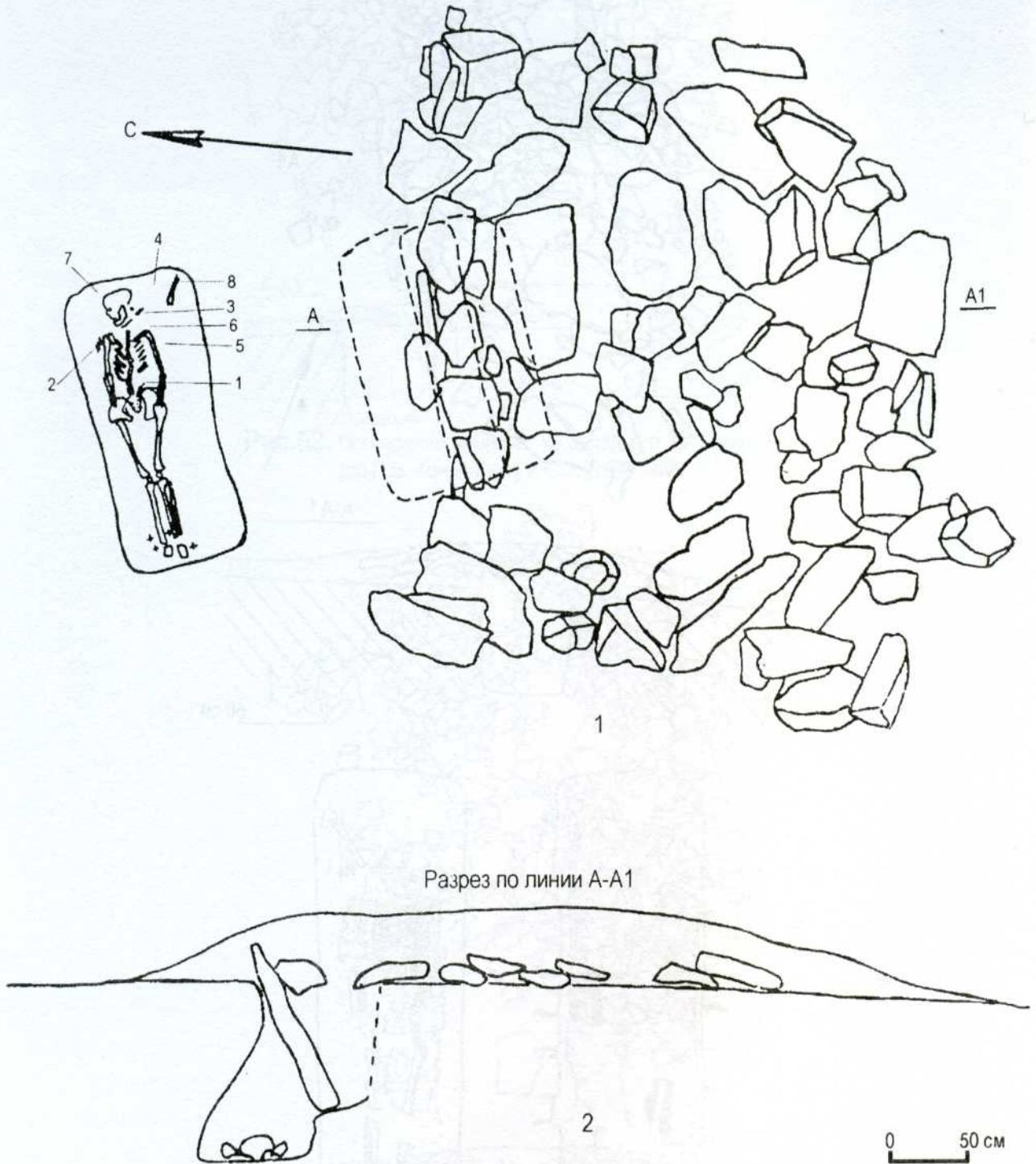

Рис.56. Погребение монгола из Забайкалья (по Н.В. Именохову и П.Б. Коновалову).

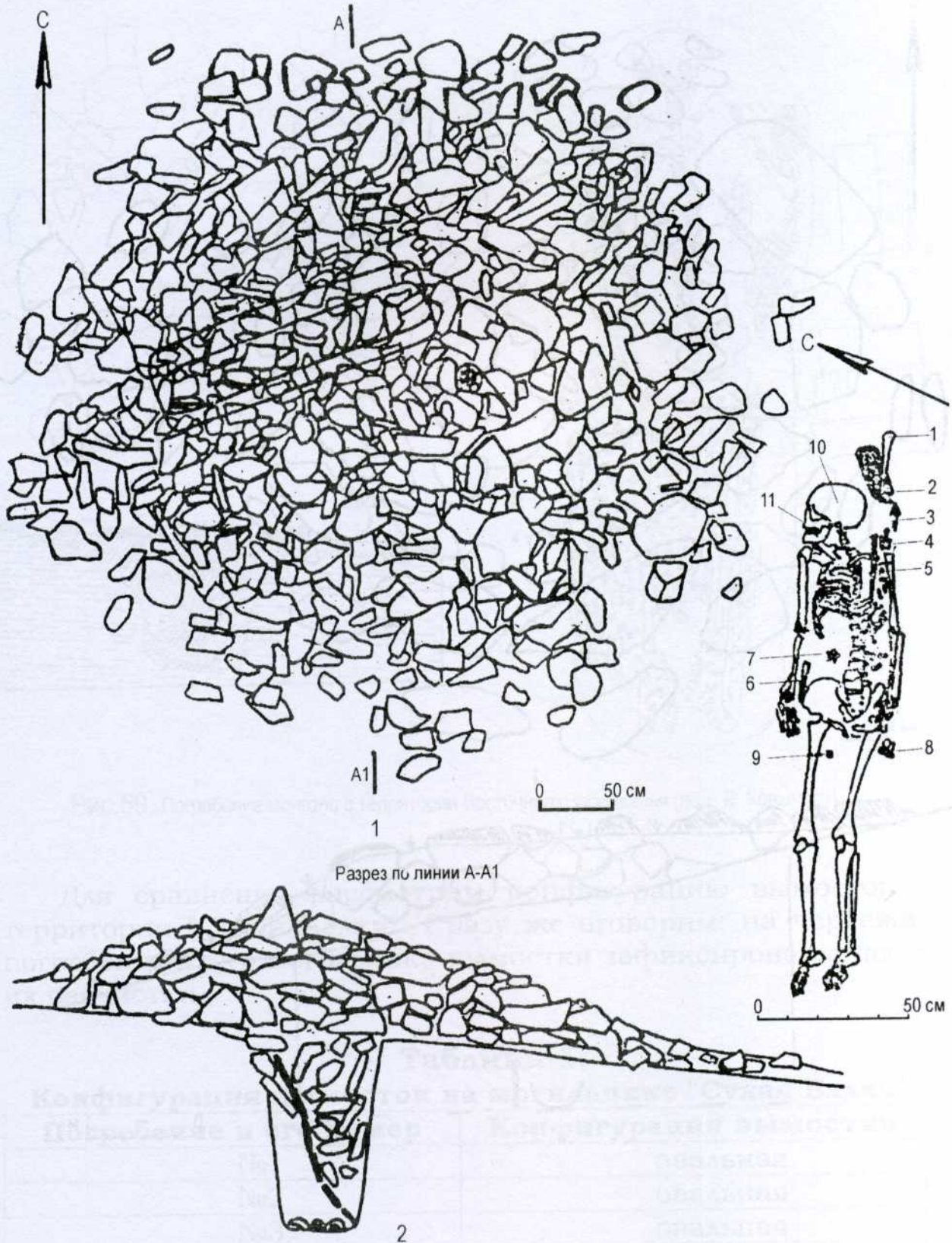

Рис.57. Погребение монгола из Забайкалья (по Н.В. Именохоеву и П.Б. Коновалову).

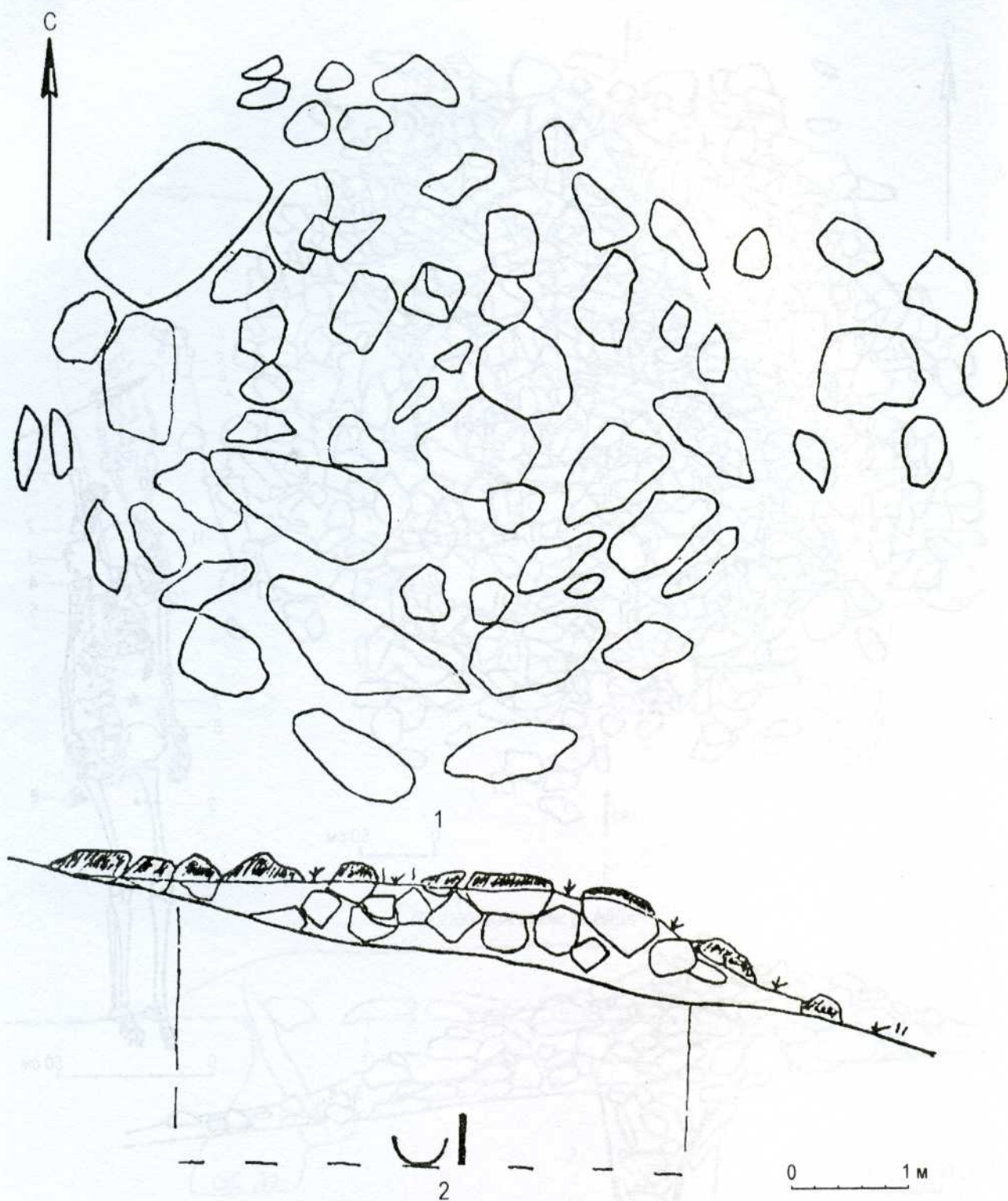

Рис.58. Погребение монгола из Забайкалья (по Н.В. Именохоеву и П.Б. Коновалову).

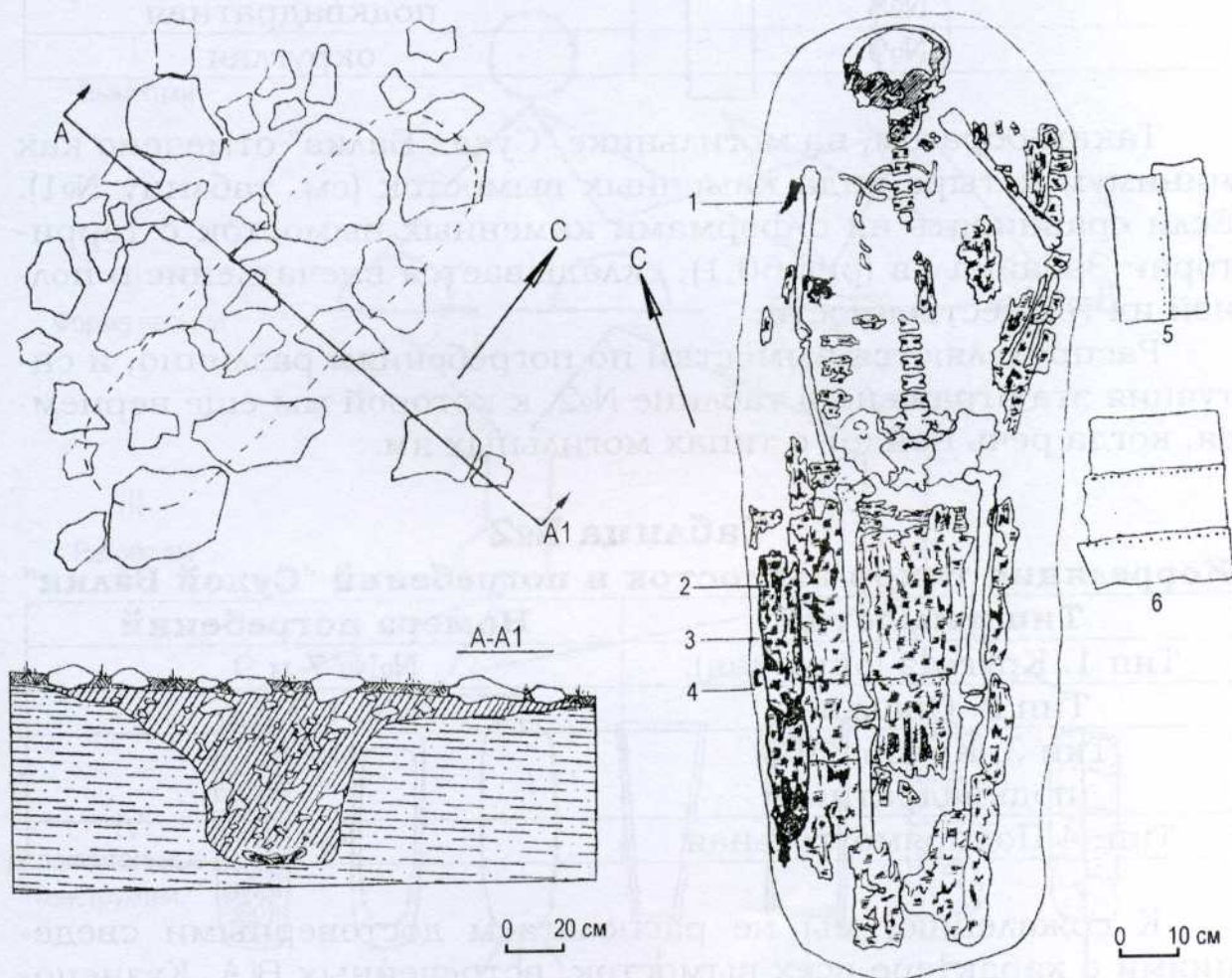

Рис.59. Погребение монгола с территории Восточного Забайкалья (по Е.В. Ковычеву).

Для сравнения рассмотрим конфигурацию вымоستок с территории "Сухой Балки". Сразу же оговорим: на чертежах погребений этого могильника вымостки зафиксированы после их расчистки.

Таблица 1.

Конфигурация вымоستок на могильнике "Сухая Балка"

Погребение и его номер	Конфигурация вымостки
№1	овальная
№2	овальная
№3	овальная
№4	подквадратная
№5	подпрямоугольная
№6	овальная

№7	округлая
№8	подквадратная
№9	округлая

Таким образом, на могильнике "Сухая Балка" отмечено как минимум четыре вида каменных вымоستок (см. таблицу №1). Если сравнивать их с формами каменных вымоستок с территории Забайкалья (рис.60,1), складывается впечатление о полной их тождественности.

Распределяются вымостки по погребениям различно, и ситуация эта отражена в таблице №2, к которой мы еще вернемся, когда речь пойдет о типах могильных ям.

Таблица №2

Корреляция типов вымоستок и погребений "Сухой Балки"

Тип вымостки	Номера погребений
Тип 1. Круглая (округлая).	№№ 7 и 9
Тип 2. Овальная	№№ 1,2,3,6
Тип 3. Квадратная (подквадратная)	№8
Тип. 4 Подпрямоугольная	№4

К сожалению, мы не располагаем достоверными сведениями о характере всех вымоستок, встреченных В.А. Кузнецовым на могильнике Верхнего Джулата, чтобы сравнить их с конфигурацией вымосток на "Сухой Балке" и на территории Забайкалья. Хотя по уже упоминавшейся выше фотографии раскопа на Верхнем Джулате хорошо заметно наличие вытянуто-овальных вымосток. Возможно, что отдельно указанные В.А. Кузнецовым захоронения №№ 16-17,21-22 изначально имели подпрямоугольные вымостки, полностью к моменту их археологического исследования не сохранившиеся и от которых остались лишь Г-образно зафиксированные части.

Теперь же необходимо обратиться к характеристике погребальных ям, встреченных на могильнике "Сухая Балка" и на городище Верхний Джулат, которые также сопоставим с типами грунтовых ям, встреченных под вымостками на территории Забайкалья.

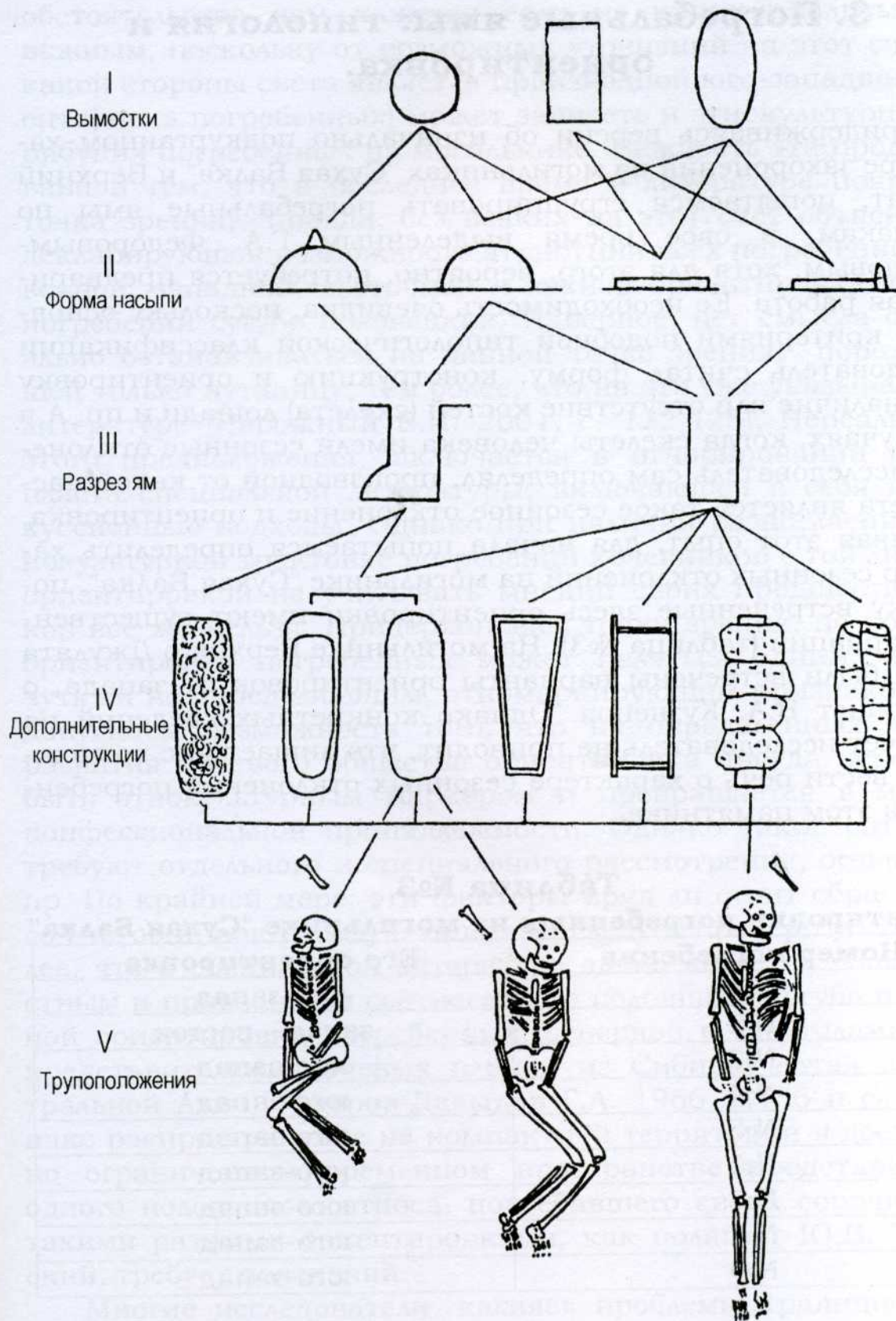

Рис.60. Схема взаимовстречаемости признаков монгольских погребений Забайкалья (по Н.В. Именохоеву и П.Б. Коновалов).

3. Погребальные ямы: типология и ориентировка.

Придерживаясь версии об изначально подкурганном характере захоронений на могильниках "Сухая Балка" и Верхний Джулат, попытаемся сгруппировать погребальные ямы по признакам, в свое время выделенным Г.А. Федоровым-Давыдовым, хотя для этого, вероятно, потребуется предварительная работа. Ее необходимость очевидна, поскольку основными критериями подобной типологической классификации исследователь считал форму, конструкцию и ориентировку ямы, наличие или отсутствие костей (скелета) лошади и пр. А в тех случаях, когда скелеты человека имели сезонные отклонения, исследователь сам определял, производной от какой части света является такое сезонное отклонение и ориентировка. Учитывая этот опыт, для начала попытаемся определить характер сезонных отклонений на могильнике "Сухая Балка", поскольку встреченные здесь ориентировки имеют существенные вариации (таблица №3). На могильнике Верхнего Джулата также были встречены варианты ориентировок от запада, о чем пишет В.А. Кузнецов. Однако конкретных сведений на этот счет исследователь не приводит, что лишает нас возможности вести речь о характере сезонных отклонений погребенных на этом памятнике.

Таблица №3

Ориентировки погребенных на могильнике "Сухая Балка"

Номер погребения	Его ориентировка
№1	юго-запад
№2	запад – восток
№3	юго-запад
№4	юго-запад
№5	юго-запад
№6	юго-запад
№7	юго-запад
№8	юго-запад
№9	юго-запад

Исходя из сведений этой таблицы, подчеркнем: из 9 захоронений на могильнике "Сухая Балка" 8 имели ориентировку на юго-запад и лишь одно (погребение №2) на запад. Данное

обстоятельство нам кажется если не принципиальным, то важным, поскольку от возможных уточнений на этот счет (от какой стороны света является производной юго-западная ориентировка погребенных) может зависеть и этнокультурная атрибуция погребенных на могильнике. Важность эта продиктована и тем, что в последнее время в литературе появилась точка зрения, правда, без всяких на этот счет объяснений, декларирующая возможность атрибуции всех погребений с северной, западной, восточной и южной ориентировками, как погребений сугубо половецких. Наверное, нет смысла специально останавливаться на данной точке зрения, порождающей только путаницу, тем более, что на это уже указывалось в литературе [Нарожный Е.И. 2001, с. 122-125], Нереальность этого предположения заключается в игнорировании целого пласта специальной литературы, включающей в себя и дискуссионные подходы. Однако при наличии разногласий в этнокультурной трактовке погребений кочевников с той ли иной ориентировкой не учитывать мнений своих предшественников все же нельзя. Придерживаясь точки зрения, по которой ориентировка погребенных может являться одним, иногда чуть ли не определяющим, этномаркирующим признаком, мы допускаем возможность того, что на определенных этапах развития кочевого общества ориентировка иногда перестает быть этнокультурным маркером и превращается в маркер профессиональной принадлежности. Однако такие ситуации требуют отдельного и специального рассмотрения, оговорок и пр. По крайней мере, эти факторы вряд ли стоит сбрасывать со счетов и, как рабочую гипотезу, следует проверить. Тем более, что в специальной литературе давно является общеизвестным и признанным соотношение с половцами сугубо восточной ориентировки погребенных; северной с "монголами" или представителями кочевых племен из Сибири, Алтая и Центральной Азии [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.156 и сл.]. Однако распространение на компактной территории в достаточно ограниченном временном пространстве представителей одного половецкого этноса, погребавшего своих сородичей с такими разными ориентировками, как полагает Ю.В. Зеленский, требует пояснений.

Многие исследователи, касаясь проблемы традиционных ориентировок погребенных в том или ином древнем или средневековом обществе, справедливо объясняют ее с точки зрения специфики идеологических воззрений, господствовавших

в этих обществах [Массон В.М. 1976, с.149; Мэнес Г. 1992, с.7-22; и др.]. И мы вполне солидарны с точкой зрения о том, что "не все стороны реальной жизни древних обществ находят прямое отражение в погребальном обряде, представленных в материальных остатках к моменту раскопок. К тому же не все материальные следы к моменту раскопок сохраняются, не все сохранившиеся следы целы, неизменны и опознаваемы" [Мэнес Г. 1992, с.7]. Вместе с тем общеизвестным является и тот факт, что погребальный обряд наиболее консервативен и является своего рода "зеркалом" традиционных и характерных какому-либо этносу идеологических представлений. Ориентировка погребенных, как известно, является лишь частью общего и традиционного для любого этноса, либо какой-нибудь его части, погребального ритуала и церемониала. Соблюдается он не только в границах "этнической территории", но и за ее пределами. Именно по этой причине, выявляя, насколько это ныне возможно, этнокультурные особенности тюрок и монголов, современные исследователи смогли обосновать и предложить конкретную этнокультурную атрибуцию различных групп кочевников на территории Восточной Европы по археологическим материалам.

Опираясь на этот опыт, попытаемся аналогичным образом рассмотреть и особенности погребального обряда на могильниках "Сухая Балка" и Верхний Джулат.

В первую очередь, вернемся к таблице №3, отражающей специфику сезонных отклонений погребенных на могильнике "Сухая Балка".

Как полагают многие специалисты, при совершении погребального ритуала всегда учитывали "ход" Солнца по небосводу [Мэнес Г. 1992, с.7-22]. Если это так, то встречающиеся в погребениях отклонения от севера, юга, востока и запада можно специально рассчитывать, учитывая точки восхода и захода Солнца в различные времена года, тем более что подобный опыт давно существует. В этом плане, помимо известных наблюдений В.Ф. Генинга, для нас весьма важной может оказаться и специальная работа В.Б. Виноградова, В.Л. Ростунова и В.Н. Дорошевского [Виноградов В.Б., Ростунов В.Л., Дорошевский В.Н. 1980, с.90-96]. Эти исследователи в свое время изучали подобные отклонения для погребальных комплексов куро-аракской культуры с территории Северной Осетии [Виноградов В.Б., Ростунов В.Л., Дорошевский В.Н. 1983, с.90-96]. Накопленный ими опыт нам кажется наиболее удач-

ным, поскольку долгота и широта расположения могильников "Сухая Балка" и Верхнего Джулата практически совпадают с координатами учтенных ими куро-аракских древностей Осетии. Точно определены и точки восхода и заката Солнца для этого региона в различные времена года, что возможные и допустимые погрешности для захоронений эпохи Золотой Орды сводит к минимуму.

Если следовать этим расчетам, мы получаем следующие результаты: юго-западная ориентировка погребенных, характерная для большинства погребений "Сухой Балки", является сезонной, производной от запада. Подставляя эти данные в расчеты В.Б. Виноградова, В.Л. Ростунова и В.Н. Дорошевского, можно рассчитать и сезон (время года), в рамках которого те или иные захоронения могли быть совершены.

В итоге можно полагать следующее: лишь одно захоронение из девяти приходится на начало весны; остальные восемь – на конец зимы (См. таблицу №4).

Таблица 4

Определение сезона (времени года) совершения захоронений на могильнике "Сухая Балка"³

Ориентировка	№№ погребений	Сезон (Время года)
Западная	№2	начало весны
Юго-западная	№№ 1,3-9	конец зимы

Что же касается могильника на городище Верхний Джулат, то, согласно сведениям В.А. Кузнецова, погребения отсюда имели преимущественную западную ориентировку [Кузнецов В.А. 1983, с.160-161]; другими сведениями на этот счет мы не располагаем и, по этой причине, рассчитывать время года, сезон возможного их совершения не видим возможным.

Определившись с сезонными отклонениями погребений на "Сухой Балке", являющимися производными от ориентировки головой на запад, теперь следует определиться и с типологической классификацией погребальных ям этого памятника, опираясь на методику, в свое время предложенную еще Г.А. Федоровым-Давыдовым.

³ См. расчеты В.Б. Виноградова, В.Л. Ростунова и В.Н. Дорошевского [Виноградов В.Б., Ростунов В.Л., Дорошевский В.Н. 1983, с.93, с.96].

Отдел А.

Костяк человека, обращенного головой на запад, без костей лошади.

Подвергая погребения "Сухой Балки" типологической классификации, мы учитываем и позднекочевнические захоронения, включенные нами в раздел "прочие захоронения".

Тип 1. В простой грунтовой яме [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.124]. Всего – 5 погребений. Это захоронения №№ 1 (рис.5), 2 (рис.8), 3 (рис.9), 5 (рис.13), 9 (рис.18) могильника "Сухая Балка".

Формально в этот же тип входит и погребение №2 из кургана 1 группы 2 Калиновского могильника (рис.23,1), и погребение 1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" (рис.22,1), а также захоронение №6 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне (рис.29). Хотя от захоронений "Сухой Балки" они отличаются отсутствием у них над могильной ямой каменных вымоستков.

Тип 2. Соответствует типу AV по классификации Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.124]: яма с подбоем, устроенным в южной стене. Всего – 4 захоронения могильника "Сухая Балка": это погребения №№ 4 (рис.12), 6 (рис.14), 7 (рис.15), 8 (рис.16-17).

Отдел Б

(соответствует отделу В по Г.А. Федорову-Давыдову).

Костяк человека, ориентированного головой на восток, без костей лошади.

Тип 1. В простой яме [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.126]. Представлен одним захоронением – погребением в кургане у хут. Пролетарского (рис.21). В этот тип могло входить и погребение из кургана у сел. Новоселицкого (рис.20). Однако характер погребальной ямы при его археологическом исследовании не был установлен.

Отдел В

(соответствует отделу Д по Г.А. Федорову-Давыдову).

Костяк человека, обращенного головой на север, без костей лошади.

Тип 1. В простой яме [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.127]. Относятся два захоронения: №№ 2 и 4 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника (рис.24, рис.27).

Исходя из суммарного описания захоронений на могильнике Верхнего Джулата, все они, насколько это можно судить по сведениям В.А. Кузнецова, относятся к отделу А1.

Подобная градация захоронений, за редким исключением, не дает каких-либо четких зацепок для определенной этнокультурной характеристики интересующих нас захоронений. Более или менее определенно речь можно вести лишь о захоронениях в простых ямах со скелетом, ориентированным головой на восток. Как правило, такие погребения маркируются как половецкие [Федоров-Давыдов Г.А. 1966]. Аналогичные захоронения с северной ориентировкой соотносятся с "монголами" либо же – выходцами из Сибири, Алтая и Центральной Азии [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.156, с.169 и др.]. Значительно сложнее дело обстоит с этнической атрибуцией захоронений, совершенных в ямах, в которых скелеты ориентированы головой на запад, тем более что простые грунтовые ямы, как известно, характерны для различных этнических территорий на достаточно длинном хронологическом отрезке времени. Поздние кочевники не являются исключением.

Вместе с тем, если продолжать сравнивать северокавказские захоронения с байкальскими, следует заметить, что и здесь много параллелей. В курганах на Байкале под каменными вымостками есть погребальные ямы, характеризующиеся как простые, так и ямы с подбоями (рис.60). Однако единственной и существенной разницей при таком сравнении является то, что байкальские погребальные комплексы имеют северную ориентировку. На Северном Кавказе захоронения в простых грунтовых ямах и в ямах с подбоями имеют ориентировку западную. По этой причине необходимо искать иные возможности для этнокультурной атрибуции погребенных на могильниках "Сухая Балка" и Верхнего Джулата.

Не менее запутанной ситуация становится и при знакомстве с различными точками зрения, в рамках которых исследователи высказывали свои мнения относительно происхождения и атрибуции погребенных в ямах с подбоями. Многие из них, столкнувшись с проблемой этнической атрибуции подобных погребальных сооружений, очень часто указывают на то, что ямы с подбоем существовали в Приобье, Прииртышье и других сопредельных с ними регионах еще в эпоху раннего (VIII–IX вв.) средневековья. Распространение таких типов ям на территории Золотой Орды они увязывают с возможным перенесением указанной традиции, возможно, распространив-

шейся вместе с ее носителями, уведенными из традиционных мест обитания Чингизидами. Другие авторы вполне справедливо полагают: из-за ограниченности источниковой базы эта проблема и сегодня продолжает оставаться открытой [Могильников В.А. 1981, с.193], хотя решать ее необходимо.

Третьи указывают на сообщения средневековых источников, повествовавших о существовании аналогичного способа захоронения у средневековых монголов. Однако подобная неопределенность и разнобой в оценках сильно затрудняет восприятие имеющегося в нашем распоряжении археологического материала и его этнокультурной оценки. В этом смысле, на следующем этапе осмысления материала, прежде чем вернуться к проблеме этнокультурной характеристики погребенных на "Сухой Балке" и Верхнем Джулате, необходимо остановиться на характеристике еще одной детали погребального обряда – дополнительных деревянных конструкциях, встреченных внутри погребений.

4. О деревянных гробовищах погребений "Сухой Балки".

В погребениях этого могильника в качестве дополнительной детали погребального обряда следует назвать наличие деревянных гробовищ, прослеженных (сохранившихся) не полностью. Отмечены они были, напомним, в погребениях №№ 1-2 (рис.5, рис.8), 4 (рис.12,2), 6 (рис.14,2), 7 (рис.15,2), 8 (рис.17,1); т.е., как в простых грунтовых ямах, так и в ямах с подбоями. Распределение деревянных конструкций по типам ям представлено в таблице №5.

Таблица №5

**Соотношение типов погребальных ям
и деревянных гробовищ**

Тип погребальной ямы	Характер деревянной конструкции	№№ погребений
простая грунтовая яма	гробовище	1,2
яма с подбоем	гробовище	4,6,7,8

Получается, что остатки деревянных конструкций прослежены всего в двух простых грунтовых ямах и в четырех ямах с подбоями. В остальных (трех) случаях такие конструкции не встречены. Возможно, что такая статистика – случайность, хотя создается впечатление, что в подавляющем количестве случаев на могильнике "Сухая Балка" дополнительные деревянные конструкции использовались часто.

К сожалению, характер (конструкция) деревянного сооружения прослеживался в захоронениях плохо. И ныне можно уверенно говорить лишь о том, что деревянные гробовища, по крайней мере, в захоронениях "Сухой Балки" были представлены несколькими типами. Естественно, что типы выделяются условно, насколько это позволяет делать наличный материал.

Тип 1. Все четыре плоскости гробовища сбиты из продольных досок. Характер оформления боковых граней не фиксировался. Доски имели ширину в 10-16 см, толщина – 1-2 см. Система крепления досок между собой не зафиксирована. Отмечены лишь железные П-образные кованые скобы (рис.7,9-10), находившиеся по углам конструкции. Можно предполагать, что остальная система креплений осуществлялась при помощи деревянных гвоздей. Гробовище подобной конструкции находилось в погребении №1 могильника "Сухая Балка" (рис.5,1-2), а также в погребениях №№ 4 (рис.12,1), 6 (рис.13,1), 8 (рис.17,1) того же могильника.

Тип 2. Колодообразная конструкция. Отмечена в погребении №2 могильника "Сухая Балка" (рис.8). Железные скобы или гвозди для крепления конструкции отсутствовали.

Тип 3. В виде конструкции из сплошных досок. Встречено в детском захоронении №7 могильника "Сухая Балка" (рис.15,1).

Прежде, чем пытаться характеризовать выделенные выше типы дополнительных деревянных конструкций, в данную типологию включим и деревянные конструкции, встреченные в кочевнических захоронениях, приводимых нами в разделе "Прочие захоронения".

Тип 4. В виде решетчатого "ящика". Такие конструкции встречены в нескольких случаях: погребения №№ 2, 4 и 6 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника (рис.24,1; рис.27,1-2; рис.29,3).

Остатки деревянной конструкции в виде плохо сохранившихся плах были прослежены и в захоронении из кургана мо-

гильника "Кривуша-84" [Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.190-191]. Однако из-за плохой сохранности конструкции отнести ее к какому-либо типу не представляется возможным.

Как известно, наличие дополнительных деревянных конструкций внутри позднекочевнических захоронений исследователями отмечается довольно часто. Вместе с тем, на что мы обратим внимание отдельно, деревянные конструкции, отнесенные к типу 1, есть в погребениях могильника "Олень-Колодезь" на Дону [Ефимов К.Ю. 1999, с.94, рис.1, с.103, рис.7]. Подобные погребения, если учитывать богатый и выразительный инвентарь, ныне сопоставляются с кругом памятников раннеджучидской поры, оставленных в Восточной Европе чуть ли не "поколением внуков Чингисхана" [Крамаровский М.Г. 1995, с.193-199. Крамаровский М.Г.1995а, с.239-242], во время их передвижения по пути из Центральной Азии в Европу [Крамаровский М.Г., Шукин М.В. 1992, с.3-5]. Подобного рода факты, как будто бы дают возможность предполагать, что деревянные конструкции типа 1 могут быть характерными для сугубо "монгольских" захоронений, хотя мы отдаем себе отчет в том, что по таким конструкциям судить об этнокультурном облике погребенных вряд ли возможно. К тому же схожие деревянные конструкции ныне известны и в захоронениях, атрибутируемых как заведомо "половецкие" [Горелик М.В., Дорофеев В.В. 1990, рис.1]. С другой стороны, близкие и почти тождественные гробовища (тип 1) есть и среди "монгольских", но заведомо мусульманских захоронений, например, на Новопаваловском могильнике XIV века на Ставрополе [Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005]. Как известно, деревянное гробовище ("ящик-табут") упоминается и среди обязательных требований к сугубо мусульманским захоронениям [Халикова Е.А. 1986, с.44]. Вероятно, все эти обстоятельства следует учитывать при этнической атрибуции погребенных на "Сухой Балке".

Не меньший интерес вызывают и деревянные конструкции, включенные нами в тип 2 (колодообразные). В археологических материалах с территории Северного Кавказа подобные дополнительные конструкции, выдолбленные из дерева, как правило, считают чуть ли не традиционными для захоронений позднесредневековых кабардинцев [Нагоев А.Х. 1981, с.17-25]. Однако следует указать и на более ранние их образцы, встречаемые в погребениях "монголов" золотоордынской

поры [Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. 2001, с.161, рис.1,1]. Если обратиться к уже упоминавшимся забайкальским монгольским погребальным комплексам, то и там мы сталкиваемся с наличием в погребениях деревянных колод (рис.60,IV) [Именохоев Н.В., Коновалов Н.Е. 1985, с.70, рис.1]. И это обстоятельство следует учитывать при этнокультурной атрибуции не только интересующих нас захоронений, но и при анализе погребальной обрядности позднесредневековых кабардинцев региона.

Тип 3 деревянных конструкций вполне мог объясняться тем фактом, что в таком гробовище на могильнике "Сухая Балка" был погребен ребенок.

Не меньший интерес вызывает и тип 4 дополнительных деревянных конструкций. Он известен по раскопкам памятников поздних кочевников Восточной Европы [Плетнева С.А. 1958, с.177, рис.13в, 8]. При его характеристике следует учесть и то, что при исследовании погребения 2 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне было отмечено большое скопление фрагментов бересты, в которую, скорее всего, вся деревянная конструкция и была обернута. В связи с этим будет интересным указать и на аналогичные факты, достоверно засвидетельствованные на территории Забайкалья в монгольских погребальных памятниках XIII-XIV вв. [Коновалов П.Е., Данилов С.В. 1981, с.70, рис.12; Именохоев Н.В., Коновалов П.Е. 1985, с.70, рис.1,IV] , (рис.55; рис.56; рис.58; рис.69,IV).

Таким образом, не являясь этномаркирующим признаком, дополнительные деревянные конструкции, встреченные в интересующих нас погребальных комплексах Северного Кавказа золотоордынской эпохи, дают некоторую информацию, которая может пригодиться при анализе этнокультурной специфики погребенных на этих могильниках. Теперь же обратимся к специфике труположений на могильниках.

5. Труположения.

Для удобства работы с интересующим нас археологическим материалом сведения о характере труположений в захоронениях на могильнике "Сухая Балка" сведем в таблицу №6.

Таблица 6
Сведения о характере труположений
на могильнике "Сухая Балка"

Номер погребения	Характер труположения
№1	Вытянуто на спине (?)
№2	Вытянуто на спине
№3	Скелет не сохранился
№4	На правом боку
№5	Вытянуто на спине
№6	Вытянуто на спине
№7	Скелет не сохранился
№8	С разворотом на правый бок (?)
№9	Скелет не сохранился

Четко установленных (закономерных) связей между типом погребального сооружения и характером труположений на могильнике "Сухая Балка" пока не устанавливается.

Теперь следует обратить внимание на то, как и какие погребения на том же самом могильнике сопряжены с типом ям и характером труположений в них. Соответствующая таблица, возможно, даст какие-нибудь новые возможности в работе с интересующим нас археологическим материалом.

Таблица 7.
Корреляция типов ям и труположения в них
(Могильник "Сухая Балка")

Тип ямы	Труположение	№№ захоронений
A1	Вытянуто на спине	№№ 1, 2, 5
A1	Скелет не фиксируется	№№ 3, 9
A2	Вытянуто на спине	№6
A2	Скелет не фиксируется	№7
A2	На правом боку	№№ 4, 8

К сожалению, плохая сохранность отдельных скелетов, выявленных на "Сухой Балке", не позволяет делать каких-либо обобщающих выводов о преобладании каких-либо типов труположения на памятнике. Тем не менее, следует обратить внимание на тот факт, что на могильнике наряду с вытянутостью погребений отмечен и случай поворота погребенных на правый бок.

Данные обстоятельства могут оказаться не менее важными, т.к. если брать в расчет раннесредневековые материалы хазарского времени, встречающиеся там аналогичные случаи зачастую оцениваются как фактор социальный. Иногда такие труположения рассматриваются как свидетельство присутствия иноэтнического компонента в однородной этнической среде, либо же не исключается возможность их соотнесения с захоронениями представителей исламизированного населения [Баранов И.А. 1990]. Этот же тип труположений широко распространен и на раннесредневековых мусульманских некрополях [Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В. 1998, с.113-140]. Более того, Е.А. Халикова, описывая каноны погребального обряда мусульман, также указывает такую разновидность погребенных как одно из основных требований ислама к погребальному обряду [Халикова Е.А. 1986, с.42-46]. По этой причине мы не можем исключить и той возможности, что часть захоронений на "Сухой Балке", имевшая разворот на правый бок, могла быть погребенной по-мусульмански. В пользу такого предположения, на наш взгляд, свидетельствует и преобладающая безынвентарность захоронений на этом же памятнике и находка в погребении №1 амулетницы. С другой стороны, и это следует указать отдельно, помимо сугубо мусульманской трактовки интересующего нас способа захоронений на этом памятнике, скорченность или же слабая скорченность с разворотом на правый бок считается характерной и для "монгольских" захоронений XIII-XIV веков на территории Забайкалья (рис.60), хотя спецификой этих захоронений является, опять-таки, преимущественно северная их ориентировка.

Что же касается аналогичных данных о труположениях на могильнике Верхнего Джулата, то они, по сведениям В.А. Кузнецова, были погребены вытянуто на спине, головою на запад и в простых грунтовых ямах.

Выявленные характеристики особенностей труположений на могильниках "Сухая Балка" и Верхнего Джулата, как видим, бесспорных и твердых оснований для их определенной этнокультурной характеристики не дают. Однако данные погребальные комплексы все-таки не создают впечатления их христианской принадлежности, как на примере могильника городища Верхний Джулат первоначально это пытался представить В.А. Кузнецов. Погребальный инвентарь, встреченный, правда, только в трех захоронениях могильника "Сухая Балка", демонстрирует нам исключительно золотоордынские

наборы предметов и также не дает бесспорных оснований для определенной их этнической принадлежности.

Таким же образом мы не можем пока однозначно трактовать и захоронения на могильнике Верхнего Джулата.

Между тем, по аналогии с обобщающим рисунком-схемой встречаемости признаков монгольских захоронений в Забайкалье (рис.60) составим аналогичную таблицу, которая бы отразила аналогичное сочетание всех признаков, характерных для могильника "Сухая Балка" (рис.61). Эта таблица (рис.61), если ее сравнивать с предыдущей (рис.60), дает определенную информацию.

1-й признак: планиграфия вымосток (рис.60,1; рис.61,1). Этот признак при сравнении демонстрирует нам, что и в Забайкалье, и на могильнике "Сухая Балка" вымостки над погребениями имеют различную конфигурацию, но и там, и на Северном Кавказе они тождественны в планиграфическом отношении.

2-й признак: профиль курганов. К сожалению, по этому признаку сопоставлять памятники Забайкалья и Северного Кавказа не представляется возможным, поскольку ни на Верхнем Джулате, ни на "Сухой Балке" курганные насыпи к моменту раскопок не сохранились.

3-й признак: профиль погребальной ямы. Здесь мы можем констатировать идентичность сравниваемого признака, считая его общим как для погребальных памятников Забайкалья, так и Северного Кавказа.

4-й признак: характер дополнительной деревянной конструкции внутри погребальной ямы. Если сравнивать северокавказские погребения ("Сухая Балка") (рис.60,IV и рис.61,IV) по этому признаку, следует отметить, что на территории Забайкалья дополнительные деревянные конструкции более вариабельны, хотя среди них есть аналогии их северокавказским дериватам.

5-й признак: труположения и ориентировка погребенных (рис.60,V; рис.61,V). В забайкальских погребальных комплексах мы сталкиваемся не только с труположением, определяемым как "вытянуто на спине", но и слабо скорченно на левом и правом боках, с разворотом. На "Сухой Балке" были встречены как вытянутые на спине, так и слабо скорченный на правом боку. Точно такие же труположения отмечаются и в других, монгольских захоронениях Северного Кавказа [Басов В.И., Нарожный Е.И. 2005]. Единственным и принципи-

альным различием (и мы на него уже указывали) при этом сравнении является то, что на территории Забайкалья все захоронения ориентированы головой на север, что служит одним из определяющих факторов в трактовке этих захоронений как "монгольских". На "Сухой Балке", что также подчеркивалось не один уже раз, все схожие с забайкальскими погребениями комплексы имеют западную ориентировку, что отличает их от сравниваемых и не позволяет однозначно определять их этнокультурную принадлежность.

Вместе с тем, констатируя факт схожести забайкальских и северокавказских погребальных комплексов, различающихся ориентировкой (северной и западной), можно высказать сразу несколько версий на этот счет.

Можно предполагать, что схожесть "монгольских" погребальных комплексов и северокавказских погребальных памятников с пока что неясной этнокультурной атрибуцией объясняется тем, что оставлены они представителями *разных* этнических групп. Однако такому предположению сильно мешает тождественность различных элементов погребального обряда (за исключением ориентировок), присущего, скорее всего, носителям общих этнокультурных традиций. Другими словами, заманчивой нам видится возможность атрибуции как погребений "монголов" захоронений на Северном Кавказе – на могильнике Верхнего Джулата и на "Сухой Балке". Но для такой постановки вопроса, хотя бы на уровне рабочей гипотезы, необходимо найти реальное объяснение причин, способствовавших замене у монголов на Северном Кавказе традиционной для них северной ориентировки на западную.

Если рассуждать даже априорно, можно предполагать следующее:

Разность в ориентировках забайкальских "монголов" и (теоретически атрибутируемых) "монголов" могильника "Сухая Балка" и Верхнего Джулата могла быть определена хронологически разными этапами. Другими словами, на территории Забайкалья мы сталкиваемся с захоронениями "монголов", распространившихся там еще в XIII веке. На это, отчасти, указывают находки архаичных типов наконечников стрел и бронзовых щитков лучников в этих захоронениях [Коновалов П.Е., Данилов С.В. 1981, с.68, рис.10,10-11], или нумизматические находки [Ковычев Е.В. 1981, с.75, рис.2,9-12]. На Северном Кавказе интересующие нас захоронения датируются XIV веком и, вероятно, могли быть оставлены уже потомками "мон-

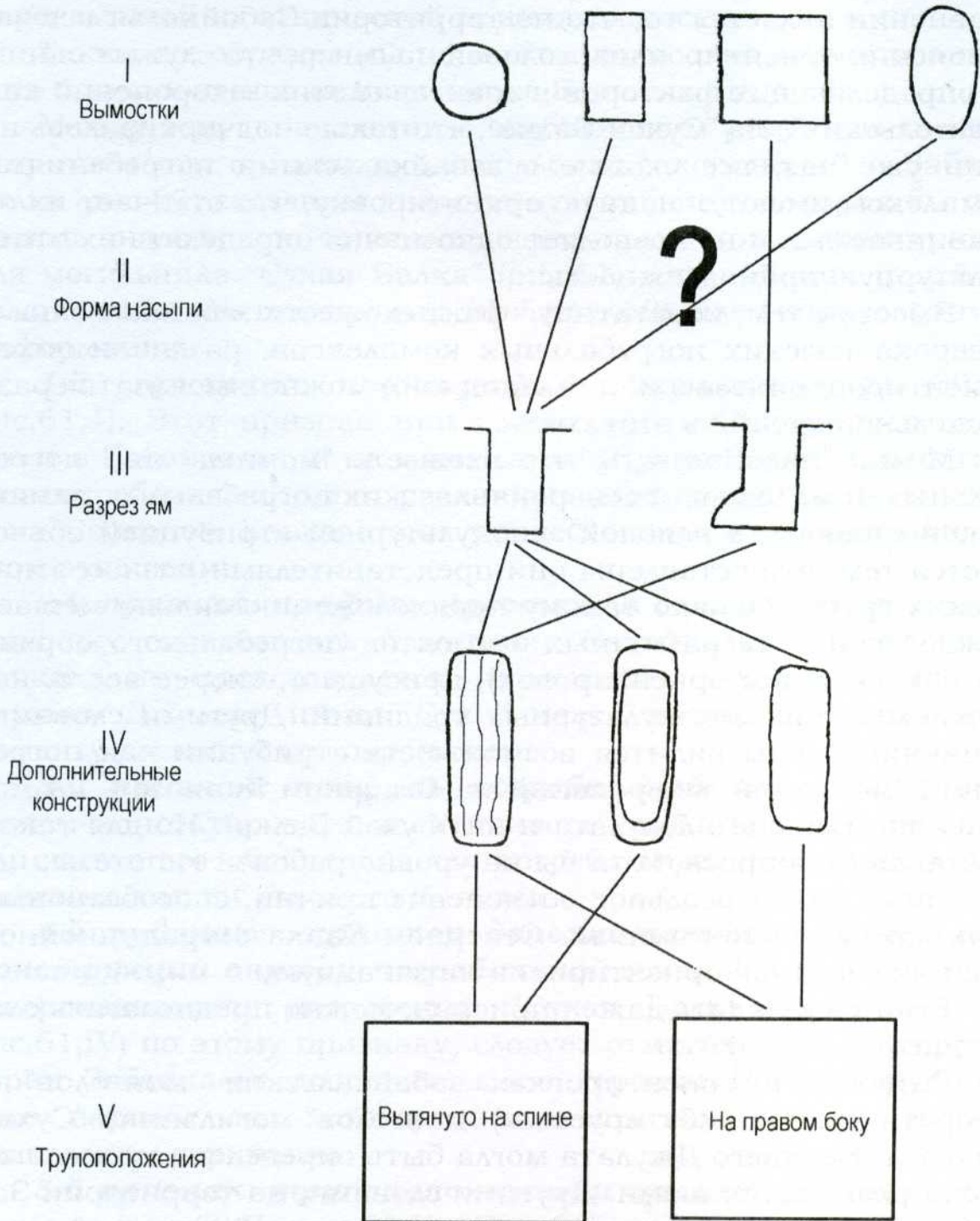

Рис.62. Схема взаимовстречающихся признаков захоронений могильника "Сухая Балка".

голов", не только родившимися и выросшими на территории Золотой Орды, но и, несомненно, являвшимися достаточно "далекими" потомками пришлых в XIII веке из Центральной Азии кочевников, подвергавшихся воздействию влияниям (этно-политическим, конфессиональным и др.), ощущавшимся со стороны этого государственного образования. Следовательно, причины интересующих нас изменений, наверное, следует искать внутри Золотой Орды. Остановившись на этом предположении, как "рабочей гипотезе", попытаемся ее развить, опираясь и на другие наблюдения, чему будет посвящена следующая глава нашей работы.

Литература

- Абрамова М.П. 1982.** Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. №2. – М.
- Азбелев П.П. 1994.** Погребальные памятники типа Минуссинских Чаатасов на Иртыше // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. – Кемерово.
- Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. 1963.** Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА №114. Средневековые памятники Северной Осетии. – М.
- Атавин А.Г. 1984.** Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв. // СА. №1. – М.
- Алексеева Е.П. 1971.** Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. – М.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.И. 1984.** Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск.
- Бабенко В.А. 2001.** Памятники золотоордынского времени на территории Ставропольской возвышенности // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. – М.
- Баранов И.А. 1990.** Население Крымской Хазарии // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань.
- Басов В.И., Нарожный Е.И. 2005.** Новые позднекочевнические захоронения с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 5. – Армавир.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003.** Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. – Краснодар.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1990.** Отчет о проведении охранно-спасательных работ в Наурском районе ЧИАССР летом 1989 года (Раскопки курганов в зоне реконструкции оросительной системы на полях колхоза им. Ленина). – Грозный // Архив ЦАИ АГПУ.
- Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.А. 2003.** Поселение скифского времени и могильник XIV-XV вв. "Сухая Балка" // МИАСК. Вып. 3. – Армавир.

- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. 2001.** Горькобалковский могильник №2 VIII-IX вв. (2). (Публикация материалов) // МИАСК. Вып.1. – Армавир.
- Виноградов В.Б., Ростунов В.А., Дорошевский В.Н. 1983.** Особенности ориентировок захоронений эпохи ранней бронзы Центрального Кавказа в связи с годичным движением Солнца // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. – Орджоникидзе.
- Волков И.В., Ларенок П.А. 1988.** Половецкое святилище на Нижнем Дону // ВМУ. История. №1. – М.
- Горелик М.В., Дорофеев В.В. 1990.** Погребение золотоордынского воина у сел. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока. Вып.2. – Л.
- Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. 2001.** Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. – Пенза.
- Гугуев Ю.К. 2001.** Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце // ДА. № 3-4. – Ростов-на-Дону.
- Гугуев Ю.Д., Гуркин С.В. 1992.** Половецкое святилище середины XI - начала XIII в. на правом берегу Нижнего Дона // ДД. Вып.1. – Азов.
- Евглевский А.В. 1996.** Культовое захоронение половецких каменных изваяний в святилище на Мечетном поле в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск.
- Ермоленко Л.Н. 1991.** Средневековые каменные антропоморфные изваяния Казахских степей. Автореф. Дис. ...к.и.н. Археология. – Кемерово.
- Ермоленко Л.Н. 1994.** О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпи изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. – Кемерово.
- Ефимов К.Ю. 1999.** Золотоордынские погребения могильника "Олень-Колодезь" // ДА. №3-4. – Ростов-на-Дону.
- Зеленский Ю.В. 1997.** Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // ИАА. Вып.3. – Армавир-М.
- Иванов В.А., Кригер В.А. 1988.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV в.). – М.
- Иванов В.А., Яминов А.Ф. 1993.** Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (Сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники Урало – Казахстанских степей. – Уфа.
- Именохоев Н.В. 1992.** Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск.
- Именохоев Н.В., Коновалов И.В. 1983.** К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск.
- Ковычев Е.В. 1981.** Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск.
- Козюменко Е.В., Раев Б.А. 2002.** Курганный могильник Лобанова Щель (По раскопкам 2002 года) // МИАК. Вып.2. – Краснодар.

- Коновалов П.Е., Данилов С.В. 1981.** Средневековые погребения в Кибалино (Западной Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск.
- Костюков В.П. 1994.** Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. – Кемерово.
- Костюков В.П. 2004.** По страницам "Путешествия в восточные страны" (Юбилейные заметки) // МИАСК. Вып.4. – Армавир.
- Кравченко Э.А., Гусев О.А., Давыденко В.В. 1998.** Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (По археологическим источникам) // АА. Вып.7. – Донецк.
- Крамаровский М.Г. 1995.** Монгольская золотая пластинка из коллекции Халили // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина 1986-1994 гг. – СПб.
- Крамаровский М.Г. 1995а.** Серебряный ковш периода Юань (1279-1358 гг.) из коллекции Халили // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина. 1986-1994 гг. – СПб.
- Крамаровский М.Г., Шукин М.В. 1992.** Кочевники на пути в Европу // Межрегиональная конференция "Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды". Тез. докл. – Волгоград.
- Кузнецов В.А. 2003.** Эльхотовские ворота в X-XIV веках. – Владикавказ.
- Марченко И.И., Пьянков А.В. 2002.** Курган 37 могильника Лобанова щель (материалы раскопок 1989 г.) // МИАК. Вып.2. – Краснодар.
- Массон В.М. 1976.** Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.
- Могильников В.А. 1981.** Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X-XII вв. // Археология СССР в 20-ти томах. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.
- Мэнэс Г. 1992.** Символика Солнца в системе погребального обряда монгольских племен // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск.
- Нагоев А.Х. 1981.** Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV-XVII вв.). – Нальчик.
- Нарожный Е.И. 2001.** О поздних кочевниках (XIII-X вв.) на территории Прикубанья // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов Международной археологической конференции. – Краснодар-Анапа.
- Нарожный Е.И. 2003.** О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецкое и золотоордынское время. – Донецк.
- Нарожный Е.И. 2004.** О "городской площади" Верхнего Джулата // Проблемы всеобщей истории. Вып.9. – Армавир.
- Нарожный Е.И. 2004 а.** Новые находки эпохи Золотой Орды с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып.4. – Армавир.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005.** Новопавловский могильник в системе евразийских древностей XIV века. – Ставрополь (в печати).
- Новичихин А.М. 2002.** Курганное погребение XIV века в окрестностях ст. Натухайской // ИАА. Вып.8. – Армавир-М.

- Плетнева С.А. 1958.** Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА № 62. Т.1. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. – М.
- Рунич А.П. 1977.** Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА. №1. – М.
- Соков П.В. 2003.** О кочевнических захоронениях с территории Кубинского городища в Карачаево-Черкессии // Десятые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов). – Армавир.
- Соков П.В. 2004.** Раннесредневековые памятники VIII-IX вв. Средней Кубани. Автореф. Дис. ...к.и.н. 07.00.06 – Археология. – Воронеж.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1981.** Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР в 20-ти томах. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.
- Фидаров Р.Ф. 2004.** Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. Вып.1. – Владикавказ.
- Халикова Е.А. 1986.** Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X-начала XIII вв. – Казань.

Глава 4. Об этнокультурной и конфессиональной атрибуции кочевнических захоронений Северного Кавказа

1. В поисках подходов к интерпретации.

На предварительном этапе рассмотрения погребений могильника "Сухая Балка", как и могильника на городище Верхний Джулат, мы уже подчеркивали тот факт, что по многочисленным аналогиям эти погребения сильно сближаются с захоронениями Забайкалья, которые специалисты трактуют как "монгольские". Однако, в отличие от них, на могильниках "Сухая Балка" и Верхнего Джулата такие же захоронения, обладая всеми признаками "монгольских", разнятся от них ориентировкой. Пытаясь объяснить эту разницу, мы предположили, что причины кроются в том, что на Северном Кавказе интересующие нас памятники могли быть оставлены **потомками** тех "монголов", которые еще в XIII веке переселились в регион, но уже испытавшими на себе воздействующее влияние Золотой Орды. Таким образом, можно условно обозначить некую условную границу (назовем ее "переходным периодом"), в рамках которого на протяжении золотоордынской истории и могла произойти предполагаемая и, возможно, в каком-то смысле глобальная смена традиционных ориентировок кочевнических захоронений на одну "всеобщую" – западную. И это, в принципе, касается не только ориентировок.

Отмеченная проблема – проблема вычленения погребальных комплексов "переходного" этапа, на котором средневековые кочевники начинают утрачивать характерные для них еще с "домонгольской" поры черты погребального обряда – одна из актуальных и почти не разработанных в отечественной историографии. Она требует активизации усилий, причем коллективных, и поводов для этого накопилось немало.

Значительная неопределенность с этнокультурной атрибуцией раскапываемых и затем публикуемых специалистами позднекочевнических захоронений с различными ориентировками выражается, прежде всего, в затруднениях или спорности, происходящих от некоторой безысходности, когда у исследователя появляется массовый археологический материал с

близкими вещевыми наборами, но встреченными в погребальных комплексах, ориентированных различно.

Подобная неопределенность, как известно, вынуждает исследователей искать критерии оценки такого материала – сначала определения его хронологии, а затем и этнокультурной атрибуции. Давно не секрет, что определение датировок осуществляется тщательным подбором аналогий, основная масса которых сосредоточена в давней и хорошо известной монографии Г.А. Федорова-Давыдова "Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов". Когда это возможно, аналогии из этой монографии "разбавляются" и подборками из комплексов последних десятилетий, создающих впечатление об их относительно надежной датировке. Однако ныне появляются все новые типы погребальных конструкций, аналогий которым в той самой монографии Г.А. Федорова-Давыдова нет, как нет, впрочем, тех или иных новых категорий вещевого материала. И здесь, на что мы уже обращали внимание, "на помощь" приходят работы по археологии, к примеру, Руси, особенно это касается предметов вооружения [Нарожный Е.И.2003а, с.212-232]. Между тем, проблема синхронизации раскопочных материалов с древнерусских городищ, поселений и из погребальных памятников с предметами материальной культуры поздних кочевников очевидна, но требует отдельного осмысления. Доминирующая и не всегда мотивированная опора на такую датировку при определении хронологии памятников удаленных от Руси территорий уже имеет негативный опыт. И хотя это к интересующей нас проблеме имеет лишь косвенное отношение, все же укажу на аналогичные попытки, в свое время предпринимавшиеся д.и.н. М.Б. Мужухоевым – сначала для определения хронологии средневековых святилищ горной Чечено-Ингушетии [Мужухоев М.Б. 1981, с.82-97], а затем – типологической классификации наконечников стрел и их датировки, прямо вытекающих из хронологии наконечников стрел на Руси [Мужухоев М.Б. 1986, с.247-253]. Что-то похожее получает распространение и в некоторых исследованиях по археологии поздних кочевников с территории Северного Кавказа, отсюда и достаточно широкая хронология, определяемая порою для того или иного позднекочевнического комплекса. Как правило, вполне "расхожей" и, отчасти, универсальной датой для таких комплексов (на что мы уже обращали внимание еще во "Введении") становятся пределы "XII-XIV веков". Правда, так определяют временную принад-

лежность позднекочевнических захоронений не только на Северном Кавказе, что является также вынужденной мерой исследователей, сталкивающихся с необходимостью сначала датировки, а затем и этнокультурной привязки исследованных захоронений. Здесь, при отсутствии надежно датированных аналогий, те или иные авторы просто обречены опираться на категории вещевого инвентаря (когда он есть и обилен), которые хоть как-то "узнаваемы" или могут быть подвержены определению. Зачастую наиболее "определяющими" весь комплекс становятся редко встречающиеся предметы, порою воспринимаемые как эталонные предметы. Показательно в этом плане обратиться к названиям только нескольких работ-публикаций кочевнических комплексов, например, "Погребение воина с джучидскими монетами" [Дремов И.И. 1985]. Несомненной удачей являются те случаи, когда в погребальном комплексе встречаются золотоордынские монеты, позволяющие надежно датировать комплекс. Однако для более достоверной датировки подобных материалов необходим специфический (нумизматический) анализ как самих монет, так и особенностей синхронного монетам денежного обращения в Золотой Орде.

В других случаях – это "Гривна в погребениях средневековых кочевников" [Шалобудов В.Н., Яремаха В.Н. 1987] или же "Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях" [Шалобудов В.Н., Яремаха В.Н. 1990], а так же – "Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья" [Зеленский Ю.В. 1997]. Подобные примеры неизбежно настраивают на определенный скепсис, вызванный сомнениями по поводу того, насколько выделяемые в заголовках публикаций категории вещевого инвентаря действительно определяющие. Концентрируя внимание на той или иной, несомненно яркой или узнаваемой категории вещевого материала, исследователи вольно или невольно оказываются в плену традиции, и выстраивая версию о генетической и временной преемственности подобных предметов, либо же – обязательно их значимости, пытаются убедить в том же и своего читателя. Особенно это касается категорических утверждений в определении временного размаха бытования тех или иных вещей, либо же их сопричастности конкретному этническому массиву. Подобного рода сомнения навеяны, к примеру, давними наблюдениями Г.А. Федорова-Давыдова, который изначально предполагал, что некоторые типы предметов погребального

инвентаря (бока, онгон) были занесены в Восточную Европу Чингизидами [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.156]. Однако в дальнейшем исследователь уже не исключал и возможности распространения тех же самых категорий предметов в погребальной обрядности и не "монгольского" населения.

Возвращаясь к проблеме датирования погребальных комплексов поздних кочевников в рамках "XII-XIV вв.", заметим: подобная размытость, с определенной долей условности понятная и отчасти приемлемая для группы публикуемых погребений, для датировки отдельных комплексов все же требует каких-то оговорок. Данный подход становится более ясным, если взять пример из относительно недавней истории нашей страны и любое, трудно датируемое захоронение относить к периоду, например, XVII-XIX веков. Бесспорно, что диапазон "XII-XIV веков" распадается на период "домонгольский", "раннедзючидский", золотоордынский и т.д., а это совершенно различные этапы в истории и археологии поздних кочевников.

Подобное состояние проблемы, что следует подчеркнуть особо, устраивает далеко не всех специалистов, занимающихся позднекочевнической проблематикой. На откровенную дискуссионность подобного подхода к датировке кочевнических древностей Восточной Европы в специальной литературе указывалось уже не один раз [Добролюбский А.О. 1988, с.31; Евглевский А.В., Потемкина Т.М. 1997, с.64-65; Армарчук Е.А., Сорокина И.А. 2001, с.198; Нарожный Е.И. 2003а, с.212-213; Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.197-198 и др.].

Причины подобной ситуации объясняются различно: тем, что "зачастую одни и те же типы предметов (встреченных в погребениях – Е.Н.) у различных исследователей маркируются существенно различающимися хронологическими отрезками". А сама "проблема хронологической оценки средневековых древностей степной полосы Восточной Европы на позднем этапе тесно связана с их этнической атрибуцией". Отдельные же "предметы вооружения, конской упряжи, бытовых предметов имели "интернациональный" характер и использовались различными этническими группами. С другой стороны, этнокультурное происхождение некоторых типов артефактов (наручи, шлемы, поножи) в настоящее время кардинально пересматривают и увязывают с монголо-татарским нашествием. Таким образом, ситуация с этнополитической идентификацией погребальных комплексов представляется достаточно слож-

ной..." [Блохин А.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003, с.197].

Однако, наряду со сказанным, можно привести и другую точку зрения, согласно которой ее автор "исходил из того, что историческая действительность в археологических материалах, в большинстве случаев отражается с той или иной степенью точности – используются ли широкие даты или же узкие. Ясно, что узкие даты имеют преимущество – получаемые искажения легче поддаются учету. *При использовании широких дат грани между явлениями стираются* (Здесь и далее выделено мной – Е.Н.), *памятники или культуры, полностью или частично разновременные, могут показаться синхронными*" [Добролюбовский А.О. 1988, с.31]. Вместе с тем, кроме узко специфических и, несомненно, важных подходов, отмеченных в этой цитате, сегодня явственно ощущается и иная проблема – проблема восприятия кочевого общества золотоордынской поры вообще. Как правило, большинство исследователей, опираясь на сугубо археологические методы исследования кочевнических памятников, заведомо абстрагируется от самой возможности политизированного подхода к истории изучаемого явления. Между тем, сталкиваясь с теми или иными работами, в рамках которых их авторы вынуждены выходить на уровень общеисторического обобщения археологического материала, прямо или косвенно ощущается "наследие" той идеологической системы, в пределах которой золотоордынская история обязательно оценивалась общеизвестной цитатой из "классиков" о том, что "монгольское иго иссушало саму душу человеческую". Вряд ли стоит оспаривать реальность такой оценки применительно к конкретным историческим событиям, имевшим место в границах того или иного, конкретного региона, в свое время покоренного и подчиненного Чингизидам. Но на фоне этого представления о событиях золотоордынской истории, несколько "теряется" ощущение места и роли самих кочевников в событиях XIII-XIV веков, нередко "покрываемых" не всегда четко разъясняемым понятием "этнокультурные процессы". Под последними обычно подразумеваются разнообразные контакты, влияния, не всегда взаимно воздействующие. А ведь в содержание указанного термина, вероятно, следует включать и *межэтнический синтез, миксацию, ассимиляционные, как и этнообразующие процессы*, и многое другое. В противном случае, мы никогда и не приблизимся к пониманию реалий того, как "исчезли" целые кочевые народы, или каким образом сформирова-

ровались многочисленные и различавшиеся между собой кочевые "наследники" Золотой Орды. От этого понимания зависит и то, какое историческое содержание золотоордынской эпохи появляется на страницах обобщающих региональных изданий, впрочем, как и в изданиях более высокого или даже академического ранга. И выше мы уже указывали на тот пример, когда В.А. Кузнецов остатки "оградок", или каменных обкладок-вымосток на Верхнем Джулате соотносил с "оградками" близ аула Кубина, а сами захоронения этого могильника легко и "убедительно" определял как "половецкие".

К высказанным выше утверждениям можно относиться различно: оспаривать или уточнять. Но вряд ли кто будет дискутировать по поводу того, что необходимость сужения хронологических рамок в датировке погребальных памятников поздних кочевников давно назрела.

Будет совсем неверным утверждать, что подобных попыток в литературе, посвященной поздним кочевникам, не было. Однако не все такие попытки привели к полному пониманию, не говоря уже о стремлениях к изменениям в оценке позднекочевнических памятников. Обзор причин подобных ситуаций не входит в задачи нашей работы, и мы не станем представлять весь накопленный историографический опыт на этот счет. Но из того самого опыта хотелось бы обратить внимание на уже давнюю монографию А.О. Добролюбского, посвященную анализу археологических памятников поздних кочевников на территории Северо-Западного Причерноморья [Добролюбский А.О. 1988].

Так уж получилось, что идеи этого исследователя, сформулированные к 1988 году, т.е. чуть более 16 лет тому назад, не стали предметом широкого и заинтересованного обсуждения со стороны специалистов. Между тем, некоторые наблюдения этого автора содержат немало рационального, не говоря уже о несомненно интересных и откровенно заслуживающих особого внимания положениях. Сразу оговоримся, что не все высказанные тогда идеи и соображения кажутся нам бесспорными по своей сути. По этой причине мы обратимся лишь к тем его выводам, которые представляются наиболее актуальными.

В разделе книги, озаглавленном "Атрибуции памятников поздних кочевников" А.О. Добролюбский так оценивал опыт своих предшественников. "Выше отмечались сложности, — пишет он, — касающиеся соотнесения погребальных памятников средневековых кочевников с определенными племенами и

народностями. Многочисленные попытки их преодолеть редко оказывались удачными. Большинство исследователей стремились выделить и "закрепить" определенную совокупность формально-типологических характеристик обряда и инвентаря за различными этническими группами кочевников. Лишь Г.А. Федоров-Давыдов после распределения памятников по хронологическим периодам и сопоставления полученных данных со сведениями письменных источников попытался установить возможные разновидности типов погребальных сооружений, допускающих этнические признаки. Оказалось, что количество типов "чистых" комплексов с достоверными этническими характеристиками крайне незначительно. *Подавляющее большинство представлено как бы смешанными типами погребений, являющимися результатом этнокультурных контактов* (Здесь и далее выделено мною – Е.Н.). В типологическом отношении такая смешанность признаков проявляется в заимствованиях деталей погребальных конструкций, манеры уложения в могилу умершего и коня или его частей, ориентировки могил, взаиморасположения всех компонентов" [Добролюбовский А.О. 1988, с.31].

Рассуждая далее, тот же исследователь пишет: "Практические возможности соотнесения этнических признаков с погребальными сооружениями очевидны далеко не всегда. Так, не во всех случаях можно быть уверенным, что привнесение в них нового элемента отражает именно культурное взаимодействие, а не обусловлено иными причинами, например, социальными. В ранее вышедших работах мы пытались показать, что тесный этнокультурный контакт кочевников в пределах одного хронологического периода позволяет их считать в какой-то мере единым социальным организмом (на ограниченной территории). *Даже такое упрощение отражает тенденцию к нивелировке очевидных признаков социальной дифференциации активными этнокультурными контактами, которые опосредовали и определяли ее ход и характер.* Иными словами, самостоятельно она не проходила лишь в пределах собственных этнических групп" [Добролюбовский А.О. 1988, с.31-32].

Высказывая же свое отношение к ряду типов погребальных сооружений кочевников, включая и те, в которых отмечена преимущественно западная ориентировка, А.О. Добролюбовский подчеркивает присущую им смешанность различных признаков. "Разумеется, смешение признаков, – подчеркивает

этот автор, – легче и логичнее всего объяснить культурными взаимовлияниями. Но в таком случае этническая характеристика большинства памятников будет оставаться неясной – невозможно судить, какой из показателей определяющий" [Добролюбский А.О. 1988, с.38].

На наш взгляд, в этом случае А.О. Добролюбский напрасно отвергает возможность этнокультурного взаимовоздействия как одного из основных факторов в распространении смешанных признаков в погребениях, что и мешает вполне определенно оценивать погребальные комплексы с этнической точки зрения. Тем более, что выше мы уже указывали на то, что в целом ряде случаев при нетрадиционном или же нехарактерном обряде, погребений с западной ориентировкой, все же встречаются вполне ясные "этномаркеры", к примеру, находки гривен, считающихся одним из маркеров "половецких" погребений.

Если вновь апеллировать к наблюдениям А.О. Добролюбского, следует подчеркнуть и другое: предложив свою типологию кочевнических захоронений, базирующуюся на типологии, ранее разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым, А.О. Добролюбский формулирует и другие, не менее интересные послы, которые могут оказаться важными. В частности, рассматривая вопрос об ориентировках погребальных комплексов средневековых кочевников, с явными "смешанными признаками", он пишет следующее: *"ориентировка погребенного, будучи заимствованным этнокультурным признаком, превращается в хронологический показатель, ведь со временем при сохранении прежних внутренних типологических характеристик памятника, его ориентировка меняется. **Значит, типологически сходные, но разным образом ориентированные могилы представляют различные этапы существования близкого этнически населения, представляя, как бы диахронный срез его развития**"* [Добролюбский А.О. 1988, с.40]. Или же: *"Остается предполагать, что к этому периоду (эпоха Золотой Орды – Е.Н.) процесс этнокультурной ассимиляции многих групп кочевников выразился, в частности, в отказе от сознательного сохранения ориентировок могил по странам света – они потеряли для них былой смысл или же приобрели какой-то новый"* [Добролюбский А.О. 1988, с.41]. К сказанному остается добавить, что подобные явления не обязательно могли происходить только в процессе ассимиляции.

Именно это предположение для нас имеет принципиальное значение, особенно, если учесть еще один момент.

В начале 1990-х годов вместе с "застрельщиками" этой идеи – В.Б. Виноградовым и С.А. Дударевым, мы приняли активное участие в разработке принципиально новой периодизации всемирной истории как методологической основы (системы координат) в осмыслении истории человечества, вне, еще доминировавшего тогда, "формационного" членения истории [Виноградов В.Б., Дударев С.А., Нарожный Е.И. 1993; с.3-20. Виноградов В. Б., Дударев С.А., Нарожный Е.И.1995, с.126-135]. Периодизация эта, замысел которой представлялся как "материал к обсуждению", изначально в своей основе имела т.н. *"событийно-интегративный"* принцип членения всемирной истории. Постепенно, этот "Материал...", пройдя несколько этапов широкого и заинтересованного обсуждения [К обсуждению. 1994, с.3-32; Виноградов В.Б., Дударев С.А., Нарожный Е.И. 1995а, с. 5-17; Виноградов В.Б., Дударев С.А., Нарожный Е.И. 1995 б, с.9-13; Виноградов В.Б., Дударев С.А., Нарожный Е.И. 1995 в, с.3-10], модифицируясь, нашел как сторонников, так и откровенных противников. Со временем этот "Методический материал..." превратился для ее авторов и в некую "генеральную линию" в неоднозначных подходах к оценке различных исторических явлений. В рамках этой периодизации свое место нашла и история Северного Кавказа, вместе с ее древними, средневековыми и современными обитателями [Науменко В.Е., Нарожный Е.И. 1999; Нарожный Е.И. 2000]. Поздние кочевники эпохи средневековья – не исключение.

Руководствуясь этим подходом, мы склонны рассматривать весь золотоордынский период в истории Восточной Европы и Северного Кавказа несколько сложнее, чем это принято. Мы полагаем, что помимо всех драматических ситуаций, складывавшихся в Золотой Орде на протяжении всей истории ее существования, невзирая на перипетии ее политической истории, военные конфликты и длительный период "Великой замятни" и пр., интеграционные процессы не просто имели место, а были достаточно заметными. Они привели не только к складыванию, по выражению Г.А. Федорова-Давыдова, "синкретической материальной культуры", но и сопровождались ощутимо заметными межэтническими процессами, вызванными к жизни самим ходом развития этого государства. Эти процессы, нередко, играли определяющую роль. И это касает-

ся не только истории экономической, но и истории культурной, и, что несомненно, этнической. Косвенно это подтверждают и письменные источники, к примеру, итальянские, описывающие не только экономическое ("протокапиталистическое"), торгово-предпринимательское воздействие и влияние итальянских республик на обитателей Азово-Причерноморской ойкумены. По свидетельству тех же источников в орбиту такого влияния были втянуты разноэтничные обитатели этого региона. Подобное воздействие касалось не только экономической стороны бытия жителей торговых факторий микрорегиона [Нарожный Е.И.2001а, с.120-123]. Вызывало оно и бурные этнообразующие процессы на периферии итальянских факторий Азово-Причерноморья [Еманов А.Г.1991, с.107-116]. По всей вероятности, если брать в расчет и общеизвестные описания этнических процессов в Золотой Орде, отмеченные автором XIV века ал-Омари [Тизенгаузен В.Г. 1884, с.234], к которому мы еще будем возвращаться не раз, аналогичными и не менее бурными были процессы и на территории Золотой Орды. Они, по всей вероятности, затронули не только жителей золотоордынских городов, включая и территорию Северного Кавказа, но и кочевое население этого государственного образования. В связи с чем, определенный интерес вызывают и антропологические реконструкции внешнего облика разноэтничных обитателей Золотой Орды, выполненные Л.Т. Яблонским [Яблонский Л.Т. 1983, с.227, рис.1; Яблонский Л.Т. 2002, рис.1-9].

В контексте именно такого отношения к истории Золотой Орды, выше отмечавшаяся точка зрения А.О. Добролюбского (об утрате традиционных ориентировок, или же, воплощении в них некоего нового смысла) нам сильно импонирует. Особенно в том смысле, что задолго до появления и оформления совершенно нетрадиционного подхода к истории Золотой Орды этот автор, опять-таки, в чем-то вопреки существовавшей тогда традиции отношения к кочевническим памятникам, пришел к осознанию совершенно иного уровня восприятия кочевого общества золотоордынской поры. И тем более нам понятными становятся его попытки вполне конкретного использования таких дефиниций, как "смещение" признаков в системе погребальной обрядности вследствие "этнокультурных контактов" или же "взаимовоздействие". Нам кажется, что сегодня при анализе материалов погребальной обрядности поздних кочевников золотоордынской эпохи именно такой подход имеет

перспективу. Особенно в той части рассуждений А.О. Добролюбского, в которой он ведет речь о причинах возможной смены ориентировок кочевниками при совершении ими погребального церемониала в тех ситуациях, когда они отказывались "от сознательного сохранения ориентировок могил по странам света", или ориентировки эти "потеряли для них былой смысл или же приобрели какой-то новый". Вполне понятно, что ведя речь о системе погребальной обрядности и изменениях внутри нее, подобные инновации мы должны рассматривать как отражение каких-то процессов повседневности, имевших место при жизни этого населения.

Вполне возможно, что наглядной иллюстрацией к таким обобщениям А.О. Добролюбского, построенным на анализе погребальных комплексов Причерноморья, как нельзя лучше подходят и археологические материалы с территории Северного Кавказа, рассмотренные в рамках следующего параграфа нашей работы.

2. О северокавказских захоронениях с различной ориентировкой. Проблема синхронизации.

Итак, отталкиваясь от выше приведенных наблюдений А.О. Добролюбского, мы солидаризируемся с ним в том, что в рамках золотоордынского периода у средневековых кочевников наступает новый этап в их развитии. А с его наступлением, в силу пока что непонятных нам обстоятельств, что-то вынуждает их либо сознательно отказываться от прежних, традиционных ориентировок погребенных, либо же новая (головой на запад) ориентировка погребальных сооружений начинает приобретать принципиально иной смысл. Другими словами, речь идет о каких-то достаточно глобальных переменах в погребальной обрядности, вызванных как изменениями внутри кочевого общества, так и воздействием внешних причин и условий. В качестве реальных примеров подобных изменений внутри кочевых подразделений золотоордынской эпохи, сначала мы обратим внимание на те позднекочевнические захоронения с территории Северного Кавказа, которые рассматривались нами выше в разделе "Прочие позднекочевнические захоронения".

Среди них мы обращали внимание на четыре погребальных комплекса – это погребение 3 кургана 1 у сел. Новоселицкое на Ставрополье; погребение у хут. Пролетарского и погребение 1 кургана "Кривуша-84" в Краснодарском крае, а также захоронение из кургана 1 группы 2 Калиновского могильника в Чечне. Из них захоронения у Новоселицкого и хут. Пролетарского имели ориентировку, производную от восточной. Погребения из Калиновского могильника и могильника "Кривуша-84" имели ориентировку противоположную, производную от западной.

Описывая эти погребальные комплексы, мы уже подчеркивали и тот факт, что захоронение №3 кургана 1 у сел. Новоселицкое на Ставрополье его публикаторы В.А. Кореняко и А.Г. Атавин первоначально описывали как "тяготеющее к XII веку, может быть, к первой его половине" и определяли его этнокультурную принадлежность как половецкую [Кореняко В.А., Атавин А.Г. 1986, с.100]. Рассмотрение вещевого набора из этого комплекса, напомним, позволило нам датировать его золотоордынским временем, при этом не оспаривая его этнического определения.

Второе погребение – из кургана близ хут. Пролетарского Кореновского района Краснодарского края [Зеленский Ю.В. 1997, с.89-91]. Напомним, что и оно трактовалось как сугубо половецкое, хотя датировку погребального комплекса Ю.В. Зеленский определял противоречиво, относя его то к XIII-XIV векам, то к "30-м годам XIII века".

В третьем случае указывалось на захоронение в кургане 1 могильника "Кривуша-84". И оно было атрибутировано как половецкое XII-XIV вв. [Блохин А.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003], хотя, по нашему убеждению, его датировка может быть "ужата" до периода XIII-XIV вв.

Захоронение 2 кургана 1 группы 2 Калиновского могильника следует определять золотоордынским временем и, возможно, трактовать как половецкое.

Рассматривая инвентарь из этих погребений, который и позволил датировать все комплексы золотоордынской эпохой, мы уже подчеркивали, что все эти захоронения, скорее всего, не просто синхронные, а относятся к разным периодам XIII-XIV вв. Если предложенная нами синхронизация всех четырех комплексов не претерпит существенных изменений, в перспективе можно достаточно уверенно ставить вопрос о следующем. Сравнимые в работе половецкие захоронения с

территории Северного Кавказа не единственные. Они используются нами как наиболее выразительные комплексы, так как, на наш взгляд, документально свидетельствуют о том, что смена восточной ориентировки половецких захоронений на западную происходит в золотоордынскую эпоху. Отсюда хронологическая разница между указанными комплексами вряд ли была существенной.

Вместе с тем, причины такой смены ориентировок в системе погребальной обрядности пока не совсем понятны, и к этой проблеме мы вынуждены будем еще вернуться. А на этом этапе осмысления проблемы подчеркнем, что указанный нами процесс вряд ли коснулся только лишь половцев в составе Золотой Орды. Аналогичный процесс (вернее – тенденцию), на наш взгляд, демонстрируют еще три "монгольских" погребальных комплекса (№№ 2, 4 и 6) из одного кургана 1 группы 4 Капиновского могильника в Чечне.

Выше мы уже указывали на тот факт, что в одном кургане находилось сразу три позднекочевнических захоронения – погребения №№ 2, 4, 6. Будучи впускными, эти захоронения находились компактно, примерно на одной глубине и были впущены в одну насыпь кургана. Представлены захоронениями взрослого мужчины (погребение 2), по предварительному заключению антрополога А.В. Шевченко, с сильным налетом монголоидности на черепе. Захоронение взрослой женщины (погребение №4), также по определению А.В. Шевченко, с видимыми монголоидными признаками черепа и погребение девочки-подростка (погребение №6), имевшей "заметные черты монголоидной примеси на черепе" (А.В. Шевченко). Таким образом, мы имеем основания для того, чтобы данный комплекс захоронений рассматривать, может быть, как компактный, "семейный" могильник.

Мужское захоронение имело северную (с заметным отклонением) ориентировку; женское – северную, а захоронение подростка – западную (рис.24-26, рис.27-28, рис.29.30). Судя по инвентарю из этих захоронений, что рассматривалось выше, погребения принадлежат золотоордынскому времени.

Общеизвестно, что северная ориентировка погребенных многими современными специалистами сопоставляется с "монголами", либо же с выходцами из Центральной Азии, Сибири или Алтая [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.126 и др.]. Если отталкиваться от этого, все захоронения Капиновского кургана 1 группы 4, как и выше отмечавшиеся половецкие погребения

ния, дают нам основания для предположения, что и потомки "монголов" к XIV веку оказались в системе таких же изменений, сознательно или же вынужденно заставивших их изменить традиционную ориентировку погребенных на западную. Другими словами, если учитывать сказанное выше, в золотоордынское время мы сталкиваемся с действительно имевшими место изменениями в погребальной обрядности, приводившей как у половцев, так и у "монголов", к смене традиционных ориентировок погребенных. Если это так, то аналогичным образом следует воспринимать и захоронения на могильниках "Сухая Балка" и Верхнем Джулате, имевших почти тождественные детали погребального обряда как и захоронения "монголов" Забайкалья, но отличавшиеся от них господствующей западной ориентировкой.

В качестве дополнительного аргумента в пользу высказанных выше тезисов мы можем привести еще один. Общеизвестно, что еще в 1966 году Г.А. Федоров-Давыдов, рассматривая погребальный инвентарь позднекочевнических захоронений, пришел к выводу о том, что одними из маркирующих "монгольские" захоронения признаками являются находки остатков головных уборов – бокк и бронзовые онгоны. Исследователь, в частности, писал: "С пришлым с монголами из Сибири этносом можно, видимо, связывать погребения с северной ориентировкой, подбойные могилы, встречающиеся иногда в могилах, вырезанные из листовой бронзы идольчики-онгоны и головные уборы типа описанной Карпини шапки-бокки" [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.231]. Пытаясь определить зоны распространения выявленных им признаков, исследователь заключал: "Ареал бокки и бронзовых фигурок, а также погребений с подбоями ограничен Поволжьем, Забайкальем, Уралом и Нижним Доном" [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.157]. Правда, сегодня остатки головных уборов-бокк известны и на Северном Кавказе [Доде З.В. 2001; с.59-62; Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005]. Ныне известна в регионе и пока единственная находка бронзового онгона [Нарожный Е.И. 2004, с.272, рис.5,1]. Здесь же имеются и кочевнические захоронения с северной ориентировкой [Пиотровский Б.Б. 1941, с.242-249], включая и публикуемые захоронения №№ 2 и 4 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника. Отдельные захоронения Назрановского курганного (ныне – Республика Ингушетия) могильника, исследовавшиеся еще В.Б. Антоновичем, [Антонович В.Б.1898, с.186; Нарожный Е.И. 1988, с.158-172], могильники

– Новопавловский (Ставрополье) и "Сухая Балка" дают нам примеры распространения на Северном Кавказе грунтовых ям с подбоями. Все эти материалы, наверное, позволяют расширять обозначенный Г.А. Федоровым-Давыдовым ареал пребывания монголов в XIII веке, включая в него и Северный Кавказ. Однако, столкнувшись с находками все тех же маркирующих монгольские захоронения признаков (бокка и онгон), Г.А. Федоров-Давыдов вынужден был сильно скорректировать свои же выводы. Опираясь на многообразие погребальных сооружений в Поволжье и Заволжье, в инвентаре которых встречались и находки бокк, Г.А. Федоров-Давыдов отмечал следующее: "Если бы бокку в степях Поволжья и Заволжья носили только монголы, то и состав погребений с боккой по типам отличался бы от состава всех золотоордынских по времени погребений этой области" [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.156]. И далее: "Таким образом, в Восточной Европе нет погребальных памятников, которые можно было бы связать с монголами по комплексу характерных черт. Бокка встречается в погребениях, обычных для половецкого населения Поволжья и Заволжья в IV (золотоордынский – Е.Н.) период. Следовательно, или бока утратила свой специфический монгольский характер и ее стали носить половцы и другие кочевые племена Восточной Европы, или монголы в Восточной Европе быстро утратили свой специфический обряд погребений и хоронили по обычаям местных кочевых племен. Нам кажется, что процесс был двусторонним" (выделено мною – Е.Н.) [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.157]. Правда, сегодня высказанные Г.А. Федоровым-Давыдовым предположения можно корректировать, и ставить вопрос о том, что в Восточной Европе (или в отдельных ее регионах) действительно наблюдался процесс постепенной утраты монголами своего специфического (традиционного) обряда погребений, но этот процесс происходил гораздо сложнее. Уже в рамках Золотой Орды не столько пришлые в конце 30-х годов XIII века монголы и сопутствующие им разноэтничные и разноплеменные выходцы из глубин Центральной Азии, а их прямые потомки, родившиеся и выросшие уже на территории Восточной Европы, становятся участниками не только миксационных процессов, но и процессов взаимовоздействующего синтеза. Несомненным результатом последних должно было стать, как минимум, распространение тех самых признаков "смешанного" погребального обряда, о котором писал А.О. Добролюбский. "Смешанность", как одна

из формировавшихся черт традиционной, но уже "золотоордынской культуры", должна была проявляться различно, способствуя распространению новых и специфических черт материальной, бытовой и церемониальной культуры. При сугубо археологическом подходе к проявлениям таких, складывавшихся в условиях полиэтничного золотоордынского государства реалий, не всегда "узнаваемых" при поиске аналогий им в существующих обобщающих исследованиях, именно такие проявления и вызывают разнотолки и разноголосицу в их этнокультурной атрибуции. По-крайней мере, на подобную постановку вопроса указывает не только современное понимание интересующей нас проблемы, но и давние наблюдения антропологов. К примеру, А.Т. Яблонский, исследовавший городские некрополи Золотой Орды, несомненной заслугой которого явились исследования не только погребальных конструкций и обряда, но и индивидуально-антропологическая оценка погребенных, не один раз подчеркивал трудности, сопряженные с вычленением собственно "монголов" среди городского населения Золотой Орды. Тем не менее, одним из обобщающих выводов исследователя было то, что со временем "монголы" перестают быть этнически замкнутой группировкой в золотоордынских городах [Яблонский А.Т.1987, с.214-247], постепенно превращаясь в одного из субъектов межэтнического синтеза. Вне всякого сомнения, по аналогии с этими явлениями можно предполагать о существовании аналогичных процессов и в Степи. Вполне реально, что итогом таких процессов могло стать то, что Г.А. Федоров-Давыдов обозначил как возможность восприятия половцами или другими обитателями Степи изначально "монгольской" бокки. Другими словами, с какого-то момента, сугубо "традиционные" маркеры, ранее характеризовавшие захоронения "монголов", становятся присущими и для погребений, для которых "монгольские" черты являются не этническим показателем, а показателем, к примеру, социальным. Или же, может быть, мы сталкиваемся с погребальными комплексами, оставленными населением уже смешанным, т.е. – сложившимся в Золотой Орде и ставшим результатом межэтнического синтеза. Подобное отношение к проблеме во многом может объяснить и интересующую нас ситуацию с превалярованием в XIV веке западной ориентировки в погребениях разноэтничных кочевников.

Обозначая предлагаемую гипотезу как рабочую версию, попытаемся обосновать и возможные причины, которые могли

вызвать такие изменения в системе погребальной обрядности поздних кочевников золотоордынской поры.

Прежде всего, первое, на что мы можем опереться, это всем известное свидетельство письменных источников: сообщение ал-Омари, которое есть смысл привести дословно.

Ал-Омари, будучи современником описываемых им явлений, свидетельствовал: *"В древности – это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки смешались с их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и остались жить в земле их (Кипчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране заставляло натуру человеческую уподобиться ей и изменить прирожденные черты согласно ее природе, как мы уже сказали выше..."* [СМИЗО, 1884, с.235].

Данная цитата вряд ли может убедить всех современных исследователей в том, что ал-Омари описывал именно те самые процессы, в ходе которых в Золотой Орде происходил интересующий нас межэтнический синтез, в результате которого смена традиционных ориентировок погребенных на новую, западную, являлась лишь одной из форм его проявления. Тем более, что далеко не все из нынешних исследователей склонны доверять реальности информации, приведенной ал-Омари. Однако попытаемся все же прислушаться к мнению автора XIV столетия.

Для нас важно одно: ал-Омари фиксирует не только долгое пребывание Чингизидов и их потомков в земле Кипчаков, но и имевшие место там этнокультурные процессы, которые можно расценивать как миксацию, так и межэтническое взаимовоздействие. Причем, и это мы подчеркнем особо, ал-Омари сначала речь ведет об этнокультурной миксации или ассимиляции (на том уровне, когда "кипчаки"-половцы сначала смешались с их (т.е. – Чингизидов) подданными). Вероятно, как это предполагал и Г.А. Федоров-Давыдов, речь должна идти о смешениях между половцами и представителями различных, местных (в каждом регионе) племенах.

На наш взгляд, своеобразными археологическими "иллюстрациями" к этой части сообщения средневекового автора может служить не только процесс использования "бокк" в не-

монгольских захоронениях, о чем писал Г.А. Федоров-Давыдов, но и другие ситуации. В качестве еще одного примера возьмем могильник в Цемесской долине под Новороссийском, опубликованный Е.А. Армарчук и А.А. Малышевым [Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997, с.92-114]. Атрибутированный как изначально курганный, этот некрополь дал удивительное сочетание погребальных обрядов золотоордынской эпохи, среди которых были отмечены трупосожжения, захоронения в каменных ящиках и пр. Захоронения в каменных ящиках под курганной насыпью и считаются вполне обычным делом для территории Северо-Западного Кавказа золотоордынского периода [Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с.130]. Однако нам представляется, что традиция использования каменных ящиков, распространяется на равнинах Прикубанья, как минимум, с эпохи раннего средневековья [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. 2003, с.115-141]. Трупосожжения золотоордынской эпохи, вероятно, следует рассматривать как своеобразное "наследие" или реминисценцию традиций, также характерных для раннесредневекового населения этого микрорегиона, наиболее ощутимо распространившихся со времени Хазарского каганата. Выделяемый ныне раннесредневековый ареал – Кубано-Черноморская группа [Пьянков А.В., Тарабанов В.А. 1998; Пьянков А.В., Тарабанов В.А. 1998а; Тарабанов В.А. 1999, рис.1-3], в последнее время увязывается напрямую с "касогами" – раннесредневековыми предками современных адыгов [Пьянков А.В. 2001, с.198-213]. Но и здесь не все понятно, поскольку ныне известны трупосожжения и на территории Кавминвод [Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. 1998, с.310 и др.], что явно выпадает из очерченного выше ареала. Несмотря на то, что эта проблема не входит в задачи данной работы, мы лишь подчеркнем, что еще М.И. Артамонов не исключал тюркского характера таких захоронений, указывая на азиатские регионы, с которыми мог быть связан их генезис [Артамонов М.И. 1962, с.102]. К сожалению, это направление поисков и анализа развития так и не получило. Тем не менее, констатируя факт существования трупосожжений среди погребений в Цемесской бухте и долине, мы вслед за другими авторами склонны их рассматривать как реминисцентные проявления раннесредневековых традиций, доживающих до золотоордынской эпохи и постепенно сходящих на нет.

Другими словами, и на этом могильнике мы сталкиваемся с существованием смешанных элементов погребального обря-

да. Смешанность эта прослеживается и при анализе погребального обряда, включавшего в себя инвентарь сугубо золотоордынский и более характерный для разноэтничных обитателей Северо-Западного Кавказа, а также и для черных клобуков [Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997, с.110-112 и др.; Нарожный Е.И. 2000а, с.138-159; Нарожный Е.И. 2003а, с.212-233]. То же самое можно сказать и о специфике населения, оставившего данный могильник. Исследователи, изучавшие памятник, вполне справедливо отмечают: "Пестрота погребальной обрядности" на отмеченном памятнике вполне определено "свидетельствует о смешанной группе" этого населения [Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997, с.112].

В качестве еще одного примера следует указать и на могильник Лобанова щель на территории Краснодарского края [Марченко И.И., Пьянков А.В. 2002, с.168-213; Козюменко Е.В., Раев Б.А. 2002, с.214-236], анализ погребального обряда которого также требует отдельного рассмотрения. Тем не менее, и здесь мы сталкиваемся со своеобразным смешением различных погребальных традиций, происходивших в золотоордынское время. Среди них выделяются каменные оградки, свидетельствующие, возможно, о все том же, тюркском (хазаро-половецкое время) наследии, распространившемся здесь не раннее золотоордынского времени в среде населения, явно не являвшегося тюрками.

Все это далеко не единственные примеры, которые, на наш взгляд, могут хотя бы отчасти подтверждать сообщение ал-Омари о миксационных процессах среди половцев и "подданных" Чингизидов.

С другой стороны, ал-Омари речь ведет и об этнокультурном взаимодействии половцев и монголов, что, вероятно, имело место на всей территории Золотой Орды. Но это свидетельство, отчасти, вступает в прямое противоречие с одним из наиболее известных выводов Г.А. Федорова-Давыдова. В свое время исследователь высказал мысль о том, что в ходе завоевательной кампании Чингизидов, осуществленной ими в 30-х годах XIII века, Чингизиды уничтожили прежнюю социальную верхушку половецкого общества. Сегодня это предположение принято многими исследователями, которые понимают его в буквальном смысле, считая, что речь шла о массовом и физическом уничтожении половцев в Степи. Однако нам представляется, что Г.А. Федоров-Давыдов подразумевал не столько массовые расправы над той частью половцев, которые оказа-

ли Чингизидам сопротивление, сколько физическое устранение или замену отдельных половецких вождей. Вероятно, Г.А. Федоров-Давыдов имел в виду и некоторое "перераспределение", выражаясь современным языком, сложившихся до прихода монголов в Восточную Европу "властных полномочий" в Степи. Такое перераспределение обязательно должно было повлечь за собой не только смену вождей половецких орд, подчинившихся Чингизидам, но и всей отлаженной к тому времени системы владений и управления территориями. Но, вероятно, подобные изменения должны были коснуться системы политической и социальной структуры половецких объединений, вызвав к жизни приход к власти совершенно новой половецкой "номенклатуры". Этот приход наверняка должен был сопровождаться и подкрепляться процессом перемеживания территорий, хотя и включенных в состав золотоордынского государства, согласно принципам улусной системы Золотой Орды. В ходе этих преобразований, что вполне реально, должна была "создаваться" и иная "иерархическая лестница". На разных ступенях этой лестницы "новая" половецкая социальная "номенклатура", впрочем, как и подчиненные ей кочевые образования, не только должны были принимать складывавшиеся формы бытия и изменений, но и всячески стремиться к вершинам новой власти. На этом фоне стремление определенной, наиболее пассионарной части из числа покоренных Чингизидами народов к упомянутому ал-Омари процессу смешения между монголами и половцами становится понятным. Формула: "мы и вы одной веры, и нам нечего делить", как известно, была апробирована Чингизидами еще в 1222 году и дала желаемые результаты. В рамках XIV века эта же формула могла привести и к процессу активного смешения, и еще не известно кто – половцы или монголы – являлись его инициаторами. Подобного рода теоретические размышления могут иметь и реальное археологическое подтверждение. Здесь мы вновь сошлемся на публикацию В.Г. Блохина, А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкина, введших в научный оборот ряд кочевнических комплексов с территории Кубани. Среди них следует обратить внимание на еще одно захоронение – погребение №2 кургана 1 могильника "Дмитриевский-1982". Определенное как половецкое, это захоронение в составе погребального инвентаря содержало наручи и поножи. Вместе с тем, данные детали, вопреки сложившейся традиции, ныне рассматриваются как часть защитного доспеха наиболее элитарной части

монголов [Горелик М.В.1987, с.163-203]. Наручи, к примеру, помимо находки на территории Руси (поселение у Сахновки) [Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985, с.356, табл.142,4], ныне известны и в погребальных комплексах монголов [Горелик М.В. 1987, с.163-203], а также в погребениях наиболее знатных представителей горской социальной верхушки Северного Кавказа золотоордынского времени [Чахкиев Д.Ю.1990, с.91, рис.11; Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. 1990; Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.2003, с.152-142, рис.10-11]. Аналогичным образом трактуются и поножи, ныне известные не только на территории Руси, но и в захоронении знатного кочевника-монгола [Горелик М.В, Ковпаненко Г.Т. 2001, с.161-164], не говоря уже об изобразительных источниках, запечатлевших монголов этой эпохи с интересующими нас деталями защитного доспеха [Горелик М.В.1987]. На этом фоне погребение №2 кургана 1 могильника "Дмитриевский-1982", вероятно, можно расценивать как захоронение половца, однако это мог быть и представитель уже смешанного половецко-монгольского населения, его элитарной части.

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что кочевнические захоронения собственно "монголов" с наборами вооружения встречаются крайне редко. И, наоборот, те погребальные комплексы, где присутствуют таковые предметы, большей частью – "половецкие". Вполне вероятно, что подобную ситуацию объясняют все те же письменные источники: перечисляя этнокультурный состав войск тех или иных золотоордынских ханов, источники неизменно утверждают: "у них рати...черкессы, аланов" и пр. Среди последних, как правило, упоминаются и половцы. Это обстоятельство, вероятно, дает определенные основания полагать, что не только самые "богатые" половецкие захоронения демонстрируют своего рода "статусный" характер всех половецких, воинских захоронений, и позволяют видеть в них подчиненный золотоордынским ханам объект воздействия.

При рассмотрении инвентаря из публикуемых нами захоронений в отдельный раздел мы выносили и следы "заупокойной пицци" или "кости ритуальных животных", приводя при этом этнографические свидетельства, позволяющие остатки костей овцы или барана в погребениях ставить в прямую связь с монгольской погребальной традицией. Наличие костей овцы в погребениях №№ 2 и 4 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника в Чечне еще одно подтверждение тому, т.к.

оба захоронения, как указывалось выше, следует рассматривать как "монгольские". Вместе с тем, половецкое захоронение 1 кургана 1 могильника "Кривуша-84" на Кубани, о чем речь шла в предыдущих разделах, также содержало кости овцы, что вполне заманчиво связывать с все теми же, уже смешанными чертами половецко-монгольского погребального обряда.

Рассуждая на эту же тему, следует вспомнить и о том, что с антропологической точки зрения не все захоронения XIV века, характеризующиеся северной (монгольской) ориентировкой погребенных, по свидетельству антропологов, имеют ярко выраженную монголоидность. Достаточно указать на захоронения монголов из курганов под г. Моздоком (Северная Осетия) [Пиотровский Б.Б. 1941, с.242-246] и на городище Нижний Джулат (Кабардино-Балкария). В.П. Алексеев, впоследствии специально изучавший черепа из этих захоронений, склонен был оценивать исследовавшиеся им материалы не как "монгольские", а как "кипчакские". "Если это так, – писал антрополог, – то, только к кипчакам следует относить аргументированный выше вывод о значительной монголоидной примеси в антропологическом составе популяций, оставивших оба могильника" [Алексеев В.П. 1985, с.310].

Если принимать сообщение ал-Омари как факт реальный, можно предполагать, что процесс этнокультурного смешения половцев и монголов должен был способствовать и проявлению своего рода "этнообразующих процессов" в Золотой Орде. Подобные явления, на наш взгляд, должны были не только нивелировать этнические различия, но и способствовать трансформации и некоей унификации еще сохранявшегося этнокультурного своеобразия, в XIII веке различавшего эти племена. Нам представляется, что подобные изменения могли затронуть не только повседневную жизнь в рамках Золотой Орды, но и погребальную обрядность этого времени. В таких ситуациях обязательно должны были складываться некие общие, универсальные каноны обряда, вместе с тем, намеренно подчеркивавшие, в большей степени социальный статус и профессиональную принадлежность погребенных. Этнокультурная специфика при такой унификации должна была уходить на второй план.

Естественно, что предлагаемая система предположений исчерпывающе не объясняет затрагиваемую проблему и по этой причине ее вряд ли однозначно могут воспринять другие исследователи. Однако сегодня, при существовании уже доста-

точно большого количества погребальных комплексов с западной ориентировкой и с вещевыми наборами явно широкого временного их использования, данная проблема требует неоднозначного и нетрадиционного подхода к ее осмыслению.

Подводя некоторые итоги, мы еще раз подчеркнем тот факт, что фиксируемое изменение традиционной половецкой и монгольской ориентировок происходило в рамках золотоордынского времени и, возможно, одной из причин тому могли бы быть миксационные процессы между потомками половецкого и "монгольского" населения XIV столетия. Однако только этим фактором, как единственно объясняющим интересующие нас изменения, исчерпывающе объяснять их вряд ли возможно. И мы уже отмечали выше (если вновь возвращаться к северокавказским археологическим материалам), что наряду с западной ориентировкой "монгольские" комплексы, включая могильники "Сухая Балка" и Верхнего Джулата, характеризуются и другими признаками погребального обряда, аналогии которым мы находим в канонах погребального обряда в исламе. Это – разворот погребенных на правый бок, хотя аналогичное положение встречается довольно – таки часто в "монгольских" "языческих" захоронениях Забайкалья [Именохоев Н.В., Коновалов В.Е, с.70, рис.1]. Аналогичное наблюдение мы можем отметить и в отношении грунтовых ям с подбоями [Именохоев Н.В., Коновалов В.Е, с.70, рис.1]. Подобное совпадение сугубо "монгольских" и мусульманских погребальных традиций, возможно, простое совпадение. Однако и здесь можно обратить внимание на еще одно обстоятельство, как на очередную рабочую гипотезу.

Как известно, вторжение Чингизидов в XIII веке не ограничилось только территорией Восточной Европы. В составе Золотой Орды, наряду с Северным Кавказом оказалась и часть Средней Азии. В итоге, значительная часть Чингизидов перемещается не только в Восточную Европу, но и на территорию Средней Азии, из-за которой, согласно письменным источникам будет идти ожесточенная борьба между представителями разных политических группировок [Мыськов Е.П. 2003, с.94-100 и сл.]. В связи с этим будет совсем не лишним напомнить и о некоторых наблюдениях Е.А. Халиковой.

Исследуя мусульманские некрополи Волжской Булгарии и, параллельно, приводя сведения письменных источников, зафиксировавших требования ("каноны") к мусульманскому погребальному обряду, исследовательница особо подчеркивала

следующее. Среди "канонических" письменных свидетельств, в которых приводилась регламентация мусульманского погребального обряда, были "два сочинения". Это – "Ал-Хидая филь фуру" – комментарий мусульманского права по ханифитскому толку, составленный в XII веке Бурханэдином – Али-ибн-Абу Бекром аль Маргинани. И – суперкомментарий к "Хидае..." – "Аль-Кифая фи шарх аль Хидае", написанный в XIV веке (1347 г.) Саид Джалаль ад-Дином аль Хаварезми аль Кирляни. Важно отметить, – пишет Е.А. Халикова, – что обе эти книги составлены в Средней Азии, откуда осуществлялась и миссионерская пропаганда ислама на Среднюю Волгу" [Халикова Е.А. 1986, с.44].

Данная цитата примечательна с разных точек зрения. Мы, вслед за Е.А. Халиковой и многими другими специалистами, также полагаем, что в золотоордынскую эпоху распространение ислама не только на Волге, но и на Северном Кавказе шло, все же, не из средневекового Азербайджана, как полагают многие современные авторы [Мамедов Ф.Г. 1979; Мамедов Ф.Г. 1988; Кузнецов В.А. 1974; Кузнецов В.А. 2002; Зиливинская Э.Д. 1998; Зиливинская Э.Д. 2003; Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. 2004], а из Средней Азии [Нарожный Е.И. 1988, с.159-187; Нарожный Е.И. 2003б, с.151-172]. Подтверждением тому можно назвать не только среднеазиатские аналогии архитектурным деталям мусульманских мечетей и мавзолеев [Нарожный Е.И. 1988, с.172, рис.2; Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. 2004, рис.4] Золотой Орды на Северном Кавказе, хотя в пользу иной точки зрения сегодня приводятся и примеры, свидетельствующие, якобы, об азербайджанских их истоках [Мамедов Ф.Г. 1978]. Между тем, на Северном Кавказе в золотоордынскую эпоху существовало сразу несколько городских мусульманских центров: Дербент, Верхний и Нижний Джулаты, Старогладовское поселение, Маджары, являвшихся и центрами воздействия на окружающие районы с преимущественно кочевым населением. Среди указанных городских центров явно выделялся город Маджар. В нем, судя по письменным источникам, имелось несколько мечетей. А Э.В. Ртвеладзе, со ссылкой на Ибн-Батутту, посетившего пятничную мечеть и присутствовавшего на соборной молитве, приводит его свидетельства: "по окончанию (упомянутой молитвы-Е.Н.) на мимбар взошел проповедник Иза ад-Дин (или – Мадж ад-Дин), из знатоков мусульманского права и достойных (ученых) Бухары, у которого было (здесь) множество учеников и чтецов (Корана),

читавших перед ним". Комментируя это свидетельство, Э.В. Ртвеладзе пишет: "Эти строки также показывают, что Иза ад-Дин (Мадж ад-Дин) был здесь не временным человеком, а основал целую школу по подготовке служителей мусульманской религии. Подтверждается традиционная роль Бухары в исламизации населения Золотой Орды, начало которой было положено бухарским имамом Шам-ад-Дином Бухари, обратившего в ислам еще хана Берке (1257-1266 гг.) и группу его приближенных" [Ртвеладзе Э.В. 1975, с.23-24].

Судя по информации Ю. Клапрота, в окрестностях Маджара он видел и надгробную плиту с именем одного из "судей правоверных" [Клапрот Ю. 1825, с.118 и др]. В этом смысле, воздействующая роль мусульманской Средней Азии в процессе исламизации населения Северного Кавказа в эпоху Золотой Орды, нам кажется более реальной и предпочтительной, нежели аналогичная роль средневекового Азербайджана [Нарожный Е.И. 2003б, с.151-172].

Данный экскурс предпринят совсем не случайно. Отдавая предпочтение Средней Азии в указанном процессе, мы совсем не вправе исключать и то, что именно в Средней Азии после установления там владычества Чингизидов могло произойти "слияние" или даже синтез погребальных традиций, привнесенных Чингизидами и канонов мусульманской погребальной обрядности, так подробно описавшейся и настойчиво рекомендовавшихся среднеазиатскими авторами.

Другими словами, в подобном синтезе можно видеть "совпадение" таких погребальных конструкций, как ямы с подбоями, дополнительных решетчатых гробах, разворот погребенных на правый бок. Определенное совмещение или калькирование традиционных этнических (монгольских) канонов погребального обряда на конфессиональные, мусульманские (или – наоборот), тем не менее, должно было предполагать и некоторые "уступки" в пользу одной из таких традиций. Допустимо предположить, что подобного рода уступки могли быть сделаны пришлыми монголами, вынужденными изменить традиционную ("языческую") северную ориентировку на западную, т.к. в исламе такая ориентировка имела вполне определенную мотивировку: необходимостью соблюдения Кыблы.

Как это отмечала Е.А. Халикова: "Положение Кыблы в разных мусульманских странах в зависимости от их географического размещения различно. В арабо-персидских географиче-

ских сочинениях средневековья специальные главы посвящались положению Кыблы в разных частях мусульманского мира. По отношению к районам Среднего Поволжья (к территории Волжской Булгарии) Мекка находится к ЮЮЗ и положение строго лицом к ней с поворотом на правый бок предполагает обязательную ориентировку погребенных головой на запад с небольшим отклонением к северу, т.е. ориентировку на ЗСЗ. Отсюда ряды могил на мусульманских кладбищах Волжской Булгарии всегда будут вытянуты с севера на юг (с небольшим отклонением). "[Халикова Е.А. 1986, с.45].

Географическая расположенность Северного Кавказа предполагает необходимость при совершении захоронения по-мусульмански (при ориентации лица покойного в сторону Мекки и укладке его с разворотом на правый бок) ориентировки погребенного головой строго на запад [Нарожный Е.И. 1988, с.159-182; Фидаров Р.Ф. 2003, с.29-30 и сл.].

Таким образом, если распространение западной ориентировки у северокавказских кочевников эпохи Золотой Орды связывать с начавшимися в Золотой Орде миксационными процессами, на которые наложился, к тому же, и процесс их исламизации⁴, наиболее активно проходившей во времена Узбек-хана и Джанибека – это еще один, если не самый главный фактор, объясняющий "всеобщее" и "универсальное" изменение традиционных ориентировок, на западную, широко распространившуюся у разноэтничных обитателей Золотой Орды, включая и ее северокавказские владения.

Естественно, что такая постановка вопроса неизбежно вызовет заметную долю скепсиса у определенной части специалистов. А одним из главных аргументов против обязательно станет апелляция к факту отсутствия в большинстве известных случаев (кочевнических захоронениях) сугубо мусульманских признаков, будь то конструкция ямы или же трупоположение. Еще одним аргументом против такого восприятия интересующей проблемы может стать и общеизвестный факт наличия в кочевнических захоронениях нередко обильного погребального инвентаря. А это, как известно, противоречит основным требованиям к мусульманскому погребальному обряду. Последний, как известно, требовал полного отсутствия со-

⁴ Здесь можно указать и на возможность распространения западной ориентировки у кочевников в связи с их христианизацией [Малахов С.П. 1997, с.140-141]. Однако, достоверными сведениями на этот счет мы не располагаем.

проводящего инвентаря при захоронении [Халикова Е.А. 1986].

Однако также общеизвестно, что даже на мусульманских городских кладбищах Золотой Орды хорошо прослеживается явная тенденция к достаточно формальному соблюдению все тех же требований [Яблонский Л.Т. 1987]. По этой причине, мы не можем исключать возможности рассмотрения процесса исламизации Золотой Орды и ее кочевого населения, как одного из самых главных факторов, которые либо определяли, по выражению А.О. Добролюбского, "нежелание" использования старых канонов погребальной обрядности, либо приобрели какой-то "новый смысл".

В качестве еще одного аргумента в пользу именно такой постановки вопроса мы можем указать на сходную ситуацию с христианским населением в Золотой Орде и на Северном Кавказе на этом же самом хронологическом отрезке времени.

Известно, что в христианской погребальной обрядности сопровождение умершего погребальным инвентарем не только не поощряется, а – исключается. Однако насколько точно это требование соблюдалось? В качестве примера укажем лишь на христианские погребения золотоордынского времени близ церкви №1 на городище Верхний Джулат в Северной Осетии, т.е. на том же городище, на котором находился и интересующий нас некрополь с каменными вымостками над захоронениями. На этом могильнике близ церкви №1 Верхнего Джулата, ошибочно, на предварительном этапе их осмысления, отнесенных к "домонгольскому" времени [Милорадович О.В. 1963, с.87-106], в захоронениях были встречены бусы, глиняный сосудик, наконечник стрелы, пряжки, костяные пуговицы, бубенчики и разнотипные украшения [Милорадович О.В. 1963, с.87-106]. Подчеркнем еще раз тот факт, что подобного рода "нарушения" требований к сугубо христианской погребальной обрядности зафиксированы в погребениях, совершавшихся не только вблизи церкви, но, наверняка, при этих погребальных церемониях присутствовали и служители христианского культа, скорее всего, относившиеся к подобным "нарушениям", как вполне нормальному явлению. Данное предположение вытекает не только из факта знакомства с указанными погребениями. В кавказоведческой литературе не раз указывалось на существование тождественной ситуации и в горной зоне Северного Кавказа, когда обилие погребального инвентаря вызвало даже дискуссию по поводу восприятия горских погре-

бальных памятников либо как "языческих", или же "христианских". В конечном итоге, в литературе было выработано понятие: "этнизованное христианство" [Виноградов В.Б. 1980, с.66-68; Виноградов В.Б. 1980а, с.1-16; Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. 1981, с.3-112; Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Н., Межидов Д.Д. 1981, с.2-30; Бараниченко Н.Н. 1985, с.3-24]. Этим термином объяснялась интересующая нас специфика, в рамках которой в местной этнической среде происходило переосмысление и адаптация канонов христианства к давним и традиционным религиозным условиям. В итоге, исследуя археологические памятники горной зоны, специалисты сталкивались с таким же, достаточно формальным, соблюдением христианской погребальной обрядности, как и в погребениях поздних кочевников, которые мы склонны рассматривать как мусульманские. Примечательно, что подобную ситуацию на Кавказе подметил и католический миссионер – "брат Журден", посетивший область "Каспийских гор". "Скажу о Каспийских горах, – отмечал Журден, – что там, на кресте приносят в жертву овец и делают это люди, называющие себя христианами, хотя все они не христиане. Ничего не смыслят они в вере ..." [После Марко Поло. 1968, с.156].

Вполне вероятно, что аналогичная ситуация могла складываться и в Степи, где под влиянием ислама, со временем превратившегося в государственную религию Золотой Орды, исламизация и могла вызвать процессы и явления, постепенно нивелировавшие прежние этнокультурные различия. Изменение ориентировок в системе погребальной обрядности, возможно, лишь одно из массовых проявлений таких изменений. С другой стороны, процесс исламизации вполне мог вызвать к жизни и аналогичную его этнизацию, которая и обуславливала наличие в таких захоронениях погребального инвентаря.

Вместе с тем, необходимо сослаться и на точку зрения тех специалистов, которые совсем не без оснований отмечают: "К настоящему времени исследованы сотни точно датированных золотоордынских погребальных комплексов (здесь и далее выделено мною – Е.Н.), среди которых выделяются группы памятников с нумизматическими находками середины - второй половины XIV столетия. Многие из них представляют собой захоронения, не имеющие ничего общего с нормами мусульманской погребальной обрядности" [Мыськов Е.П. 2003, с.159]. И с этим утверждением можно было бы согласиться безоговорочно, но "сотни точно датированных" курганов, если

они даже действительно датируются определенно, вряд ли могут восприниматься как точный маркер интересующей нас ситуации. И дело тут не столько в статистике (как и в случае с публикуемыми нами материалами). Впрочем, вряд ли определяющими могут стать и хорошо датированные монетами "серединой - второй половиной XIV века" погребальные комплексы. В этом легко убедиться, обратившись, например, к специфике погребальных комплексов, исследованных внутри золотоордынских склепов или мавзолеев. Ведь, наряду с типично мусульманскими захоронениями в них, внутри мемориальных надгробий нередко встречаются и такие захоронения, которые к числу мусульманских можно отнести лишь по факту их расположения внутри указанных мавзолеев. Если же их оценивать в отрыве от упомянутого факта, далеко не все они будут вызывать ассоциации с сугубо мусульманскими. Да и вряд ли стоит воспринимать процесс исламизации кочевников Золотой Орды как исключительно всеобщее явление. Здесь важна глубина воздействующего охвата исламизацией представителей тех или иных кочевых орд. Не меньшую роль, наверное, играла и степень готовности к восприятию исламизируемых представителей кочевых орд и прочее. Здесь мы можем сослаться на наблюдения Е.П. Мыськова, заметившего: "с самого начала своего правления Узбек объявил ислам государственной религией и начал проводить политику исламизации, действуя активно, решительно и бескомпромиссно. Всем представителям золотоордынской аристократии было поставлено ультимативное требование – немедленное обращение в ислам; неисполнение грозило смертью" [Мыськов Е.П. 2003, с.158]. И современники тех событий вполне однозначно описывали, как Узбек "умертвил нескольких эмиров и знатных лиц и убил множество бахшей и волшебников" [Тизенгаузен В.Г. 1884, с.197]. На фоне подобного рода сообщений вряд ли стоит сомневаться в том, что попытки такой всеобщей исламизации затронули кочевое население Золотой Орды. Другое дело, и мы это подчеркнем особо, как этот процесс принимался и, особенно, исполнялся в повседневной жизни, не говоря уже о системе погребальной обрядности кочевников.

Если предполагать, что публикуемые нами позднекочевнические памятники Северного Кавказа с западной ориентировкой погребенных – это результат описывавшихся выше процессов в Золотой Орде, наверное, стоит делать "поправку" на то, что эти захоронения относятся к начальному периоду

исламизации Золотой Орды. Тогда они, как уже указывалось выше, относятся к разным этапам этого процесса. Погребения с восточной ориентировкой, атрибутированные как половецкие: погребение в кургане из-под хут. Пролетарского и захоронение 3 кургана 1 у сел. Новоселицкое можно относить к самому началу процесса. На это указывает факт бытования прежней, восточной ориентировки, хотя инвентарь в них – золотоордынской эпохи. Захоронения в кургане могильника "Кривуша-84" и погребение 2 кургана 1 группы 2 Калиновского могильника, также – половецкие, заманчиво относить уже к первой половине – середине XIV века, когда и начинают наиболее активно проявляться этномиксационные процессы внутри Золотой Орды, на которую накладывается еще и исламизация, несомненно, повлиявшая на изменения и унификацию погребального обряда.

Если это так, и наши наблюдения не претерпят существенных корректировок, следует предполагать, что аналогичные процессы затронули не только половцев и иных представителей кочевого населения Золотой Орды, но и собственно монголов. Именно по этой причине захоронения в кургане 2 группы 4 Калиновского могильника мы расцениваем как захоронения точно такого же, "переходного" этапа, когда и у монголов под воздействием все тех же причин начинают изменяться привычные и традиционные признаки погребальной обрядности, включая и ориентировку. Тогда захоронения на могильниках "Сухая Балка" и на городище Верхний Джулат – это погребальные комплексы середины – начала второй половины XIV века, оставленные монголами, уже подвергшимися исламизации. Но этот процесс, по всей вероятности, смог повлиять лишь в той степени, которая вызвала к жизни во многом формальное соблюдение новых канонов.

Рассматривая именно таким образом интересующие нас погребальные комплексы, и в первую очередь, те, которые вводятся в научный оборот, мы отдаем себе отчет в дискуссионности поставленной проблемы. Но именно так на сегодняшнем уровне понимания этой проблемы можно пытаться объяснять причины того, если выразиться словами А.О. Добролюбовского, почему кочевники отказываются от старых и использовавшихся ими не одну сотню лет традиций. Или же – какой именно новый смысл они начинают вкладывать в процесс использования западной ориентировки погребенных. А это вызывает к жизни постепенную трансформацию прежних погре-

бальных традиций и унификацию погребального обряда, в рамках которого мы и сталкиваемся с описанными Г.А. Федоровым-Давыдовым случаями использования в нетрадиционных для монголов захоронениях типично монгольских онгонов и головного убора бокки. В рамках происходивших изменений мы склонны рассматривать и распространение у половцев обряда "сокрытия" старых и традиционных идолов-статуй первопредков на территориях некогда почитавшихся ими святилиц [Нарожный Е.И. 2003].

Несомненно, что подобные процессы и явления нельзя рассматривать как некую панацею, исчерпывающе объясняющую ситуацию эпохи средневековья. Естественно, что на каждой отдельно взятой территории, несмотря на их вхождение в состав Золотой Орды, эти процессы могли иметь свою специфику и нести отпечаток конкретных политических, этнокультурных и прочих ситуаций, и их выявление и осмысление, наверное, должно происходить отдельно. Что же касается Северного Кавказа, то во второй половине XIV века и позже в курганах появляются захоронения с явным и четким разворотом на правый бок, как это было отмечено в некоторых захоронениях Новопавловского могильника на Ставрополье [Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005], или же – захоронения с подбоем, заложенным деревянным закладом, установленным под углом в 45 градусов, как это было установлено В.Б. Антоновичем в курганах у Назрани (ныне – Республика Ингушетия) [Антонович В.Б. 1898]. Иногда встречаются и погребения с подбоем, внутри которого погребенный лежал на носилках [Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2005]. А уже позднее появляются и надземные сооружения типа мавзолеев, исследованных на территории современных Кавминвод [Ртвеладзе Э.В. 1969; Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. 1974] и Маджара [Клапрот Ю. 1825; Ртвеладзе Э.В. 1972; Волкова Н.Г. 1972], возводившиеся на равнине вплоть до середины XV века, что подтверждают строительные надписи на мавзолее Борга-Каш в Ингушетии [Семенов Л.П. 1928] и у осетинского селения Заманкул [Нарожный Е.И. 1998; Кузнецов В.А. 2003].

Любопытно, что большинство хорошо датированных кочевнических захоронений с западной ориентировкой, судя по монетным находкам в них, датируются концом XIII – первой половиной XIV века. На это, отчасти, указывает кочевническое захоронение на городище Алхан-Кала в Чечне с монетой Токты. Монета, как ее определял Г.А. Федоров-Давыдов, по

типу конца XIII века (комплекс не опубликован). Другое захоронение – с территории Карачаево-Черкессии с монетой хана Узбека [Биджиев Х.Х., Топоркулов И.Х., Байрамкулов С.Д. 1996, с.23-24]. Вероятно, они и датируют процесс интенсивной смены ориентировок на западную.

Литература

- Алексеев В.П. 1985.** О расселении монголоидов на Северном Кавказе // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. – Л.
- Антонович В.Б. 1898.** Дневник раскопок, веденных на Кавказе в 1879 году // IV АС в Тифлисе. Труды подготовительной комиссии. – М.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997.** Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып.3. – Армавир-М.
- Артамонов М.И. 1962.** История хазар. – Л.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003.** Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып.3. – Краснодар.
- Биджиев Х.Х., Топоркулов И.Х., Байрамкулов С.Д. 1996.** Раскопки Кардоникского могильника в Карачаево-Черкессии // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой. – Ставрополь.
- Бараниченко Н.Н. 1985.** Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений у вайнахов. Автореф. Дис. ... к.и.н.07.00.07. Этнография. – М.
- Виноградов В.Б. 1980.** Назревшие задачи изучения религиозных воззрений на Центральном Кавказе // X "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. – М.
- Виноградов В.Б. 1980а.** Религиозные верования чеченцев и ингушей в X-XVIII вв. – Грозный.
- Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Ч., Межидов Д.Д. 1981.** Библиография основных отечественных работ по религиозным верованиям вайнахов в дореволюционном прошлом. – Грозный.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. 1993.** Основные этапы всемирной истории. Методический материал для обсуждения. – Армавир.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. 1995.** Основные этапы всемирной истории. Методический материал // Восток. Африка. Азиатские сообщества: история и современность. №5. – М.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. 1995а.** К дискуссии по периодизации всемирной истории // Проблемы всеобщей истории. Вып.5. – Армавир.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. 1995б.** О ходе обсуждения новой периодизации всемирной истории, разработанной в Армавирском госпединституте // Вторые научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти акад. С.Д. Сказкина. 22-23 октября 1994 г. – Ростов-на-Дону.

- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. 1995в.** О ходе дискуссии по периодизации всемирной истории // РИЖ. №1. – Балашов.
- Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. 1981.** Религиозные воззрения в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. 2003.** Горькобалковский могильник №2 VIII-IX вв (2). Публикация материалов // МИАСК. Вып.1. – Армавир.
- Волкова Н.Г. 1972.** Маджары (К истории средневековых городов Северного Кавказа) // КЭС. Т.V. – М.
- Горелик М.В. 1987.** Ранний монгольский доспех (IX - первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск.
- Горелик М.В., Дорофеев В.В. 1990.** Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока. Вып.2. – Л.
- Горелик М.В., Ковпаненко Г.Г. 2001.** Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. – Пенза.
- Добролюбский А.О. 1988.** Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. – Киев.
- Доде З.В. 2001.** Средневековый костюм народов Северного Кавказа. – М.
- Дремов Н.И. 1985.** Погребение воина с джучидскими монетами // СА. №1. – М.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. 1997.** О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских номадов развитого средневековья // Донецкий археологический сборник. Вып.3. – Армавир-М.
- Еманов А.Г. 1991.** Латиняне и нелатиняне в г.Каффе // Из истории Византии и византиеведения. – Л.
- Зеленский Ю.В. 1997.** Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // ИАА. Вып.3. – Армавир-М.
- Зиливинская Э.Д. 1998.** Мечети Золотой Орды (Общие принципы планировки) // МИАП. Вып.1. – Йошкар-Ола.
- Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. 2004.** Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. – М.
- Именохоев Н.В., Коновалов В.Е. 1985.** К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск.
- После Марко Поло. 1956.** – М.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985.** Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. – М.
- К обсуждению. 1994.** К обсуждению методического материала: "Основные этапы всемирной истории" (Армавир. 1993). Сборник отзывов. Составители: В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев. – Армавир.
- Козюменко Е.В., Раев Б.А. 2002.** Курганный могильник Лобанова щель (по раскопкам 2002 года) // МИАК. Вып.2. – Краснодар.
- Коренько В.А., Атавин А.Г. 1986.** Позднекочевнические погребения в курганах у сел. Новоселицкое (Ставропольский край) // КСИА №183. Средневековая археология Восточной Европы. – М.

- Кузнецов В.А. 1974.** Путешествие в древний Ирыстон – М.
- Кузнецов В.А. 2003.** Эльхотовские ворота в X-XV веках. – Владикавказ.
- Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. 1998.** Поселение "Козьи скалы" у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.1. Археология. – Ставрополь.
- Клапрот Ю. 1825.** Исследование о развалинах Маджарских // Московский телеграф. Ч. 1-2. – М.
- Малахов С.Н. 1997.** Алано-византийские этюды (3) // ИАА. Вып.3. – Армавир-М.
- Мамедов Ф.Г. 1979.** О генезисе архитектуры Татартупского минарета и мавзолея Борга-Каш // Сборник материалов конференции молодых ученых "Актуальные проблемы развития архитектуры и искусства Азербайджана". – Баку.
- Мамедов Ф.Г. 1988.** Архитектурные связи школ зодчества средневекового Азербайджана. – Баку.
- Марченко И.И., Пьянков А.В. 2002.** Курган 37 могильника Лобанова щель (Материалы раскопок 1989 года) // МИАК. Вып.2. – Краснодар.
- Милорадович О.В. 1963.** Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА №114: Средневековые памятники Северной Осетии. – М.
- Мужухоев М.Б. 1981.** Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (По материалам раскопок автора в 1970-1980 гг.) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. – Грозный.
- Мужухоев М.Б. 1986.** О датировке средневековых наконечников стрел (По материалам раскопок культовых и погребальных памятников горной зоны Чечено-Ингушетии в 1970-1981 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа. – М.
- Мыськов Е.П. 2003.** Политическая история Золотой Орды (1236-1313 гг.). – Волгоград.
- Науменко В.Е., Нарожный Е.И. 1999.** Основы регионоведения (Северный Кавказ). Ч.1. – Краснодар.
- Нарожный Е.И. 1988.** К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (По материалам мусульманских захоронений городов Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе.
- Нарожный Е.И. 1998.** Несколько свидетельств XVIII-XIX вв. о золотоордынских древностях Северного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. Вып.3. – Армавир.
- Нарожный Е.И. 2000.** Северный Кавказ: этапы исторического развития. – Армавир.
- Нарожный Е.И. 2000а.** Черные клобуки на Северном Кавказе. (О времени и условиях переселения) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.14. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. – Воронеж.
- Нарожный Е.И. 2001.** О поздних кочевниках (XIII-XIV вв.) на территории Прикубанья // Третья Кубанская археологическая конференция

- ция. Тезисы докладов международной археологической конференции. – Краснодар-Анапа.
- Нарожный Е.И. 2001а.** Средневековые европейские цивилизации и их азово-причерноморская ойкумена (XIII-XV вв.) // Античные цивилизации и варварский мир. – Краснодар.
- Нарожный Е.И. 2003.** О половецких каменных изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецкое и золотоордынское время. – Донецк.
- Нарожный Е.И. 2003а.** Половцы или черные клобуки? (По поводу критических замечок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИАСК. Вып.3. – Армавир.
- Нарожный Е.И. 2003б.** Вновь о мечетях Верхнего Джулата (Северная Осетия) // МИАСК Вып.1. – Армавир.
- Нарожный Е.И. 2004.** Новые случайные находки эпохи Золотой Орды с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып.4. – Армавир.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2005.** Новопавлловский могильник в системе евразийских древностей XIV века. – Ставрополь (в печати).
- Нарожный Е.И., Чаккиев Д.Ю. 2003.** О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII-XV века) // МИАСК. Вып.2. – Армавир.
- Недашковский Л.Ф. 2000.** Золотоордынский город Укек и его округа. – М.
- Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. 1974.** О ессентукских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. №2. – М.
- Пиотровский Б.Б. 1941.** [Раскопки у] ст. Моздок // Археологические исследования на территории РСФСР. – Л.
- Полякова Г.Ф. 1996.** Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов и литейщиков. – Казань.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А. 1998.** Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство? // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. – Керчь.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А. 1998а.** Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство? // ДК. Вып.13. – Краснодар.
- Полякова Г.Ф. 1996.** Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань.
- Пьянков А.В. 2001.** Касоги-Касаки-Кашаки – письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып.1. Краснодар.
- Ртвеладзе Э.В. 1969.** Два золотоордынских мавзолея из района Пятигорска // СА. №4. – М.
- Ртвеладзе Э.В. 1972.** Мавзолей Маджара // СА. №1. – М.
- Ртвеладзе Э.В. 1975.** Из истории городской культуры Северного Кавказа XIII-XIV вв. и ее связей со Средней Азией. Автореф. Дис. ... к.и.н. 07.00.06-Археология. – Л.
- Семенов Л.П. 1928.** Мавзолей Борга-Каш // Известия Ингушского НИИ. Вып.1. – Владикавказ.

- Тизенгаузен В.Г. 1884.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. – СПб.
- Тарабанов В.А. 1999.** Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее, в 1988 году // ДК. Вып.14. – Краснодар.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1994.** Золотоордынские города Поволжья. – М.
- Фидаров Р.Ф. 2004.** Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. Вып.1. – Владикавказ.
- Халикова Е.А. 1988.** Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. – Казань.
- Хашегульгов Б.М. 1989.** Отчет о раскопках Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР в 1988 году. – Грозный. // Архив ЦАИ АГПУ
- Чажкиев Д.Ю. 1990.** Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в горной Ингушетии // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный.
- Чажкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. 1990.** Погребение знатного горского воина из сел. Верхний Алкун (горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск.
- Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. 1987.** Гривны в погребениях средневековых кочевников // Памятники бронзового и раннежелезного века Поднепровья. – Днепропетровск.
- Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. 1990.** Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск.
- Яблонский Л.Т. 1978.** Исследование средневекового некрополя на городище у с. Селитренное // ПИИЭ. 1976 год. – М.
- Яблонский Л.Т. 1979.** Некоторые результаты исследования средневекового мусульманского некрополя Селитренного городища в 1976-1977 гг. // ПИИЭ. 1977 год. – М.
- Яблонский Л.Т. 1983.** Социально-этнические взаимоотношения в золотоордынском городе (По данным могильников) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата.
- Яблонский Л.Т. 1987.** Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья) // М.М. Герасимова, Н.М. Рудь, Л.Т. Яблонский. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
- Яблонский Л.Т. 2002.** Антропологические данные к этногенезу народов Поволжья (По материалам Поволжской экспедиции) // НАВ. Вып.5. – Волгоград.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершив рассмотрение публикуемой части позднекочевнических захоронений с территории Северного Кавказа, мы попытались обосновать, что к XIV веку на территории Золотой Орды, включая и ее владения на Северном Кавказе, начинают активно осуществляться процессы межэтнического смешения. В эти процессы были вовлечены представители разноэтничных массивов поздних кочевников, родившихся и выросших уже собственно в Золотой Орде. Оказавшись в непосредственной сфере бурной повседневной жизни молодого золотоордынского государства, эти обитатели явились не только объектами, но и конкретными субъектами всех изменений, включая и этнообразующие процессы. По всей видимости, средневековый автор – ал Омари, будучи не просто современником, но, вероятно, и очевидцем текущих этнокультурных явлений, вполне реалистично отразил их в своих лаконичных записях. Кипчаки, оказавшись в зависимом положении от Чингизидов и их потомков, в силу целого ряда обстоятельств стали одними из активных участников межэтнического синтеза. На наличном археологическом материале это прослеживается, хотя необходимо наращивать усилия в этом направлении и целеустремленно искать не только различные проявления специфики "половецкого" наследия, но и наследия черных клобуков и иных тюркоязычных обитателей региона. На этом фоне заманчивыми становятся и попытки поиска следов местного, северокавказского населения, вне всякого сомнения, принимавшего участие в тех же самых процессах.

Аналогичным образом, в межэтническое взаимодействие, а затем и синтеза, вероятно, были вовлечены и представители монгольской части кочевого общества. Значительное время державшиеся этнически замкнуто и обособленно, представители этих групп населения Золотой Орды постепенно появляются и среди городского населения, что подтверждается археологическим материалом, хотя и здесь, "чистых" монгольских погребальных комплексов мало и речь ведется о достаточно сильных изменениях, которые испытали монголы, а также представители тех групп населения, которые оказались в системе таких миксационных процессов.

Аналогичным образом, такие же перемены протекали и внутри кочевых орд, приводя к постепенному стиранию этнокультурных особенностей кочевников. Интересующий нас

процесс, вероятно, вызвал к жизни и принципиальные изменения в материальной культуре и в погребальной обрядности, приводя к некой универсализации, выразившейся и в широком распространении западной ориентировки у разноэтничных кочевников. С началом активной исламизации Золотой Орды, наиболее интенсивно распространявшейся в период правления ханов Узбека и Джанибека, такие изменения распространяются широко и приводят к тому, что ориентировка погребенных уже (в рамках XIV века) отражает не столько традиционные (этнокультурные) особенности кочевников Золотой Орды, сколько демонстрирует их приверженность к общезолотоордынским традициям, в рамках которой этническое своеобразие проявляется совершенно иначе. По всей видимости, в контексте рассматриваемых инноваций эпохи следует нестандартно подходить и к восприятию могильников "Сухая Балка" и на городище Верхний Джулат, о которых речь шла выше.

Оба могильника, скорее всего, являлись не просто кочевническими, а были оставлены той частью потомков монголов, которые к XIV веку оказались в системе воздействующего влияния со стороны ислама. В итоге, оба некрополя следует воспринимать как новые примеры той самой, если использовать характеристики, данные еще Г.А. Федоровым-Давыдовым, "синкретической золотоордынской культуры". В рамках существования этой культуры, кочевники играли далеко не последнюю роль, "впитывая" в своей повседневности не только происходившие внутри Золотой Орды, но и адаптируясь и принимая общегосударственные новшества.

Сегодня вряд ли стоит отделять специфику развития населения золотоордынских городов и кочевой Степи, как это иногда встречается в исследованиях по истории Золотой Орды, особенно в те периоды, когда в Золотой Орде наступали периоды относительной политической стабилизации.

Именно таким образом подходя к специфике золотоордынской истории, мы отдаем себе отчет в том, что предложенные и реконструируемые нами перемены базируются на достаточно ограниченном количестве используемых в данной работе погребальных комплексах. И это может вызвать ощущение некоторой недостаточности или, даже, ограниченности исходной источниковой базы всей проблемы. Однако именно эти погребальные комплексы, став своеобразной выборкой материалов, позволяют наиболее ярко иллюстрировать те про-

цессы в Золотой Орде, которые и вызвали появление и распространение таковых. Проверка гипотезы на массовом материале – дело будущего. И здесь следует сослаться на Ф.Энгельса: "Если бы мы, – писал он, – захотели ждать, когда материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона ..." [Энгельс Ф. 1961, с.555].

В предложенной заинтересованному читателю работе мы не стремились к максимальному охвату всех известных погребальных памятников поздних кочевников Северного Кавказа. Основной и главной задачей для нас было другое. Насколько успешно мы с ней справились, судить уже не нам.

Литература

Энгельс Ф. 1961. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т.20. – М.

СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIII-XV вв. ОБРЕТАЮТ СВОЕ ЛИЦО (биография научного поиска)

Представляемый читателям труд доцента кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического университета, кандидата исторических наук, члена-корреспондента Международной Академии наук Евгения Ивановича Нарожного со всей возможной убедительностью демонстрирует всеобщее признаваемое положение: история Северокавказского региона в золотоордынское время является одним из самых малоизученных загадочных и сложных периодов местного прошлого. Причем, если имеются определенные (порой немалые) успехи в реконструкции развития горских народов в контексте Кавказа и Юга России XIII-XV вв., то этого не скажешь относительно обитателей степных и равнинных просторов, которые, собственно, и обеспечивали вхождение (или длительное соприкосновение) всего населения стратегически важного полиэтнического региона в поле деятельности такого феномена отечественной истории как Золотая Орда.

Автор данной монографии вплотную приступил к этой актуальной проблематике на рубеже 1970-1980-х годов, когда был студентом-историком Чечено-Ингушского государственного университета им. А.Н. Толстого, делающим первые свои шаги в науке (регулярное участвуя в разноформатных, вплоть до уровня Всесоюзных, археологических конференциях, раскопках и разведках Предгорно-плоскостной археологической экспедиции; выход в свет первых научных публикаций и т.п.). Преданность сформировавшимся ученым интересам Е.И. Нарожный пронес через годы школьной работы и службы в рядах Советской Армии, после чего на долгое время стал деятельным, набирающим рост и квалификацию сотрудником хоздоговорной археологической новостроечной лаборатории ЧИГУ им. А.Н.Толстого, а затем и аспирантом-заочником межвузовской кафедры истории народов Северного Кавказа.

Уже в ту пору раскрылся его достойный исследовательский потенциал, реализуемый, в частности, путем результативных полевых (в том числе и широких самостоятельных) работ в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Северной Осетии, на Ставрополье, а также нарастающим списком многообразных и рано замеченных наукой статей, заметок, тезисов докладов,

связанных, прежде всего, с золотоордынской и смежной с ней тематикой. Молодой специалист оказался интересен и притягателен для юной вузовской поросли, с тех времен всегда окружающей его.

1991-1992 годы – тяжкий момент в биографии Е.И. Нарожного. Националистически – сепаратистский беспредел в родной Чечне вынудил его в составе группы представителей нашей кавказоведческой научно-педагогической Школы (все чаще именуемой именно так!) покинуть Грозный. Вместе с друзьями и коллегами – нынешними профессорами С.А. Дударевым и Н.Н. Великой, доктором исторических наук Ю.Ю. Клычниковым, доцентом С.А. Головановой и другими (в том числе студентами) мы, с семьями переместились на Кубань, сплотившись в Армавирском государственном пединституте (теперь – педагогический университет), ни на йоту не отступив от своих научных и гражданских принципов. Серафим Саровский утверждал: "Спасись сам, и вокруг тебя спасутся многие". Наиболее крепкое ядро нашего коллектива привнесло в Краснодарский край новые элементы работы и взаимодействия, повседневного общения и сотворчества, став центром объединения не только части прежних, но и активно формируемых уже здесь кадров (см., например: "Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы (Материалы к заседанию "круглого стола" в честь 10-летия деятельности в Армавирском госпединституте)". Основная часть. – Армавир. 2002. Дополнительная часть. – Армавир. 2002). Яркую роль в этом сыграл и Евгений Иванович.

Он не сставил регулярных занятий археологией и историей Северо-Восточного Кавказа (в первую очередь Чечни и Ингушетии), но теперь распространив их на весь Северный Кавказ. В 1998 году в Воронежском государственном университете была успешно защищена сильная кандидатская диссертация "Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья (археолого-историческое исследование)", открывшая дорогу к крупному обобщающему проекту, важный фрагмент которого публикуется ныне.

К недавнему окончанию докторантуры список научных трудов Е.И. Нарожного (книг, брошюр, статей и пр.) перевалил за 250 названий (см. например: В.Б. Виноградов. Нарожный Евгений Иванович // Российские исследователи Кавказа. История, археология, этнография. Био-библиографический очерк. Вып.22. – Армавир. 2000). Параллельно, обобщив бога-

тый предшествующий опыт хоздоговорных полевых работ, квалифицированный "раскопщик" возглавил создание в АГПИ Центра археологических исследований, экспедиции которого охватили широкий ареал на территории Краснодарского края, включая древности от эпохи бронзы до XVII века. Подготовка специалистов осуществляется посредством аспирантуры по археологии под руководством Е.И. Нарожного. Им же инициировано издание беспрецедентного в современных условиях сериала объемных и высокосодержательных сборников "Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа", 5 вышедших выпусков которых в 2003-2005 гг. собрали под своей обложкой десятки публикаций коллег не только всего региона, но и многих научных и вузовских центров из других областей Российской Федерации. Являясь неизменным ответственным редактором таковых, Евгений Иванович выступает на их страницах автором большого числа статей с охватом самой разной проблематики, в которой видное место занимает и золотоордынская.

Все это и многое другое составляет солидную базу завершаемого ныне докторского диссертационного труда "Северный Кавказ в XIII-XV вв.: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия (историко-археологическое исследование)". Некоторые принципиальные положения и подходы, ранее специально не исследовавшейся, но остро назревшей фундаментальной темы и освещает данная монография.

С полным пониманием отношусь к тому, что автор ее не претендует на исчерпывающее толкование всей суммы имеющихся в его распоряжении источниковых материалов и крайне противоречивого историографического багажа. В конкретном случае, Евгений Иванович Нарожный обратился к подробному (даже дотошному) рассмотрению группы опорных для него погребальных памятников и отдельных комплексов и находок, впервые имеющему цель выявления, введения в научный оборот и всесторонней, пристрастной интерпретации материальных и этно-культурных примет и следов формирования золотоордынской кочевнической среды в степях и на равнинах Северного Кавказа.

В фокусе пристального интереса автора оказались нерешенные, а то и вовсе не поставленные вопросы оптимальной датировки тех древностей, которые, по его аргументированному мнению, связаны с событиями и процессами от начала

монгольского завоевания региона, складывания Золотой Орды вплоть до распада этого государственного объединения.

Отходя от чисто половецкой версии, доминирующей, господствующей вплоть до сего времени, Е.И. Нарожный упорно ищет и находит существенные признаки смешения, межэтнического синтеза разных компонентов, свидетельствующих о сложности и пестроте кочевников XIII-XV вв. Их состав и уловимый облик на Северном Кавказе определялись не только базовым кипчакским наследием, но и энергичным наслоением на него, слияния с ним, переоформлением его носителями новых этнообразующих черт, явившихся на фронт событий из глубин Центральной Азии и Южной Сибири через цивилизационные поля ранее разделявших пространств.

Именно в этом "плавильном котле" видит мой ученик разгадку этно-культурного преобразования населения южно-русских степей, его судьбу в составе Золотой Орды при налаживающемся взаимодействии с соседними областями и народами. Отдельной проблемой (на примере исламизации) ставится обретение нового лица кочевых и переходящих к оседлости подданных нового государства, находящихся на пути постепенного, а потом и жестко регулируемого отказа от традиционных повседневных ценностей в пользу неизбежной "стандартизации" под напором условий и обстоятельств державного характера власти и идеологии.

Тщательное изучение круга сложных проблем неизбежно требует от автора почти непрекращающейся полемики со своими предшественниками и сегодняшними оппонентами, сопоставления, сталкивания взаимопротиворечащих, а то и исключających друг друга взглядов. Отсюда содержание монографии закономерно приобретает ярко выраженный дискуссионный характер. А постоянное стремление Е.И. Нарожного как можно более обстоятельно, нелицеприятно и доходчиво обозначить и применить трассы собственных поисков и решений поднятых проблем и их аспектов определяет своеобразие самого стиля, слога и тональности авторского изложения, которые отнюдь не подразумевают всеобщее признание. Что ж, как выразился великий бард, "каждый пишет, как он слышит", и единая манера письма невозможна и нежелательна, на мой взгляд.

Если же оценивать итоговый пассаж монографии с использованием генеральной мысли Ф. Энгельса - классика марксизма-ленинизма, то, убежденно разделяя ее, скажу так.

Повседневность (в том числе и историческая) изначально фундаментальнее, многомернее, глубже и богаче любых теоретических установок, интерпретаций, гипотез и толкований, служащих всегда прояснению лишь отдельных ее моментов и граней. Это, как будто бы, должно предостерегать и остерегать от неразвитости, "выборочности", предварительности общих, теоретических, субъективных, незавершенных "умозрений". Но бесспорно, что именно они являются тем дополнительным "глазком" и своего рода необходимым ключом, позволяющим приблизиться к ощущению, относительному пониманию и максимальному осознанию постижимой полноты изучаемой повседневности.

Степные кочевники Северного Кавказа XIII-XV вв. не исключение, и Е.И. Нарожному, по моему разумению, удалось продемонстрировать это в пространном, общеисторическом контексте, открыв новые, ранее не востребуемые, перспективы.

В.Б. Виноградов, академик-руководитель научной Школы Международной Академии наук, академик Международной Академии информатизации, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани и Чечено-Ингушской АССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА** – Археологический альманах
- АВЭИСК** – Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа
- АВСИСК** – Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа
- АС** – Археологический съезд
- АЭС** – Археолого-этнографический сборник
- ВМУ** – Вестник Московского университета
- ДА** – Донская археология
- ДВДС** – Древности Волго-Донских степей
- ДД** – Донские древности
- ДК** – Древности Кубани
- ИАА** – Историко-археологический альманах
- ИАК** – Известия Императорской Археологической комиссии
- ИСКНЦВШ** – Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии
- КЭС** – Кавказский этнографический сборник
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР
- МИАК** – Материалы и исследования по археологии Кубани
- МИАСК** – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
- МИАП** – Материалы и исследования по археологии Поволжья
- МИСК** – Материалы по изучению истории Ставропольского края
- НАВ** – Нижневолжский археологический вестник
- НИИ** – Научно-исследовательский институт
- НЭ** – Нумизматика и эпиграфика
- ПИИЭ** – Полевые исследования Института этнографии
- РА** – Российская археология
- РИЖ** – Российский исторический журнал
- СА** – Советская археология
- САИ** – Свод археологических источников
- СМОМПК** – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
- СЭ** – Советская этнография
- Тр. ГИМа** – Труды Государственного Исторического музея
- ЦАИ АГПУ** – Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Описание могильников и погребений	16
1. О расположении могильника "Сухая Балка"	16
2. Могильник Верхнего Джулата	18
3. Прочие захоронения	20
4. Описание погребений	22
4.1. Могильник "Сухая Балка"	22
4.2. Могильник на городище Верхний Джулат	44
4.3. Погребение №3 кургана 3 у сел. Новоселицкое в Ставропольском крае	47
4.4. Погребение в кургане у хут. Пролетарский Коренов- ского района Краснодарского края	49
4.5. Погребение 1 кургана 1 курганного могильника "Кривуша-84" в Тихорецком районе Краснодарского края	51
4.6. Погребение 2 кургана 1 Калиновского курганного могильника в Наурском районе ЧИАССР	54
4.7. Погребения №№ 2,4 и 6 кургана 1 курганной груп- пы 4 Калиновского могильника в Наурском районе ЧИАССР	56
Глава 2. Погребальный инвентарь: общая характеристика и датировка	71
Категория 1. Украшения	71
Категория 2. Бытовые предметы	80
Категория 3. Культовые предметы	93
Категория 4. Предметы вооружения и снаряжения	94
Категория 5. Прочие предметы	115
Категория 6. Кости жертвенных животных	117
Глава 3. Погребальный обряд	127
1. О погребальном обряде и об этнической принадлеж- ности Верхнее-Джулатского могильника: версия автора раскопок	127
2. О каменных вымостках на могильниках и об их аналогиях	134
3. Погребальные ямы: типология и ориентировка	145
4. О деревянных гробовищах погребений "Сухой Балки"	151
5. Трупоположения	154
Глава 4. Об этнокультурной и конфессиональной атрибуции кочевнических захоронений на	

Северном Кавказе	164
1. В поисках подходов к интерпретации	164
2. О северокавказских захоронениях с различной ориентировкой	174
Заключение	200
Виноградов В.Б. Степные кочевники Северного Кавказа XIII – XV вв. обретают свое лицо (биография научного поиска) ...	203
Список сокращений	208
Содержание	209